

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

АЛТАЙ

№ 4 1980

АЛТКРАЙЗДАТ

А Л Т А И

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
А Л Ь М А Н А Х

№ 4

АЛТАЙСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Барнаул

1950 г.

ИЗДАНИЕ

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

№ 4

Иосиф Виссарионович Сталин.

**Указ Президиума Верховного Совета СССР
О награждении
товарища Иосифа Виссарионовича Сталина
орденом Ленина**

В связи с семидесятилетием со дня рождения товарища **И. В. Сталина** и учитывая его исключительные заслуги в деле укрепления и развития Союза Советских Социалистических Республик, строительстве коммунизма в нашей стране, организации разгрома немецко-фашистских захватчиков и японских империалистов, а также в деле восстановления и дальнейшего подъёма народного хозяйства СССР в послевоенный период, наградить товарища **Иосифа Виссарионовича Сталина** орденом **Ленина**.

**Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ШВЕРНИК.**

**Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН.**

Москва, Кремль.

20 декабря 1949 г.

Товарищу СТАЛИНУ—

ВЕЛИКОМУ ВОЖДЮ И УЧИТЕЛЮ,
ПРОДОЛЖАТЕЛЮ БЕССМЕРТНОГО ДЕЛА ЛЕНИНА

Дорогой друг, боевой товарищ, учитель и вождь!

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) и Совет Министров Союза ССР в день твоего семидесятилетия горячо приветствуют тебя; великого соратника и друга Ленина, гениального продолжателя его бессмертного дела, неутомимого строителя коммунизма, нашего мудрого учителя и вождя!

Вместе с Лениным ты, товарищ Сталин, создавал партию большевиков, в тесном содружестве с Лениным разрабатывал идеологические, организационные, тактические и теоретические основы большевизма, закалял партию в суровых боях за освобождение трудящихся, превратив её в самую могучую революционную партию в мире. Бесстрашный революционер, гениальный теоретик, великий организатор, ты вместе с Лениным уверенно и смело, твёрдо и осмотрительно вёл партию, рабочий класс на вооружённое восстание, на социалистическую революцию.

Вместе с Лениным ты, товарищ Сталин, был вдохновителем и вождём Великой Октябрьской социалистической революции, основателем первого в мире Советского социалистического государства рабочих и крестьян. В годы гражданской войны и иностранной интервенции твой организаторский и полководческий гений привёл советский народ и его героическую Красную Армию к победе над врагами Родины. Под твоим, товарищ Сталин, непосредственным руководством была проведена огромная работа по созданию национальных советских республик, по объединению их в одно союзное государство — СССР.

Когда смерть оборвала жизнь великого Ленина, ты, товарищ Сталин, высоко поднял славное знамя Ленина, смело и решительно повёл нашу партию по ленинскому пути. Партия большевиков, сильная своей верностью ленинизму, пролагала неизведанный ещё в истории путь строительства социализма в стране, окружённой кольцом капиталистических государств.

Величайшее значение для победы социализма имела развитая и обогащённая тобою, товарищ Сталин, ленинская теория о возможности победы социализма в нашей стране. Враги социализма, враги советского народа и коммунистической партии тщетно пытались сбить нашу партию с ленинско-сталинского пути, расколоть её изнутри, лишить рабочий класс веры в свои силы, в возможность построения социализма. Ты беспощадно разоблачал злодейские, преступные попытки врагов народа идейно разоружить партию, разбить её единство, погубить Советскую власть и социалистическую революцию. В жестокой борьбе против предателей и изменников делу социализма, против троцкистов, бухаринцев, буржуазных националистов и других врагов, — вокруг тебя, товарищ Сталин, сложилось то руководящее ядро нашей партии, которое отстояло непобедимое знамя Ленина, сплотило коммунистическую партию и вывело советский народ на широкую дорогу строительства социализма.

Претворяя в жизнь разработанную тобою величественную программу социалистической индустриализации нашей страны, советский народ в исторически кратчайшие сроки превратил отсталую в технико-экономическом отношении Россию в передовую индустриальную державу. С твоим именем связаны мощные социалистические стройки пятилеток, гиганты индустрии, новые отрасли промышленности, сыгравшие решающую роль в укреплении обороноспособности нашего государства.

Под твоим мудрым руководством, товарищ Сталин, в 1929 году в деревне произошёл исторический поворот, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года. Коммунистическая партия провела сплошную коллективизацию сельского хозяйства и на этой основе ликвидацию кулачества как класса. В резуль-

тате победы колхозного строя и механизации сельского хозяйства в советской деревне утвердилась новая, социалистическая жизнь, избавившая трудовое крестьянство от кабалы, разорения и нищеты.

Под руководством нашей партии, во главе с любимым Сталиным, Советский Союз стал могучей индустриально-колхозной державой, страной победившего социализма. Советский народ, построив социализм, навсегда уничтожил эксплуатацию человека человеком, создал новый общественный и государственный строй, свободный от кризисов и безработицы и обеспечивающий неуклонный подъём материального и культурного уровня трудящихся. Конституция Союза ССР, справедливо названная народом Сталинской Конституцией, закрепила величественные победы социализма, стала притягательной силой, маяком для всего трудового человечества.

Опираясь на богатейший опыт существования страны Советов, ты, товарищ Сталин, создал цельное и законченное учение о социалистическом государстве. Развивая ленинизм, ты пришёл к гениальному выводу о возможности построения коммунизма в нашей стране и о необходимости сохранения государства при коммунизме в том случае, если сохранится капиталистическое окружение. Этот вывод дал партии и народу ясную перспективу борьбы за победу коммунизма.

С твоим именем, товарищ Сталин, связано разрешение одного из важнейших вопросов революции—национального вопроса. В братской семье советских народов ранее угнетённые нации добились невиданного политического, хозяйственного и культурного расцвета. Вдохновлённая тобой дружба народов СССР явилась великим завоеванием революции, одним из источников могущества нашей социалистической Родины. С победой социализма стало несокрушимым морально-политическое единство советского народа, тесно сплотившегося вокруг партии Ленина — Сталина. Наш народ проникнут горячим и животворным советским патриотизмом. Под твоим руководством партия большевиков осуществила подлинную культурную революцию в СССР.

В каждое преобразование, большое или малое, поднимающее нашу Родину всё выше и выше, ты вложил свою мудрость, неукротимую энергию, железную волю. Наше счастье, счастье нашего народа, что Великий Сталин, являясь руководителем партии и государства, направляет и вдохновляет творческий созидательный труд советского народа на процветание нашей славной Родины. Под твоим водительством, товарищ Сталин, Советский Союз превратился в великую и непобедимую силу.

Когда гитлеровская Германия навязала Советскому Союзу войну и над нашей Родиной нависла смертельная опасность, ты, товарищ Сталин, возглавил вооружённую борьбу советского народа против фашизма — злейшего врага человечества, поднял всех советских людей на Великую Отечественную войну, воодушевил советский народ и его Вооружённые Силы на легендарные дела и подвиги. Партия Ленина — Сталина объединила усилия фронта и тыла. Твой воинский и организаторский гений принёс нам победу над фашистской Германией и империалистической Японией.

Великий полководец и организатор победы, ты, товарищ Сталин, создал передовую советскую военную науку. В сражениях, руководимых тобой, воплощены выдающиеся образцы военного оперативного и стратегического искусства. Выращенные и воспитанные тобой первоклассные военные кадры с честью претворяли в жизнь сталинские планы разгрома врага. Все честные люди на земле, все грядущие поколения будут славить Советский Союз, твоё имя, товарищ Сталин, как спасителя мировой цивилизации от фашистских погромщиков.

В послевоенных условиях, руководствуясь твоими указаниями, весь советский народ устремил свою творческую инициативу на быструю ликвидацию последствий войны, на осуществление грандиозных планов дальнейшего развития народного хозяйства и культуры страны социализма, на улучшение благосостояния трудящихся. Ленинско-сталинские идеи о социалистическом соревновании воодушевляли советских патриотов на новые трудовые подвиги, они разбудили великую энергию в сердцах миллионов советских людей во имя осуществления великой цели — победы коммунизма.

С величайшей твёрдостью и проницательностью направляешь ты, товарищ Сталин, внешнюю политику Советского Союза, борясь за мир и безопасность больших и малых народов. Неизмеримо вырос международный авторитет СССР, как оплота мира и демократии. Трудящиеся капиталистических и колониальных стран видят в тебе верного и стойкого поборника мира и защитника жизненных интересов народов всех стран. Ты зажёл в сердцах всех простых людей земного шара непоколебимую веру в правое дело борьбы за мир во всём мире, за национальную независимость народов, за дружбу между народами.

Советский Союз под твоим руководством, товарищ Сталин, сыграл решающую роль в освобождении трудящихся стран народной демократии от фашистских поработителей, от ярма капиталистов и помещиков. Народы этих стран преисполнены чувством благодарности к тебе за ту бескорыстную братскую помощь, которую оказывает им Советский Союз в экономическом и культурном развитии.

Великий корифей науки! Твои классические труды, развивающие марксистско-ленинскую теорию применительно к новой эпохе, эпохе империализма и пролетарских революций, эпохе победы социализма в нашей стране, являются величайшим достоянием человечества, энциклопедией революционного марксизма. В этих произведениях советские люди и передовые представители трудящихся всех стран черпают знания, уверенность, новые силы в борьбе за победу дела рабочего класса, находят ответы на самые жгучие вопросы современной борьбы за коммунизм. Твои труды по национально-колониальному вопросу как яркий светоч освещают путь национально-освободительного движения народов колониальных и зависимых стран. Гигантские успехи сил мира, демократии и социализма озарены ленинско-сталинской революционной мыслью.

Великий зодчий коммунизма! Ты учишь всех большевиков высокой требовательности к себе и другим, смелой критике недостатков и предупреждаешь о том, что нельзя успокаиваться на достигнутом, самообольщаться успехами. Ты учишь, что критика и самокритика — это действенное оружие в борьбе за коммунизм, что неотъемлемыми каче-

ствами партийных и советских кадров должны быть большевистская скромность, чуткое и внимательное отношение к пуждам народа, высокая идейность и принципиальность в борьбе со всеми проявлениями буржуазной идеологии.

Дорогой товарищ Сталин! Ты всегда учил и учишь нас, большевиков, быть такими, каким был великий Ленин, не жалея сил служить своему народу, всемерно способствовать дальнейшему расцвету нашей любимой Родины, делать всё для победы коммунизма. Большевистская партия, советский народ, всё передовое человечество видят в тебе учителя и вождя, гениального продолжателя бессмертного дела Ленина. Имя Сталина — самое дорогое для нашего народа, для простых людей во всём мире. Имя Сталина — это символ грядущей победы коммунизма. Сердца советских людей и миллионов тружеников земного шара преисполнены горячей любовью к тебе — Великий Сталин!

Большое счастье жить и творить в нашей Советской стране, принадлежать к партии Ленина—Сталина, к героическому поколению советских людей, борющихся в сталинскую эпоху за торжество коммунизма, под руководством Сталина!

Прими, наш учитель и вождь, наш лучший друг и боевой товарищ, сердечные пожелания тебе многих лет здоровья и плодотворного труда на благо большевистской партии, советского народа, на счастье трудящихся всего мира.

Да здравствует наш родной Сталин!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ (большевиков).

СОВЕТ МИНИСТРОВ
СОЮЗА ССР.

Указ Президиума Верховного Совета СССР
Об учреждении международных Сталинских премий
«За укрепление мира между народами»

1. Учредить международные Сталинские премии «За укрепление мира между народами».

Премии присуждаются гражданам любой страны мира, независимо от их политических, религиозных и расовых различий, за выдающиеся заслуги в деле борьбы против поджигателей войны и за укрепление мира.

2. Установить, что лица, награждаемые международной Сталинской премией, получают:

- а) диплом лауреата международной Сталинской премии;
- б) золотую нагрудную медаль с изображением И. В. Сталина;
- в) денежную премию в размере 100 тысяч рублей.

3. Установить, что международные Сталинские премии «За укрепление мира между народами» присуждаются ежегодно в количестве от 5 до 10 премий специальным Комитетом по международным Сталинским премиям, образуемым Президиумом Верховного Совета СССР из представителей демократических сил различных стран мира.

4. Присуждение премий производить в день рождения Иосифа Виссарионовича Сталина — 21 декабря каждого года.

Первые премии присудить в 1950 году.

**Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ШВЕРНИК.**

**Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН.**

Москва, Кремль.

20 декабря 1949 г.

ПЕСНЯ О СТАЛИНСКОМ АЛТАЕ

*(Посвящается приезду Иосифа Виссарионовича Сталина
на Алтай в 1928 году)*

Над землёй — не ветры-непоседы,
Паровоза песня над землёй.
На Алтай, к народу на беседу,
Ехал Сталин с думой зоревой.

В тот вагон, с рассвета до рассвета,
Со степи родной, с Оби — реки
Шли и шли за делом и советом
К своему вождю большевики.

Далеко глядел он взором метким,
Слушая народные мечты.
И легли на карту пятилетки
Новой жизни красные черты.

С той поры хлеба стеною встали,
Расчесали плуги целину.
Навсегда привёз товарищ Сталин
На Алтай колхозную весну.

И цветут, цветут сады степные
В нашем крае, вечно голубом.
Мы теперь, товарищи родные,
Даже дня без песни не живём.

С ней идут с завода на просторы
Трактора, печатая следы,
И Южсиб открыл ей семафоры
В Салаир и степи Кулунды.

Нам пути к победе освещая,
Ленинскими лампами горя,
Занялась над сёлами Алтая
Коммунизма яркая заря.

А. Саруева

ДУМА О ВОЖДЯХ

Много слёз пролито было,
 Много скорбных песен спето
 О судьбе людской постылой,
 Много думано про это.
 Нам и солнце не светило,
 Нам чужими были горы.
 От аила до аила
 Кочевало наше горе.
 Мчались годы. И туманы
 Заволакивали дали.
 Мы старели очень рано,
 Слишком рано умирали.
 Припади к траве зелёной
 И послушай на рассвете:
 Наши слёзы, наши стоны
 Переполнили столетья.
 Словно в сумраке осеннем
 Ждали люди, солнца ждали.
 Если б не великий Ленин,
 Мы бы солнца не видали.

* * *

Над горами ярко светит
 Солнце жизни молодое.
 Как легко нам жить на свете,
 Жить и знать, что всё было
 Не вернётся. Что недаром
 Кровь свою народы лiali.
 Погляди вокруг : амбары
 Распирает зёрен сила!

Погляди на эти склоны, —
Сколько там отар колхозных!
Над моим просторным домом
Машет ветками берёза.
Плещут зори. Птицы песни
Распевают на рассвете.
Край любимый, край чудесный!
Как легко нам жить на свете!
Не найдёшь нигде печали
В буйном море изобилья!
Это ты, товарищ Сталин,
Наши сказки сделал былью.
Это ты ведёшь нас к счастью
По дороге вольной жизни,
Из осенних дней ненастья
К вечной славе, к коммунизму!

Перевод с алтайского
Ковст. Козлова.

Селей Нудерманов

МОЕ ВРЕМЯ

Было время. Оглашались стоном
Синие хребты Мендур-Сокона.
Было время. Под жестокой плетью
Умирал кочевник. Только ветер
Выл в ущельях долго и уныло
Над его заброшенной могилой.
По-другому обернулось время.
Стали мы, кочевники, не теми.
Расцвела под Сталиновым законом
Наша жизнь в горах Мендур-Сокона.
Мы живём и знаем, что навеки
Всё, что есть: луга, поля и реки,
Светлые озёра, птичьи песни, —
Нам с тобой принадлежит, ровесник.
Мы идём дорогою прямою
К коммунизму дружною семьею.
Русский называет меня братом.
Время моё, жизнь, как хороша ты!

Перевод с алтайского
Конст. Казлова.

*

КОМСОМОЛЬСКИЙ ЗНАЧОК

Поэма

Значки нагрудные вручали...
Из всех девчат её звена
Шла в комитет тогда, вначале,
Она одна.

И вот в райкоме комсомола,
Сердечно всех благодаря,
Взяла значок и приколола,
Запомнив речь секретаря:

— Вот наше знамя со звездой.
Не на груди — оно в груди.
Иди под ним, и за собою
Других веди!
Будь впереди.
Не подведи!..

И с той поры казалось Рае:
Над ней,

над полем,
надо всем

Бушует знамя, осеняя
Великий

ВЛКСМ.

И шагом полным и широким
Она ступает горячо.
Чуть глянет, вроде ненароком,
На красноезвездный свой значок.
Вот так бы, гордо, бесконечно
Ийти...

Всю землю обойти,
Чтобы в пути
Все взоры встречных
Сходились на её груди.

И тут перед любым на свете,
Кто на её значок взглянул,
Она теперь уже в ответе, —
Не только за себя одну.
За всех друзей,
Что нет надёжней,
За тех,
 кем я с тобой горжусь,
За весь великий молодёжный
Коммунистический Союз.

2.

Её участок был у тракта.
И мимо — целый день народ,
Гудит авто,
Грохочет трактор,
Поёт весёлый пешеход.

И часто путники, шагая
В недалёкий город из села,
Кричат:

— Товарищ звеньевая,
Ну, как дела?

Да так, ответит, понемногу..
Вот зеленым везём «обед»..
И, улыбнувшись, им в дорогу
Пошлёт привет.

С одним водителем встречаться
Пришлось ей раз до двадцати.

Он ей:

— Счастливо оставаться!

Она:

— Счастливого пути!

Платком из голубого шёлка
Помашет парню, и опять
До поздней ночи комсомолке —
Возить,

 кормить,

 полоть,

 считать...

А ночью девушке

Не спится.

На книгу льётся тихий свет.

И строго глядя со страницы,

Сам Вильямс ей даёт совет.

Упорный взгляд,

Открытый, смелый,

Простые ясные слова.

Для урожаев нет предела,
Где вырос колос —
Будет два.
Ведь из райкома комсомола
Ей секретарь писал опять:
«...смотри,

мичуринскую школу
Не забывать!..

Как на участке,
Так и в поле
Победу хлебную куют.
Ведь за учёного на поле
По тридцать неучей дают!»

3.

А от звена шагов за двести
У тракта высится бугор.
И каждый раз на этом месте
У парня «нервничал» мотор.
В минуты краткого простоя
Он думал, действуя ключом:
«К кому стремится ретивое
Под этим пламенным значком?»

Она к нему не подходила...
И он ворчал:
— Не до меня...

Она пошла и кормила
Свои родные зеленыя.

В сапожки прочные обута,
Шла деловито, неспеша,
И неприметная как-будто,
А чем-то всё же хороша.

Такая скромная, простая...
Средь нив колхозных золотых
Немало встретишь на Алтае
Девчат душевной красоты.

Но вот одна запала в душу...
И он, бывало, подойдёт.
Заговорит —

не переслушать,
Посмотрит —
глаз не отведёт.

А уж какая мастерица!
Как говорится — поискать,
на каждом стебельке пшеницы —
по три-четыре колоска.

ИРАЕВАЯ

гор. Барнаул

А по краям густого хлеба,
В прозрачных капельках росы,
Растут, протягиваясь в небо,
Деревья лесополосы.

Не зря, по тракту проезжая,
Сказали парни из села:

— Глядите, эта звеньевая
Всерьёз берётся за дела.

— Девчонка,

Сразу видно, с толком.

Взялась за дело горячо.

— Да видишь —

это ж комсомолка...

Сверкает

Маленький значок...

Смотрели, открывая дверцы,

На комсомолку — новичка:

— Видать, зажгло

Все силы в сердце

Огнём нагрудного значка.

4.

И вновь, себя не пересилив,
Шагает к ней шофёр Василий.

Идёт сквозь тополя и клёны,

В поля —

В безветренную тишь,

Высокий, стройный,

Весь в зелёном:

От тополей не отличишь.

В руке — ведро.

— Позвольте снова

Воды из вашего пруда

Мне зачерпнуть для «вороняго»

У вас чудесная вода...

Неслись из леса птичьи трели

Через пруды,

Через поля.

В лесу не видно птиц.

И пели,

Казалось, эти тополя.

Раиса слушала шофёра.

— Как вы смогли —

Спрошу я вас —

Набрать

в делах

такую скорость

И дать такой высокий класс?

Глаза девчонки заблестали:

— Да тут...

и сердце на виду...

А если сам товарищ Сталин
Проедет трактором в Кулунду?

Да остановится у колка,

Пройдёт тропинкой у межи.

— А ву-ка, — скажет, — комсомолка,

Свою пшеницу
покажи...

И надо,

чтоб хлеба вот эти

Шумели бы

на всю страну...

Ведь я за всех друзей в ответе,

Не только за себя одну.

И каждому из нас придётся,

Кто носит этот вот значок,

За всех советских комсомольцев

Держать и выдержать зачёт.

— Вы правы, — говорит

Василий,

— На эти веленя взгляни —

И скажешь:

Люди здесь по силе

Советской гвардии сродни.

— На нас, гвардейцев,

вы похожи.

С таким же пламенем в груди.

Ведь вы, гвардейцы молодёжи,

Как все гвардейцы —

впереди.

И это знание — дороже

Всего — всего...

И так скажу:

Для вашей гвардии я тоже

Вполне, возможно,

подхожу.

5.

Машину как-то заправляя

Водою из пруда,

шофёр

Гвардейский знак платком протёр,

И у дороги встретив Раю,

Решил спросить её в упор:

— Я не любил ещё ни разу,
Скажу вам прямо... Ну, а тут...
Одну бы
 в жизни
 автотрассу,

Один маршрут...

Весь город вам готовит встречу...

А Рая:

— Что я вам отвечу?

Я, в общем, может и не против —
Видать сродни у нас сердца,
Да только как это в работе
Иметь начало без конца?

Да только как это я брошу
Свои поля, своё звено,
Уборку, зимнюю порошу,
Своё счастливое зерно?

Идите к нам —

Нужда в шофёрах:

К соседям ходим на поклон...

— Но я ведь в свой любимый город,
Как вы в родной колхоз, влюблён...

— Ну что ж, договоримся. Вася, —
Пусть, как всегда, решает труд:
Нужнее ль вы на автотрассе,
Чем я вот тут?

Возьмёте вы в труде победу —

И я уж к вам, закончив год,

Безоговорочно приеду.

А нет —

 тогда наоборот...

Тут выбор сделает старанье.

— Так это что ж —

Соревнованье?

Ну, хорошо,

Увидим скоро...

Но только как бы ни пришлось

Вам всё же переехать в город.

— А, может быть, и вам — в колхоз.

6.

Без останова,

Споря с ветром —

То в эту сторону,

 то в ту.

«За двести тысяч километров!» —

Шофёрский лизунг на борту.

Чиста работа,
Без укора.
Даёт машине полный газ.
И рад народ:
— Вот это скорости!
— Вот это рейс!
— Вот это класс!

В звене весь день кипит работа.
— А ну, девчата, не плошай.
Ни молочая, ни осота
Не пропустите незначай.

Девчата — поищи проворней.
Весёлый, деловой народ.
Шутили:
— Выкорчуем с корнем
Весь недород!

Везде — звеном,
Повсюду — вместе.
Никто вовек не подведёт,
Когда работа — дело чести.
Когда работа — на народ.

Стоят колосья, да такие,
Что может вся земля села
За весь свой долгий век впервые
На свет их здесь произвела.

— Чиста работа,
Без укора, —
Василий думал каждый раз. ---
— Вот это да!
Вот это скорости!
Вот это — хлеб!
Вот это — класс!

И мчит стрелой его трёхтонка,
Лишь ветра свист над головой.
Без останова
Мимо колка,
Бугра,
Участка звенёвой.

Механик спрашивал шофёра:
— Я слышал, будто у бугра
Шалили «нервы» у мотора
На капитальный
не пора?

Ответил:
— Разве я ослеп...
Ведь время — хлеб.

Под осень отдыхать не модно,
Я тороплюсь —
Давайте груз.
Без капитального —
полгода

Я обойдусь..

И вот на всех дорогах вскоре
Заговорили о шофёре.

Друзья-водители гадали:

— Да что такое с Васильком?

Товарищ жмёт на все педали.

Как говорится, «с ветерком».

У самого товарищ спросит,

А он в ответ, — молчок, молчок...

Лишь вдруг глаза с улыбкой скосит

На новый

Пламенный значок.

И многие, шофёра встретив,

Смотрели ласково, любя:

Мол, понимаем: ты в ответе

Теперь не только за себя.

За всех друзей,

что нет надёжней,

За тех,

кем я с тобой горжусь;

За весь великий молодёжный

Коммунистический Союз.

7.

Глубокий рейс.

Он долго длится.

Шофёр здесь помнил зеленыя.

Потом сменила их пшеница.

Теперь — шетинилась стерня.

Зима стояла на пороге.

Казалось, было так давно,

Когда степные все дороги

Вели на пункт «Заготзерно».

Мечтал:

«Управляюсь с семенами —

Скажу:

настал, родная, срок...»

...Шумел, как боевое знамя,

На радиаторе флажок.

Колхоз «Сибирский комсомолец»
В листке отмечен в путевом.
Знакомый тракт.
И пруд, и поле...
А вот — деревня за бугром.

Затормозив, открыл кабину:
— Я семена теперь вожу.
Эй, бригадир, куда машину?
— Давай, поедем. Покажу.

Эх, не простое, —
 золотое

Даём зерно.
Прошу учесть:
Ты повезёшь зерно Героя.
Большая честь...
— Ешё б не честь!..

А кто Герой?
— А ты не видел?
Я в дальнем рейсе был...
— Она,
Наш боевой руководитель
В районе лучшего звезда.

Звено на севе, на уборке,
И на подкормке и прополке —
Пример!.. Короче говоря,
В звене девчата — комсомолки!
У всех значки горят не зря.

И жал шофёр на все педали.
И вот — колхозное гумно.
Четыре девушки ссыпали
В мешки лучистое зерно.

Одна взяла мешок зерна
И понесла...
Она?.. Она!..
В сапожки прочные обута,
Шла мерно, ровно, не спеша,
И неприметная как будто,
А всё же очень хороша.

Вот подошла к машине Рая.
И вдруг на ситце голубом
Звезда сверкнула Золотая
Под скромным
 маленьким значком.

Вскочил —

аж звякнули рессоры —

Весь — нетерпение и пыл,

Вскочил, не выключив мотора:

Забыл — забыл..

И так уж всматривался, словно

Её увидел в первый раз.

— Позвольте мне, Раиса Львовна,

От всей души поздравить вас.

— Спасибо, — отвечала строго

И чуть задумалась. О чём?

На просьбу:

— Ну, пройдем немного...

Кивком ответила:

— Пройдем...

А на току

из-под клейтонов,

Из всех совков,

решёт,

лопат

Шумел глухим и ровным тоном

Кипящий

мощный

зернопад.

— Тут, значит, вот какое дело...

Тебе я, значит, не подстать,

Уж больно высоко взлетела,

Уж так взлетела —

не достать.

Она залиvisto смеётся,

Шофёра под руку берёт:

— Кто очень хочет —

Тот добьётся,

Кто ищет — тот всегда найдёт.

— Да я... И парень весь внимание.

А девушка: решён вопрос.

Ты проиграл соревнованье,

Теперь переходи в колхоз.

— Перехожу.

С тобою, Рая,

Везде и всюду — навсегда

— И будь уверен:

Золотья,

И на тебя сойдёт Звезда.

Сойдёт!

Носил бы наше знамя

Не только на груди —
в груди
А там... А там... Ведь все за нами,
Ведь столько, столько впереди...

Повсюду, где бы ни сошлись мы. —
Страна побед...
Да в чём вопрос?
Ведь автотрасса коммунизма
Ведёт и в город, и в колхоз.

...Простые звездочки, влитые
В значки — знамёна. Но всегда
Рождает Звезды Золотые
Вот эта скромная звезда.

Моя звезда!
Найти ль надёжней
Тобой скреплённых дружбы уз?
Живи, великий молодёжный
Коммунистический Союз!

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Ф. Гринько

председатель колхоза имени Молотова, депутат
Верховного Совета СССР, Герой Социалистиче-
ского Труда.

По пути к коммунизму

— Я начну свой рассказ с запомнившейся мне с юности песни степного жителя:

Степь сибирская, без края —
Чебрецы да ковыли.
Приюти меня родная, —
В чистом поле схорони...

Давно ту песню я слышал. Да не могу забыть и по сей день её тоскливый напев, её слова, полные безысходного горя. Чем была для сибирского крестьянина тогда степь? Злой мачехой, чёрствым, неподатливым куском земли — не возьмёшь её ни плугом, ни бороной, ни мужицкой силой.

Слова песни сливаются в моей памяти с впечатлениями о крестьянском житье-бытье. В юности я пастушил. На отгонные выпасы мы отправлялись, когда ещё таяли снега, а пригоняли скот в село, когда о ледяную осеннюю корку звенели подковы.

Помнится вид сибирской степной деревни — жалкий, убогий, как и сама жизнь. У дворов — ни одного дерева, лишь стонут на ветру колодезные коромысла. Зимой — до печных труб избёнки занесены снегом, улицы перенесло сугробами, и только одинокие тропки разбежались в луга, к санным стожкам. Весной и осенью — непролазная грязь, слякоть.

Крестьянская изба всем своим видом свидетельствовала о скуке и убожестве деревенской жизни. У богатеев стены горницы украшались лубочными картинками, портретами царской семьи, грязноватыми обоями. А бедняцкое жильё было ещё непригляднее: одна комната с широкими полатами, с некрашенными лавками по бокам, с дымной печкой. В избе тесно, пахнет кислыми овчинами. По стенам разгуливают тараканы. Маленькая коптилка еле освещает избу. В крестьянской семье не встретишь ни книги, ни газеты — ведь в большинстве семей не было грамотных.

Труд сибирского крестьянина был каторжным. Его производственные орудия — конный плужок, борова — трёхзубка, серп,

Коса да скрипучая телега на деревянном ходу. Каждый камень на своём поле надо обойти, между соседа уберечь. Крестьянин был полностью подчинён власти стихии: «Даст бог дождичек, солнце, погоду — будет урожай. Не будет дождичка — жди беды».

Когда в степные просторы пришла советская власть, многие из нас, жителей бобровских сёл, добровольно вступили в Красную Армию, стали во главе революционных комитетов. Лично я участвовал в походах сибирских партизан против колчаковских банд, на южном фронте воевал с Врангелем. Но вот остатки интервентов сброшены в море, Восток очищен от колчаковщины. Бобровские солдаты и партизаны вернулись к родным очагам, стали думать о новой жизни.

Незавидное было наше хозяйство: у кого пара коней — но в тех надо гнать под гору, по ветру, да в четыре кнута; у кого — плуг без лемеха, а у меня, батрацкого сына — ни кола, ни двора. Что делать? Собрались тогда на сельский сход наши односельчане, стали выбирать местную власть. Меня, как бывалого и немного грамотного, беднота выдвинула председателем сельсовета. Знал деревенский народ, что я надёжно буду защищать его кровные интересы, как защищал от захватчиков любимое Отечество.

13 февраля 1921 года батраки и бедняки двух соседних сёл организовали коммуну «Новый свет». Под усадьбу облюбовали пустырь, на самом краю берёзовой рощи. Свезли десятка два ветхих домов, обобществили имущество. Государство не оставило без помощи коммунаров «Нового света».

Один из организаторов этой коммуны, Филипп Кузьмич Поликарпов, рассказывал:

«Собрались на выселке все неимущие, посмотрели друг на друга, и про себя сказали: «Такой камень родит пламень». Пришли на первое коммунарское собрание и долго рассуждали о том, как будем сообща работать. Наши коммунисты рисовали светлое будущее, говорили о коммунизме. То время казалось далёким-далёким, как мечта. Но мы верили слову большевиков и следовали за вожаками».

О «мощности» первого коллективного хозяйства можно судить хотя бы по тому, что все его капиталы составляли не более 20 тысяч рублей, сеяла коммуна всего сто гектаров ярового; была у неё только одна животноводческая ферма. Но это уже был коллектив, общая сила, объединение. А человек в коллективе — неодолим. Вот на этой удобренной коммунарами почве и родился колхоз имени Молотова, здесь вырос, обстроился, приобрёл новый вид степной посёлок.

2.

Меня избрали в сельский совет и я сразу почувствовал, сколь велика ответственность, которая легла на мои плечи. К молодому, неопытному председателю шли за помощью вдовы и сироты, поступали жалобы на обидчиков — толстосумов. Жизнь ежедневно

ставила новые сложные вопросы. И во всём требуется разобраться. А как разобраться, если грамоты у меня — два класса приходской школы, в законодательстве я не сведущ, в обстановке недостаточно ориентируюсь?

Я решил работать и учиться, отдавать учению каждую свободную минуту. Навстречу мне пришли местные педагоги. Смешно, наверное, было наблюдать, как взрослый человек, в армейской шапке, в сибирском полушубке, заполнил стол учебниками и при свете «пятилинейки» просиживал ночи за учёбой. Посторонние смеялись, а меня это не смущало: я рвался в светлое будущее, я был одержим мечтой о новой жизни. Через несколько лет «экстерном» окончил среднюю школу.

...Тем временем дела в степной коммуне шли в гору. Уже поговаривали о новых машинах, которые взрыхляли вековую целину, о чудесных травах, выращенных коммунарами, о добрых сборах ярового зерна. И всё же это были робкие шаги, опыты, а не планомерное наступление на дикую степь. И у меня зародилась тогда мысль, которая не давала покоя: отдать свои небольшие знания и первый организаторский опыт общественному хозяйству. Я хотел пойти по неизведанным дорогам. Я верил, что пройдёт немного времени, и эти дороги станут вытерёнными степными большаками.

Теперь, спустя десятилетия, трудно восстановить в памяти все детали первоначального хозяйствования. Старейшие наши колхозники Филипп Поликарпов, Никанор Уфимцев, Михаил Бредихин помнят, как начинался трудный путь, на который мы встали твёрдо, навечно. Это было преддверие массового колхозного движения — того движения, которое по своим последствиям стало равнозначным революционному перевороту в октябре 1917 года.

Я отчётливо представляю первые встречи с коммунаром Филиппом Кузьмичём Поликарповым — тогда ему перевалило за 40 лет. Он был в постоянных хлопотах, в движении. Филипп Кузьмич считался «главным механиком» коллективного хозяйства. Он ремонтировал машины, ковал детали, делал посуду. У нас с Поликарповым были некоторые «тайны»: мастер передавал мне свой опыт.

— Пригодится, Фёдор Митрофанович, — постукивая молотком, рассуждал Поликарпов, — когда мы разбогатеем — всё пригодится.

Как завет, нёс я в своём сердце это мудрое напутствие умудрённого жизнью человека. И верно, в жизни мне всё пригодилось.

В 1928 году в Сибирь приезжал товарищ Сталин. Он был в Рубцовске и Барнауле, выступал на собрании партийного актива. Положение с хлебом было тогда напряжённое. Единичная деревня не могла удовлетворить потребности города в продовольствии, а растущей социалистической индустрии — в сырье.

Сталин ехал по степным просторам...

Кругом лежали пустующие или малоурожайные земли. Где-то в стороне от железнодорожного пути, как маленький островок в море единоличных хозяйств, жила наша коммуна. И когда позднее я услышал о пребывании Иосифа Виссарионовича у нас на Алтае, радостно подумал: «Может, и наше далёкое селение приметил зоркий сталинский глаз».

Вскоре по великому сталинскому плану началась переделка сельского хозяйства на социалистических началах. Наша коммуна приняла Устав сельскохозяйственной артели. В ближних деревнях организовались колхозы: «Алтайский трудовик», «Первое Мая», имени Сталина. Колхозное движение вытеснило кулацкие хозяйства. На основе сплошной коллективизации кулачество было ликвидировано как класс. Настала светлая колхозная жизнь.

В это время проводился набор в сибирский коммунистический университет. Не хотелось мне оставлять родного колхоза, но я решил поучиться, чтобы с новой энергией продолжать колхозную стройку.

3.

С детства меня пленяла природа.

Летом отрадно наблюдать в густом перелеске, как гнутся на ветру деревья и шепчутся листья. В народе такие перелески называли «ветроломными линиями».

А ещё приятнее в тихий вечерний час посидеть над зеркальным степным озером: синькой отражаются в воде облака, где-то в камышах плещется дичь. Любовь к лесу, к воде, к растительному миру я впитал с молоком матери — полтавчанки. И теперь я равнодушен к зелени, к цветам, ко всему красивому.

Вернулся я с учёбы в свой колхоз и меня поразили скудость пейзажа, бедность и однотонность степных красок. Хотелось видеть живописные рощи, иметь много воды, цветов, деревьев. Тогда я высказал Филиппу Кузьмичу Поликарпову мысль — развести свой сад. У любителей-садоводов достали саженцев, разбили небольшой питомник, распланировали аллеи. Молодые деревья гибли, но оказались среди них и жизнестойкие. Особенно буйно распустилась яблоня, за которой ухаживал я, председатель артели. Надо мной подшучивали: «Распрекрасная гриньковская яблонька цветёт».

Многие радовались, а были и такие, что открыто высказывали недовольство.

— Яблоки у нас, в Сибири? — вопрошали они. — Э, лучше занимайтесь своим исконным делом — хлебом.

Жизнь вскоре посмеялась над теми, кто привык ходить по знакомой тропке. Несколько яблонь стало плодоносить. И вот однажды на дереве мы увидели созревший плод. Я сорвал яблоко, разрезал его на мелкие части и дал каждому попробовать. По правде сказать, яблоко было кислое, малосочное. И всё же каждый

хвалил. Стена недоверия рухнула, новое дело привилось, как прививается сильный подвой. Вскоре мы побывали у великого преобразователя природы — Мичурина. Иван Владимирович долго расспрашивал нас о сибирской природе, о наших первых опытах. Он рассказал нам, как вести дело дальше, и, прощаясь, напутствовал нас: «Фрукты в Сибири будут».

И теперь, когда фруктовый сад у нас разросся на 50 гектарах, когда в нём разводятся многие сорта яблок, слив, крыжовника, малины, растут орехи и виноград, живо припоминается эпизод из недавнего прошлого. У первых фруктовых деревьев, ещё не окрепших, не плодоносящих, колхозный человек почувствовал себя преобразователем природы.

Он, все сильный человек, пошёл на малоурожайные земли, чтобы сделать их щедрыми, на ветреные пустыри, желая защитить их от знойных суховеев. Он пожелал иметь рыбные пруды и освещённые электричеством дома, племенной скот и первосортные овощи.

Что родили прежде наши поля? Пшеницу, овёс, коноплю. Урожай яровых не превышали сам пять — сам шесть. Земля, иссушённая пронзительными ветрами, теряла свою структурность, год от году давала меньше и меньше товарного зерна. Поля обрабатывались прадедовским способом. Правильный севооборот отсутствовал, и небольшие полоски становились рассадниками сорняковой нечисти — пырея и молочая, чебреца и овсюга. В пору цветения со степных нив доносились густые запахи сорняков.

Упорно мы стали добиваться изобилия земли. В колхозе появился свой агроном-полевод — Ефим Филиппович Поликарпов. Опытные земледельцы Фёдор Ивин, Михаил Бредихин, Фрол Шумилин стали во главе полевого дела. Были созданы звенья зерновиков, начали организовываться высокоурожайные участки.

В развернувшемся движении за плодородие полей ударной силой была партийная организация во главе с её вожаком Никитой Никитовичем Евкиным. Коммунисты стали на самые трудные участки, они шли в бригады, на полевые станы, воодушевляли колхозников, развивали у них любовь к земле, отданной крестьянам навечно. Впервые сельские труженики услышали слова «травопольная система», впервые им рассказывали о великих русских учёных — Мичурине, Тимирязеве, Докучаеве, Костычеве, Вильямсе.

Припоминаю, с каким трудом мы усадили за книгу стариков-звеньевых.

— Чему нас учить? — упорствовали бородачи, — эту землю мы тысячу раз сажевкой измерили.

— А шахматный сев знаете? С яровизацией знакомы? — допытывался агроном. Они отрицательно качали головами.

Перед Отечественной войной нам удалось внедрить полный комплекс травополья. Степные пашни стали давать не только яровое, но и озимое зерно, сахарную свеклу, масличные культуры, се-

мена трав, горчицу. В обиход вошли такие понятия, как подкормка растений, чёрный пар, перекрёстный сев, искусственное доопыление, внутрисортовое прореживание. Урожай зерна достигли ста пудов. Натуральная ценность трудодня превышала четыре—пять килограммов хлеба. Доходы от полеводства исчислялись сотнями тысяч рублей. Наш колхоз широким показом был представлен на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Правительство наградило колхоз орденом Трудового Красного Знамени.

Выше я рассказывал, как мы, отведав первое яблоко из нашего сада, испытали радостное чувство. Каждый, наверное, тогда подумал: «вот он, неведомый родничок изобилия». В глазах людей светилось одобрение, я слышал, как люди говорили о новых опытах, видели будущее своего колхоза.

— Что это? — спрашивал я у Никиты Евкина.

— Чувство хозяина! — говорили мы друг другу.

Это чувство изменило отношение людей к труду. Уже не надо было стучать в окна колхозникам и приглашать их на работу. Утром все являлись на свои места, трудились старательно, с огоньком.

Мы решили подтянуть отстающие отрасли хозяйства — животноводство и овощеводство. Молодой зоотехник Калининченко энергично взялся за племенное дело. На товарных фермах появились белые русские свиньи, симментальские и костромские коровы, русские рысаки, тонкорунные овцы. Передовые животноводы, такие как Пелагея Кузеванова и Василий Сеняков, подняли надои до двух тысяч пятисот литров на корову-метиса и настригали до 6 килограммов шерсти на тонкорунную овцу:

Чем богаче становился колхоз, чем выше становились его доходы, тем больше спланивался артельный коллектив, крепла дисциплина, повышался интерес к работе. Устав сельхозартели, который товарищ Сталин назвал высшим законом строительства новой жизни деревни, помог нам организационно-хозяйственно и политически укрепить колхоз, бороться с расхитителями общественного добра, с лодырями и тунеядцами, с нарушителями демократии — со всеми врагами колхозного строя и их пособниками.

Во время первых выборов по новой Сталинской Конституции я удостоился великой чести — меня избрали депутатом Верховного Совета СССР.

4.

К началу Великой Отечественной войны алтайский колхоз имени Молотова был уже широко известен в Сибири и за её пределами.

Стойко приняли молотовцы весть о фашистском нашествии. Места фронтовиков — трактористов, бригадиров, животноводов, строителей — заняли женщины. В то грозное для Отечества время вновь блестяще подтвердилась сталинская оценка труда советской крестьянки: «Женщина в колхозах большая сила».

Рабочих рук и техники у нас стало заметно меньше. Но мы не унывали — не таков советский человек, воспитанный партией Ленина — Сталина. Коммунисты сказали колхозникам: «Один должен заменить двух—трёх фронтовиков». Они зачитывали письма из блиндажей и окопов. И тут я вспомнил драгоценный совет Филиппа Кузьмича Поликарпова: «Учись, в жизни всё пригодится». Я решил овладеть несколькими специальностями и, прежде всего, изучить комбайн и автомашину.

Посещать курсы — нехватало времени. Весь день уходил на руководство сложным артельным хозяйством. И лишь ночами в мастерской МТС, помогая механизаторам, я изучал комбайн. Новыми профессиями овладел я быстро. Очень скоро заменил комбайнера и в сезон скашивал по 250—300 гектаров. Было и так: некому вести автомашины с хлебом. Я сел за руль и делал три—четыре рейса на ссыпку. Мы построили маслобойный завод — председатель стал первым у пресса; решили поставить новую сушильную установку — над её проектом, вместе с инженером, работал и я.

Примеру вожака артели последовали колхозники. Доярка Пелагея Кузеванова приняла молочно-товарную ферму, старейший член колхоза Никандр Акимович Уфимцев плотничал и делал посуду, садовод Андрей Сергеевич Семёнов сторожил хозяйство, читал лекции молодёжи.

Не могу не сказать о молодых колхозницах — Пелагее Губарёвой, Варваре Тютиной и Наде Горбатовой, выдвинутых к руководству звеньями. Они первые среди женщин стали мастерами высоких урожаев. Урожай зерновых в этих звеньях доходил до 130 пудов с гектара. На всей площади они применяли новейшие агротехнические приёмы: трёхкратную подкормку растений, обновление сортов яровых, яровизацию семян. В свою работу женщины — новаторы вносили творческую живинку, делали труд вдохновенным.

В те дни мы писали своим землякам на фронт

«Не беспокойтесь, дорогие товарищи, за нас: колхозное дело в надёжных руках. Бейте проклятых фашистов огнём, а мы их будем бить стахановским трудом!»

И колхозники поддерживали наступление Красной Армии высокими урожаями, растущей товарностью животноводства, честным выполнением своих обязательств перед государством. На фронт, для советских бойцов, мы послали несколько эшелонов с продовольствием, с тёплыми вещами и заслужили благодарность товарища Сталина.

5.

Отгремели бои. Советский народ завоевал великую Победу

После тяжёлых походов, прославивших советское оружие, потянулись в родной край, в сибирские степи, демобилизованные. Сто

Лауреат Сталинской премии, директор Алтайской плодоягодной опытной станции тов. Лисавенко М. А. (слева) в саду станции.

Фото Н. Калининна.

офицеров и рядовых, членов колхоза имени Молотова, за воинскую доблесть были отмечены орденами.

Пришли с фронта комбайнёр Филипп Андреевич Щеглов, бригадир, Герой Советского Союза Алексей Матвеев, шофёр Уфимцев... Не забыть эти трогательные встречи, крепкие объятия. Я и Михаил Бредихин водим фронтовиков по обширной колхозной усадьбе. Они с любовью осматривают новое строительство, мастерские, машины, приобретённые в дни войны. У электромоторов, у кузнечных горнов, прессов стоят женщины, старики. Автомшины водят молодые шофера.

— И удержали хозяйство без паш? — спрашивает невысокий, вёрткий Уфимцев. — Даже кое-что подновили.

— Не хотели мы воякам уступать, — бойко смеются женщины, — а то ещё загордитесь...

Силы у нас с каждым днём прибывали. И когда февральский Пленум Центрального Комитета Партии принял великую сталинскую программу подъёма сельского хозяйства, мы были подготовлены к большому наступлению.

Требовалось быстро поднять культуру земледелия, полностью внедрить научный комплекс Докучаева—Костычева—Вильямса. Мы прислушивались к голосу передовых учёных, изучали опыт образцовых хозяйств страны. И вот теперь, через три года после исторического Пленума, можно видеть, как воплотилась в жизнь сталинская программа.

Товарность нашего хозяйства выросла в полтора раза, умножились отрасли производства, стали выше доходы. Поля в минувшем году уродили более 120 тысяч пудов зерна, а доходы от полеводства достигли 250 тысяч рублей. Животноводческие фермы укомплектованы тонкорунными алтайскими овцами, белыми русскими свиньями, русскими рысаками, имеются гнёзда племенных костромских коров. Фермы выдали 2050 центнеров молока, 300 центнеров мяса и 90 центнеров шерсти; ониполнили бюджет на 630 тысяч рублей. С овощных участков, засаженных отборным картофелем и корнеплодами, колхоз получил 95 тысяч пудов продукции, что увеличило доходы на 100 тысяч рублей. Общественный сад, несмотря на плохие климатические условия прошлого года, принёс нам 150 тысяч рублей дохода. Рентабельными оказались и такие отрасли хозяйства, как пчеловодство и рыбные пруды.

Всё это позволило нам досрочно произвести расчёты с государством по всем видам поставок, умножить общественные капиталы до двух миллионов шестисот шестидесяти тысяч рублей, оценив трудодень в два килограмма хлеба, пять килограммов овощей и картофеля и семь рублей деньгами. Каждый колхозник увидел теперь, что ему дал колхозный строй и великий творец новой жизни, товарищ Сталин.

В пятилетнем плане колхоза большое место заняли подсобные отрасли производства. За плотиной, на краю общественной усадьбы, вырос целый «индустриальный район». Подъезжая к посёл-

ку, издали видишь купол водонапорной башни, трубу электрической станции, каменные прямоугольники зданий — это маслодельный, колбасный, винный, кирпичный заводы, механическая и столярная мастерские, фабрика по переработке овощей и фруктов. Чистая прибыль от подсобных предприятий уже достигла трёхсот восьмидесяти тысяч рублей.

Огромной движущей силой многоотраслевого хозяйства явилась передовая техника, щедро посылаемая в деревню советским государством. За последние годы наша сельхозартель получила от могучего арсенала советской промышленности, от доблестного рабочего класса на четыреста тридцать тысяч рублей машин и современных орудий, на четыреста двадцать тысяч рублей электрооборудования и станков, на сто пятьдесят тысяч рублей материалов и инструментов.

Тринадцать комбайнов и тракторов, девять автомашин работают на колхозных полях. Это позволило почти на девяносто процентов механизировать труд в полеводческих бригадах. Колхозная электростанция, мощностью в двести семьдесят пять киловатт, приводит в движение шестьдесят станков и агрегатов, освещает все производственные службы, учреждения, квартиры колхозников.

Электрифицирована сушка и очистка зерна, прессовка кирпича, распиловка леса, поливка сада и огорода, водоснабжение ферм, механические, кузнечные, токарные работы. Труд колхозника у нас стал разнообразностью индустриального труда, он продуктивен, рационален, радостен.

И здесь надо сказать о наших производственных кадрах, о колхозной технической интеллигенции. Хорошо однажды сказал мне один партийный работник:

— О кадрах надо думать ежедневно. В кадрах — наше будущее, наша мечта и надежда, — коммунизм.

Очень метко и правильно! Когда-то в колхозе не было технически образованного человека, не было даже квалифицированного слесаря. Партийная организация обратила на это серьёзное внимание. Многие колхозники, окончившие местную десятилетку, были посланы на учёбу в технические и строительные институты и техникумы. Было налажено заочное обучение, открыта сеть курсов и вечерних школ. Ныне в артельном производстве заняты два инженера, четыре механика, два техника, четыре агронома, двадцать трактористов и комбайнеров, четыре экономиста. Чаще всего — это местные люди. Они оседлали технику и стремятся использовать её до дна.

Подготовленные, знающие своё дело, кадры глубоко вникают в экономику хозяйства, чутко прислушиваются к требованиям нового времени. Взять хотя бы вопрос о правильном использовании трудодня. Более десяти лет мы планируем трудовые затраты по отдельным отраслям и участкам производства, добиваемся снижения себестоимости зерновых, продукции остальных отраслей колхозного производства.

В довоенное время обычно затрачивалось на обработку гектара картофеля до четырёх трудодней, пшеницы — полтора, подсолнуха — до восьми трудодней, на центнер молока — более десяти трудодней. В текущем году эти затраты значительно снижены и соответственно распределяются так: ноль семьдесят семь, ноль шестьдесят, четыре и четыре трудодня. Против плана значительно удешевлены работы в кузнице, на электростанции, мельнице, маслодельном и кирпичном заводах. Так, например, три колхозника, обслуживающие маслобойку, дали в бюджет почти двести тысяч рублей накоплений.

Движение за культуру труда, за экономию средств и материалов, так широко и полно развернувшееся в нашей стране, нашло горячий отклик и в колхозах. Деревня живёт большим волнующим днём советской страны.

6.

Я припомнил разговор о кадрах и высказанные тогда мысли хочу развить на фактах из нашей жизни. Почётным человеком в колхозе по праву считается комбайнер Филипп Андреевич Щеглов. Он прошёл хорошую школу машинно-тракторной станции, до тонкости изучил комбайн, ежегодно даёт самую высокую выработку.

А давно ли Щеглов не то что водить машину и управлять ею, а даже сесть в автомобиль боялся.

— Садись, Филипп Андреевич, в кабину, — зазывали Щеглова шофера.

— На своём пешем поезде приеду, — отмахивался он.

Мы решили подучить Щеглова и послали на курсы трактористов. Там он почувствовал влечение к технике, стал много читать, интересоваться машинами. Из робкого, несмелого колхозника вышел человек с большим кругозором, жаждущий, ищущий.

Вот, уже в преклонных летах, колхозник Андрей Сергеевич Семёнов, увлекающийся садом. Он не знал грамоты и чурался общества. О книгах заговорят, Андрей Сергеевич начинает спор:

— Книгами и газетами не проживёшь. Это всё идёт от скуки, от праздности.

Техники Семёнов также сторонился. Колхозная жизнь разбудила у Андрея Сергеевича новые потребности. Настоячиво он познавал грамоту, познакомился с трудами Мичурина и Лысенко. Исчез замкнутый, нелюдимый человек! Ныне садовод всегда среди молодёжи, беседует с нею, рассказывает о своих опытах.

Вот семья самого почётного нашего колхозника — Филиппа Кузьмича Поликарпова, который, по решению общего собрания, трудится по своим силам, а получает по потребности. Сам Поликарпов, несмотря на преклонный возраст, работает жестянщиком, его сын — агроном колхоза, внук — строитель сельскохозяйственных машин. В этой семье все учатся, слушают радио, читают газеты и книги, смотрят кинофильмы, духовно растут.

Общественный труд открыл неограниченные возможности для духовного роста колхозника. Здесь, в коллективе, человек получил возможность раскрыть свои творческие задатки, обогатить свои знания, в общих интересах применить свой земледельческий опыт. Назову одну цифру: за последние три года колхозники внесли до пятидесяти рационализаторских предложений. Многие из них оказались очень ценными.

Рост колхозных людей, их духовное богатство особенно можно видеть на примере наших руководящих кадров, на вожаках сельхозартели — коммунистах. Вот заместитель председателя колхоза Михаил Бредихин, скромный, исполнительный, заботливый человек. Он, как и большинство из нас, был тёмным, придавленным пуждой, крестьянском. Пришла советская власть. Бредихин потянулся к грамоте, к культуре. Изучил экономику колхозного производства, счётное дело, овладел несколькими специальностями.

Повышается деловая подготовка низовых командиров — животноводов, полеводов, строителей. Лучшие звеньевые — Варвара Тютина, Пелагея Губарёва, Мария Гайдай, бригадиры — Иван Горбатовский, Фрол Шумилин, Фёдор Ивин, передовые животноводы Василий Санаков и Пелагея Кузеванова и многие десятки других овладели своей профессией, подхватывают инициативу колхозных умельцев, вносят творческую живинку в каждодневную работу. Они — золотой фонд колхоза, его слава и гордость.

Духовный мир колхозного человека просторен и красочен. Наши люди живо интересуются открытиями учёных Москвы, Ленинграда, Киева, техническими достижениями рабочих и инженеров Урала, книжными новинками, последними изобретениями. К нам, в сибирскую степь, приезжают работники пауки, техники, культуры. Второй год в колхозе проводит опыты по метизации костромской породы молочных коров кандидат сельскохозяйственных наук товарищ Старцев. Лауреат Сталинской премии Михаил Афанасьевич Лисавенко оказывает колхозным садоводам помощь в выведении новых, более ценных сортов яблок, слив, цитрусовых растений. Колхоз тесно связан с коллективом научных работников Сибирского института зернового хозяйства. Мы ведём переписку с Тимирязевской академией, мичуринским институтом, селекционными станциями. У нас часто бывают писатели, журналисты, кинооператоры, художники. Эта связь с работниками науки, культуры, искусства расширяет производственный и культурный кругозор сельских людей.

В свою очередь, и мы оказываем постоянную помощь отстающим, ещё неокрепшим колхозам. Не так давно делегация молотовцев ездила в Львовщину, в гости к колхозникам сельхозартели имени Сталина, с которыми мы заключили договор на соревнование. Ехали наши товарищи по просторам Родины и примечали, как восстанавливаются города, ещё недавно разрушенные врагом; видели возрождающиеся села, новые заводы, фабрики, электрические станции, созданные по сталинскому пятилетнему плану; побывали в Москве, поклонились Владимиру Ильичу Ленину, посмотрели на

древний Кремль, где живёт и работает великий Сталин. Долго рассказывали они львовским колхозникам о своих успехах, учили их трудиться в союзе с наукой, жить по Сталинскому Уставу.

Десятки делегаций посещают наш посёлок, осматривают хозяйство, знакомятся с методами организационно-хозяйственного управления. Наши инженеры и техники шефствуют над колхозными новостройками. Недавно мы помогли ближним сельхозартелям «Алтайский трудовик» и «Первое Мая» оборудовать гидростанции, электрифицировать наиболее трудоёмкие производственные процессы, осветить избы колхозников. В этой взаимопомощи воплощается сталинский принцип соревнования: догонять лучших, помогать отстающим, добиваться общего подъёма.

7.

Побывайте в нашем посёлке, и вы увидите, как далеко шагнула вперёд советская колхозная деревня, как велика разница между старым и новым, прошлым и настоящим. Старшее поколение колхозников помнит дореволюционную российскую деревню. Это — церковь, кабак, покосившиеся избёнки, ветхие плетни. Первые люди в деревне — поп, староста, урядник, кулак — притеснители крестьянской бедноты. Темнота, невежество, кулацкая кабала были вечными спутниками крестьянина. Книги и газеты старая деревня не знала, грамоты не ведала.

Посмотрите на наше село Молотово, познакомьтесь с его жителями. Прямые, залитые электрическим светом, улицы, красивые каменные дома, окружённые садиками, каменная средняя школа, правление колхоза с клубом и библиотекой, сельские магазины, больница с родильным отделением, агрокабинет, спортивные площадки. По пятилетнему плану на новое хозяйственное и культурно-жилищное строительство мы израсходовали до двух миллионов рублей.

У нас теперь не редкость колхозники со средним и высшим образованием, мечтающие стать учёными, исследователями, писателями. Среди наших колхозников — двадцать два учителя, пять медицинских работников, шесть культурников, десять пропагандистов. Отряд сельской интеллигенции достигает ста человек — это десять процентов всего населения. Год от года он будет расти, пополняться за счёт кончающих среднюю и высшую школу. Это и понятно. Советская деревня для крестьянских сыновей и дочерей — не мачеха, какой она являлась прежде, а ласковая и заботливая мать. И молодёжь не бежит из родного дома, из деревни, а, получившись в городе, несёт знания и городскую культуру в родное село.

В колхозном клубе, в гостинице, в квартирах колхозников вы встретите художественные полотна, исполненные кистью настоящего мастера. В степной дали виднеется вечно зелёный бор; небесная лазурь радует глаз жизненными тонами; широкий водоём покрыт ветреной рябью.

— Кто этот талантливый художник? — поинтересуетесь вы.

И услышите ответ:

— Наш библиотекарь.

Ровно в семь вечера диктор колхозной радиостудии ведёт очередную агрономический лекторий. Чистый звук, прекрасная, выразительная дикция. Если вы осведомитесь о фамилии диктора, вам скажут:

— Это колхозный радист.

В селе созданы все условия для культурного и политического развития колхозников, колхозниц, молодёжи. Наша агрономическая школа готовит агротехников, звеньевых, садоводов, лесомелиораторов. В ней читают лекции специалисты, опытные, литераторы, экономисты. В двух партийных и одной комсомольской политшколах коммунисты, комсомольцы, сельский актив изучают историю нашей партии, труды Ленина и Сталина, знакомятся с международной и внутренней политикой Советского государства. Вечерняя общеобразовательная школа повышает грамотность населения; курсы механизаторов при машинно-тракторной станции готовят нам трактористов, комбайнеров, шоферов; радиолекторий информирует трудящихся о новейших достижениях советской агрономии.

Да только ли эти формы учёбы расширяют духовный мир колхозников? Делу культурного и идеологического воспитания служат книги, газеты, радио. Сто десять колхозников регулярно читают марксистско-ленинскую литературу. Клубная и школьная библиотеки выдали за год до двадцати тысяч книг русской и советской классики, монографий, брошюр. Пятьдесят семей скомплектовали личную библиотечку, сто пятьдесят колхозников выписывают газеты и журналы, все квартиры радиофицированы.

Вот семья Никандра Уфимцева. Сам он — колхозный плотник, сын Уфимцева — шофёр, невестка — садовод. Несмотря на свои преклонные лета, плотник Уфимцев прочёл в течение года двадцать книг, сын и невестка — до 30 книг. Годовой заработок семьи позволил Уфимцевым приобрести мотоцикл, пополнить свою библиотеку, подписаться на газеты и журналы. В квартире Уфимцевых — хорошая обстановка, радио.

Семья Уфимцевых — не исключение. Так у нас живут большинство колхозников. Безвозвратно канули в прошлое бедность, бескультурье, невежество сибирской деревни, с мужицкой дикостью, с семейными разладами. Ростки коммунизма нашли благодатную почву в колхозной семье, которая строит свои отношения на началах трудовой взаимопомощи, идейной сплочённости.

Наш житель стремится украсить свой быт, сделать жизнь весёлой и интересной. Появилась огромная тяга к цветам. Мы даже организовали особое «цветниковое хозяйство». Летом — с гряд, зимой — из теплиц колхозные цветочницы выдают рассаду, зрелые цветы — тюльпаны, розы, георгины, герань — до тридцати различных сортов.

Когда я прошлой весной поехал на Черноморье, правление колхоза поручило побывать в питомниках цитрусовых, привезти с собой семян лимонов, апельсинов, мандаринов. Это поручение я выполнял. Южане богато наделили нас семенным материалом. Для цитрусовых мы оборудовали специальную теплицу. И вот уже второй год на сибирской земле произрастают южные растения.

Тихим зимним вечером человек идёт по молчаливым аллеям сада. Снег укутал деревья в пушистые одежды. Безлюдно и сумрачно теперь в саду. Но вот впереди показались яркие манящие огоньки. Всё ближе, всё призывнее. Их уже много, они повсюду — это теплицы цитрусовых. Сквозь стёкла рам, запорошенных снежинками, вы видите, как зеленеют, тянутся к свету южные растения — растения новой красивой жизни.

К Сталинскому юбилею колхоз послал письмо своему Великому Вождю. Письмо Иосифу Виссарионовичу Сталину составлялось в дни, когда сельхозартель подводила итоги трудового года, намечала широкие планы на будущее. Принимая послание великому юбиляру, все семьсот тружеников артели встали на стахановскую вахту. Каждый хотел вложить частицу своего труда во всеобщий народный дар.

«Ходит в нашей сибирской стороне мудрый сказ о человеке, который принёс на землю солнце, — писали мы товарищу Сталину. — Взглянули на яркое ласковое солнце люди степей и гор, лесов и рек, спрашивают друг друга:

— Кто дал это незакатное солнце?

Вышел в тесный круг колхозный хлебороб и сказал всему народу:

— Сталин дал нам солнце жизни.

И понесли сибирские люди — хлеборобы, рыбаки, садоводы, чабаны, горнопроходчики, охотники — несметные дары Великому Сталину. Хлеборобы — белый каравай из пшеницы; рыбаки — блюдо свежей рыбы; садоводы — фрукты, выращенные в степи; чабаны — тонкорунную шелковистую шерсть сибирских овец; горнопроходчики — редчайшие минералы; охотники — шкурки белки и соболя.

— Сталин принёс нам солнце жизни!»...

В этих словах сказа выражена любовь и благодарность колхозной деревни своему лучшему другу и учителю.

Товарища Сталина мы называем первейшим советским колхозником. Он явился организатором великого движения крестьян, открыл нам единственно правильный путь — путь колхозов. Он — творец Устава сельскохозяйственной артели, по которому живёт и строит своё счастливое будущее советская деревня.

Сталин всегда и везде с нами. Он направлял войска Советской Армии в победном походе против фашистских захватчиков; он поднимал леса послевоенных новостроек; он помогал колхозным опытным выращивать новые сорта растений. Сталин — сердце советского человека, его дыхание, его жизнь!

По пути, указанному Сталиным, мы и дальше поведём колхозную стройку, не успокаиваясь на достигнутом, не упиваясь первыми успехами. А дел нам предстоит переделать несметное множество. Вот мы отстраиваем родное село по плану архитектора. Но ведь всё это только ещё в зачатке. Рядом с весёлыми домами, что ярко поблескивают на солнце черепичными крышами, виднеются неприветливые хибарки; с благоустроенным грейдером соседствует ухабистая, вся в колдобинах, дорога; нам предстоит привести в образцовое состояние многие производственные службы.

Мы решили оборудовать городок животноводов. Леса, материалов, механизмов у нас не было и мы обратились за помощью к товарищу Сталину. Советское Правительство специальным решением выделило материальные фонды для новостроек колхоза имени Мологова. Ещё раз мы почувствовали, как постоянно вникает Великий Вождь в пужды деревни, как по отечески печётся он о преуспевании общественного хозяйства. Строительство городка животноводов уже в полном разгаре.

Нам предстоит круто поднять урожай хлебов и в ближайшие годы довести погектарные сборы зерна до ста пятидесяти пудов. Резервы такого быстрого роста урожайности таятся в травопольной системе земледелия, в применении передового опыта колхозников и колхозов Алтая. Далёко слышно в Сибири о выдающихся мастерах высоких урожаев из Озерно-Кузнецовской сельхозартели «Страна Советов». Известны достижения Нижне-Каменского колхоза «Советская Сибирь» — лучшего хозяйства по урожаям озимой пшеницы. Многому можно поучиться у таких мичуринцев — новаторов, как Иван Тихоненко, Пётр Варивода, Иван Чуманов и у сотен других. Золотые зёрна опыта надлежит заботливо собрать и посеять на удобренную почву. И они дадут густые всходы.

Помнится мне, когда только начинал жить наш колхоз, долгие зимние вечера мы коротали в крестьянской избе, до самых зоревиков мечтая о прекрасном времени, которое зовётся коммунизмом. Наше хозяйство тогда было бедное, мы были малограмотными, не имеющими опыта в организации и руководстве артельным хозяйством. Затаив дыхание, мы слушали рассказы о коммунизме и знали, что это прекрасное будущее вскоре станет явью.

И вот мы видим это желанное время. Первый наш колхозник, наш почётный труженик Филипп Кузьмич Поликарпов работает по способностям, а получает по потребностям; уже есть у нас свои интеллигенты, стирающие грань между трудом физическим и умственным; электричество, машины освободили уже колхозника от тяжёлой, утомительной работы. Коммунизм входит в наши будни, он наполняет бытие каждой семьи великим содержанием. Коммунизм — это наше радостное советское Сегодня!

Рассказ записал Виктор Бирюков.

МАШИНИСТ

С грохотом по параллелям рельс,
С ценным грузом красною стрелою
Поезд уходил в далёкий рейс,
Оставляя версты за собою.

Машинист на месте — у окна.
Перед ним — простор необозримый.
Сутки он без отдыха и сна,
Сутки хлеб везёт стране любимой.

Он уверен и спокоен он,
Что и в этом боевом маршруте
Проведёт отлично эшелон,
Как умеют только наши люди.

У него недаром на груди
Пять наград трудовика—солдата.
Он всегда в работе впереди —
Пятисотник, лунинец, новатор.
День и ночь без устали трудясь,
Лучше, чем себя, машину вызнав,
Сокращать умеет каждый час
Времени от нас до коммунизма.

*

Творчество

(Рассказ)

I.

Дул резкий, острый северо-восточный ветер. Поземка играла, дыбилась, взлетала вверх, бросала в лицо жёсткую, колючую снежную пыль. На дороге — как волны — сугробы.

Начальник котельного цеха инженер Никулин шёл с заводского склада в конструкторское бюро, увязая в снегу.

— Порядка нет, — ворчал он, пряча нос в поднятый воротник. — Диспетчерская службы не смотрит...

Ему предстоял неприятный разговор с главным конструктором. В цехе на исходе швеллер номер двадцать.

— Приду и скажу: Николай Иванович... Выручай! Разреши незаконную замену, — размышлял вслух инженер. — Эх, снабженцы, интенданты! Нет порядка...

С главным конструктором завода Камышовым, старым котельщиком, он был дружен. Их дружба сложилась и окрепла не за праздничным столом, а в цехе.

Никулин и Камышов пришли на завод после войны почти одновременно: первый, потомственный сибиряк, демобилизовался из армии, второй был прислан из столичного теплоэлектропроектного треста. Впервые в котельном цехе их свёл главный инженер завода. Они встретились и сразу горячо поспорили.

Главный инженер слушал их спор с видимым удовольствием: он убедился, что завод получил в лице этих людей знающих и любящих свою специальность работников.

Спор о путях развития советского котлостроения стал началом дружбы. Потом их связала общая творческая работа над новым типом котла.

Их дружба стала столь закономерной и органичной, какой она бывает в армии между стрелковым и артиллерийским офицерами, между пехотным комбатом и командиром батареи полковых пушек.

Они не делали друг другу скидок. Их не признаёт большая дружба серьёзных, зрелых людей.

Начальник цеха всё глубже прятал лицо в воротник. Снежная пыль запылила его с ног до головы. Только глаза, чёрные, с

блеском, придавленные широкими, нависшими, чёрными бровями, упрямо смотрели навстречу метели.

В коридоре конструкторского бюро он дольше необходимого отряхивал снег, расправлял каждую складочку. Так, бывало, он делал перед входом к командиру полка.

«Что же я ему всё-таки скажу». Никулин на мгновение задержался у двери, пригладил чёрно-смолистые волосы, круто зачёсанные назад. — «Буду просить разрешения исказить, исковеркать конструкцию, утяжелить её»...

Никулин вошёл в маленькую комнатку, отделённую от кабинета Камышова перегородкой. Здесь стояли шкафы с книгами, на специальной подставке высился макет нового котла. Через открытую дверь донеслись голоса: ровный, приятный баритон главного конструктора и незнакомое звонкое сопрано.

«Не во время» — подумал инженер. — «Надо уйти».

Разговор в кабинете, живой, бойкий, показался ему необычным. Женщина говорила о котлах с таким увлечением, с каким говорят в антрактах на премьере хорошей, волнующей пьесы.

Инженер невольно задержался. В женском голосе сквозили досада и упрёк.

Поступает, говорила она, на электростанцию котельный агрегат — вагонов тридцать — тридцать пять. Десятки тысяч деталей, больших и малых. Вместо того, чтобы агрегат сразу собрать, смонтировать, приходится тут подваривать, там подрезать, подпиливать, рассверливать отверстия, исправлять гибы трубок... А всё потому, что до сих пор живёт старое и вредное мнение: котёл — не турбина и не дизель. В результате — монтаж котлов недопустимо затягивается.

В первый момент Никулин был удивлён словами женщины — он привык к тому, что паровыми котлами монопольно занимались мужчины. Потом стал слушать с уважением, с беспокойством.

Он догадался, что это говорит представительница Черемховской электростанции, куда завод поставляет котлы.

И тут же начальник котельного понял, что неприятный разговор не состоится, что вместо него предстоят ещё более тяжёлые разговоры в заводоуправлении.

II.

Стену украшает большая картина, изображающая охотников в поле на привале. На столе — папка с бумагами, металлический чернильный прибор с крышечками в виде куропаток, серебряный портсигар с гравированным рисунком медвежонок на задних лапах.

Начальник отдела материально-технического снабжения Сальский, страстный охотник, человек в годах, полысевший с макушки, неровно тронутый сероватой, тусклой сединой, сидел, облокотясь на стол.

Он выглядел выцветшим, полинявшим. В глазах не поймаешь искру. Посмотришь в первый раз — ничем не примечательный че-

ловек: небольшой, скромно одетый, лицо помятое, оспины на щеках, складки на подбородке.

В действительности было не так. Сальский славился, как снабженец, который может достать всё: дефицитный станок или электромотор, редкий инструмент или охотничье ружьё.

Перед ним, откинувшись на спинку дивана и вытянувшись во весь свой длинный рост, полулежал Дрозд, главный диспетчер завода.

— Крутые времена, — говорил Сальский. — Цехи требуют: давай-подавай металл! Думают, так просто — взял из кармана и выложил прокат, лист, трубы. Боюсь, как бы премию за этот месяц директор не ополовинил.

— Премию за перевыполнение программы? Чорта в ступе! На премию теперь не рассчитывай, дорогой Иван Павлович, — усмехнулся Дрозд.

У Дрозда — сухое продолговатое лицо. Все черты крупные, резкие. Копна чёрных волос вьётся кольцами. Ему — сорок, но седины и в помине нет.

— Плакали денежки, значит... А что, начальник производства уходит от нас?

— Да, на-днях. Предписание Москвы. Переводят главным инженером куда-то. Карьера!

— Вам придётся командовать?

— Кому же иначе? — оживился Дрозд, сел прямо.

— Конечно, конечно, — заторопился Сальский, — в самом деле — кому? Если уж говорить на чистоту, так вы и теперь фактически...

— От тебя мне нечего скрывать, Иван Павлович, — продолжал главный диспетчер, с нотками спускательной задушевности. — Кто вытягивал каждый месяц программу завода? Кто? Здесь подтолкнёшь, тут поднажмёшь, там подкрутишь. Оперативно, на ходу. А наше начальство любит поговорить о техническом прогрессе...

— Да, да. И мне читают лекции. Начальника отдела снабжения учат снабжению! И главный инженер, и Камышов, и этот Никулин. Я не полезу в его сварку, но попрошу и в моё дело не соваться.

— Я пришёл на завод первым, когда на этой территории в годы войны картошку сажали. Знаю завод, как свои пять пальцев. Я ставил на ноги транспортный цех, наладил дело в трубном, руководил отделом сбыта...

— В прошлом году ежемесячно перевыполняли программу и получали премии.

— Тогда мы давали в год одиннадцать котельных агрегатов, а в нынешнем за полторы программы взялись. Ясно, что паровые котлы сейчас нужны, как хлеб. Энергетика! Но нельзя же зарываться. Заметь — инициатива главного инженера да Никулина с Камышовым. Её сейчас же подхватил партком. Этот вопрос на общезаводском партийном собрании ставился.

— Чего им на рожон лезть? — искренне удивился Сальский.

— Ладно бы только одни они. С ними можно бы справиться, обуздать не в меру ретивых. Так нет же... Я сразу предлагал — составить комиссию, пригласить представителей главка, с цифрами в руках доказать явную переальность. Куда там! Камышов на дыбы. Главный инженер на меня цыкнул. Ты знаешь нашего главинжа. Унификация котлов, новая организация труда, поток. Они готовы конвейер предложить в котельном производстве. Я делал попытки. Партком вмешался. Заставили замолчать. Разве охота подставлять бока? Молчу. Смотрю.

— Весёлый разговор! Но где же логика?

— Спроси их — главинжа, Никулина и других.

— Ну хорошо, производство наше растёт. Пусть же будет умеренная программа — перевыполний её на здоровье, никто не запрещает! Верно я понимаю? Высокие показатели, солидные премии, переходящие знамёна...

— Скажи главному инженеру — он тебя с завода выгонит, — с сарказмом ответил диспетчер.

— Но программа...

— Программа, говорят, — стимул! Мы, дескать, за прогрессивные нормы. Могу тебе сказать откровенно: если бы не должность начальника производства, ушёл бы с завода. Мне простор, размах нужен!

Дрозд встал, большой, прямой. Он не был на фронте, но постоянно носил военную одежду. Сальский смотрел на его широко расставленные руки и мысленно соглашался: да, такому нужен размах!

— Эх-ма, накликали на свою голову беду — программу, а теперь Дрозд расхлебывай, Дрозд берись за производство!.. Никулин! Руководить котельным цехом — не батальоном командовать. Армейская привычка рисковать. Запустил два котла одновременно, а цех маломощён, тесен. Сделал видимость полупоточной системы по некоторым деталям, переставил оборудование. Котельное производство испокон веков было чисто индивидуальным, единичным. Собирается давать по два котла в полтора месяца. Миф! Простая арифметика: от перестановки мест слагаемых сумма не меняется. Январь кончается, а товарной продукции — ни на грош.

Зазвонил телефон. Через минуту Сальский нервно положил трубку.

— Шихты в литейном нет. Грозят прекратить подачу отливок в котельный и механический цехи.

— Я знал. Вот они, результаты! — воскликнул Дрозд. — Впрочем, может быть это к лучшему. Один котёл почти полностью обеспечен литьём. И я прав, Иван Павлович, ты ещё увидишь.

Матвей Семёнович Дрозд был заметной фигурой на заводе. Не то, чтобы он особенно отличился — и в трубном, и в транспортном, и в сбыте он не достиг успехов. Но он умел выигрышно представить свою деятельность. Главный диспетчер мог консультировать

любого работника по любому вопросу с таким апломбом, что нельзя было усомниться в его эрудиции.

Получив в своё время диплом инженера-механика, Дрозд уверенно дебютировал на производстве. Многие удавалось ему с лёгкостью. Не успел он по-настоящему окунуться в технику, как попал на административные должности. Первые успехи приучили его смотреть на себя, как на способного администратора. Дрозд свылся с мыслью, что это та самая «большая дорога жизни», которая приведёт его к быстрой карьере. Он потерял вкус к учёбе, а недостаток знаний и опыта старался восполнить апломбом.

Выискивать лёгкие пути стало привычкой, возвратиться к технике мешало честолюбие. Из инженера-руководителя на производстве он постепенно превратился в администратора-распорядителя.

Свои обязанности главного диспетчера завода он понимал своеобразно: «нажимать» на начальников цехов, на мастеров, на бригадиров...

Распорядителем Матвей Семёнович был выдающимся. Недаром он любил повторять: я провернул, я обеспечил, я организовал!

Когда вошёл Никулин, начальник снабжения кинулся усаживать его. Дрозд, кивнув головой, вновь вытянулся полулежа.

— Товарищ Сальский, швеллер-двадцатка на заводе кончается. Углового проката тоже мало, — строго сказал Никулин, жестом отстраняя кресло.

Сальский смотрел на начальника котельного цеха с робостью, сиюсь скрыть её под личиной радушия. В душе он побаивался Никулина, поэтому заискивал перед ним. У Сальского бывали кривые пути, сомнительные ходы, без которых, как он считал, в снабженческой деятельности не обойтись. Он привык к этому, но вот когда встречался взглядом с Никулиным, становилось зябко, тревожно, беспокойно, как перед внезапной ревизией заводских складов.

— Прокат, вы сказали? Будет. Это не проблема.

— На подходе? — иронически спросил начальник котельного, употребляя распространённое среди снабженцев завода выражение.

— Видите ли, Алексей Кузьмич, нам пока металл поставляется по старым заявкам, в объёме прошлогодних лимитов...

— Как?!

— Да, да... К сожалению, так. Наши новые заказы на основании увеличенных лимитов высланы... Своевременно высланы. Поставщики не успели развернуться.

— Значит, швеллера в ближайшие дни ожидать нельзя!

Брови у Никулина сошлись, опустились совсем низко над глазами, а взгляд, казалось, грозил: только посмей!

— Что вы, Алексей Кузьмич, непременно будет. В лепёшку разобьюсь, а достану. Вас сколько устроит? — резво откликнулся Сальский. Два часа назад ему пришлось переживать не менее неприятные минуты у главного инженера.

— Столько, сколько положено по нормам расхода материалов на оба котла.

Дрозд, не меняя позы, спокойно произнёс:

— Заменят...

— Что заменят?

— Этот швеллер другим профилем.

— Кто?

— Конструкторское бюро.

— Нет.

— До сих пор заменяли же!

— А теперь — нет.

— Принципиально? Не верю. Неужели Камышов не пойдёт вам навстречу в такой мелочишке?

— Не пойдёт.

— Что за причина?

— Я сам просить не стану! Котёл портить не хочу.

— Ничего с вашим котлом не станется. Не автомашина!

Сальскому не по душе была перепалка между инженерами. К чему это? Всегда можно найти компромисс.

— Полноте, Матвей Семёнович! Что вы, Алексей Кузьмич! Десять тонн вас устроят? Двадцать? Двадцать пять?

Главный диспетчер, сел, заложил ногу на ногу, веско сказал:

— В таком случае вам надо доукомплектовать один котёл оставшимся швеллером, чтобы не заморозить работу.

— Вы же знаете, что это невозможно, — раздражённо возразил начальник цеха.

— Возможно. И — мне представляется — нужно, пока не поздно.

— У вас — ваше личное мнение, а у меня — график! — в пол-оборота ответил Дрозду Никулин, направляясь к двери. — Через три—четыре дня прокат обещаете?

— Так точно, — заверил Сальский.

— Хорошо.

Как только шаги неприятного посетителя смолкли, Иван Павлович рассмеялся.

— У этого человека оригинальный недостаток: обо всём говорить слишком серьёзно!

— Даже о швеллерах и об угловом железе, — осклабился Дрозд.

Сальский с особенным удовольствием смеялся сейчас, давая себе волю после вынужденной любезности с человеком, которого он опасался и не любил. Со смехом поднял он брякнувшую телефонную трубку, но улыбка сейчас же слетела с лица.

— Ну, денёк! — говорил он через минуту. — Прокладки для деталей, работающих под давлением, делать не из чего...

— Собачья у тебя должность, Иван Павлович, — усмехнулся Дрозд.

— О, давай, давай! Без конца давай. И никогда не будешь хо-рошим...

— Мда-а... Пойду к директору. Обрати внимание: они вбивают массу материалов в два котла, а готовой продукции, товара нет. Вот тебе и оборачиваемость средств!

III.

Тяжёлый мостовой подъёмный кран в главном пролёте цеха, погромыхивая, скользит над головой, перетаскивает огромные, как стволы деревьев, колонны каркаса, в десяток метров длиной щиты, обшивки котла размером с крышу хорошего дома. Гремят ножницы — «гильотины», пластающие металл на куски. Под прессами идёт правка и отбортовка листов. Механизмы стоят тяжёлые, массивные. Как сотни молний, тут и там вспыхивают голубоватые блики электросварки.

Шум не расчленишь, из него не выделишь отдельных звуков. Это ровный шум котельного цеха: в нём перемелились лязг машин, скрежет металла, треск сварки...

Камышов сопровождал заказчицу. При входе в цех он искоса посмотрел на неё: не оробела ли? Нет, в глазах огоньки, словно искры электросварки.

Главный конструктор завода любил войти в цех через задние ворота, куда поступает металл, и пройти до парадных ворот, откуда выходит готовая продукция. С первого взгляда кажется, что люди здесь задавлены, стеснены металлом. Будто муравьи, копошатся они. А присмотришься — люди работают, создают эти металлические конструкции, двигают их, командуют ими.

Камышова всегда волновало, радовало это постоянное движение. Да, металл должен лежать недвижимым только под чертилкой разметчика, под резаком газорезчика или электродом электро-сварщика.

На этот раз главный конструктор хотел поскорее пройти разметочный участок. Так и есть. Дима Богатых спешил навстречу.

Этот паренёк с озорными глазами, буквально не даёт ему прохода.

Дима пришёл в цех полтора года назад, окончив десятилетку. Влюблённый в геометрию, он стал разметчиком. Никулин смело выдвинул его в бригадиры.

— Здравствуй, Дима, — суховато бросил Камышов, шагая мимо.

— Николай Иванович!

В голосе — просьба, почти мольба. У Камышова не хватило духу продолжать путь.

— Снова в конструкторы проситься будешь? погоди, комсомолец. Работай, учись. Ты знаешь, что такое конструктор? Он должен очень много знать, он должен уметь видеть то, что ещё никто не видел!

— Не в том дело! Идёмте ко мне.

Дима сбоку глянул на спутницу главного конструктора, точно ожидал возражений с её стороны.

Вдоль стены — просторные, оклеенные бумагой стеллажи. На них аккуратно разложены разметочные инструменты.

Богатых показал на верхнюю полку:

— Шаблоны.

Камышов посмотрел с любопытством, потом с видимым интересом стал перебирать шаблоны. Паренёк торопливо, захлёбываясь, пояснял, для какой разметочной операции предназначен тот или иной шаблон.

— Целая система!

— Полный набор, Николай Иванович...

— А раньше? Почему раньше не пришло в голову?

— Приходило. Но, кроме досады, ничего не получалось. Сделал, положим, какие-нибудь шаблоны и приспособления для одного котла, а следующий вы запускаете иного типа. Мои шаблоны — мёртвый капитал. Жди, когда первый котёл повторится... Шаблоны — не новость, но они имеют силу только в серийном производстве.

— Справедливо, Дима.

— Алексей Кузьмич читал нам лекцию об унификации паровых котлов на разное топливо.

— Понял?

— А как же. Теперь у нас постоянно пойдёт один тип котла. Основные узлы его сохраняются. Значит — серийная продукция и полупоток! А раз серийная продукция, то шаблоны пригодятся. Они сэкономят время и увеличат точность разметки. Это так просто! Знаете, — Богатых понизил голос, точно собирался сказать что-то таинственное. — В этом году мы перевыполним программу в полтора раза, не меньше...

— Осилите?

— Наверняка. Алексей Кузьмич точно подсчитал. Выставим обязательство и вызовем на соревнование механический.

— Выходит, унификация тебе пришлась по сердцу?.. Я, пожалуй, подумаю насчёт твоего перевода в конструкторское бюро.

— Теперь погодите, Николай Иванович. У меня одна мыслишка лезет в голову. Если разрешите, забегу к вам вечером посоветоваться... Так как мои игрушки? Ведь мы тоже немалого конструкторы! — не утерпел напоследок Богатых.

На его лице была написана гордость. Та гордость, за которую ни осуждать, ни порицать нельзя, — гордость за дело рук своих.

— Славные игрушки! — ответил Камышов, отходя.

— Какова, а? — улыбался он заказчице тоже с гордостью и радостью. — Конструкторы!

Инженер не мог погасить улыбку на своём лице, так и шёл с нею по цеху. Стройный, статный, он был красен. Годы положили свою печать на лицо, но морщины тонули в улыбке.

Когда Камышов приехал на завод, в конструкторское бюро, в портфеле заказов он увидел, что надо поставлять котлы и для газового угля, и для антрацитовых отходов, и для древесной щепы.

Он попал сюда, когда завод рос и вместе с заводом росли люди. Но вот завод достроился, а неугомонные люди не хотят покоя.

И он искал вместе с ними. В содружестве с Никулиным он нашёл путь к созданию унифицированного энергетического котла, годного для работы на разном топливе. Борьбой за такой котёл жили теперь передовые люди завода.

На сварочном участке главный конструктор и его спутница остановились за спиной бригадира сварщиков Широкова. Широков варил быстро и ловко, прикрываясь щитком. Огненные вспышки слепили глаза.

— Его работа идёт без приёмки отдела технического контроля, — пояснил Камышов. Широков обернулся, неспеша двинулся навстречу. Он тоже молод, но старше Богатых, с военными медалями на груди. На подбородке — шрам, «военная отметина».

— Николай Иванович, посмотрите швы. Electroдами с новой обмазкой работаем, — сказал Широков.

Они смотрели, обсуждали, советовались — главный конструктор завода и сварщик.

Вокруг работало много молодёжи. Камышов, помолчав, вновь улыбнулся спутнице:

— Тоже немного конструкторы! Кончилась наша монополия. И я не ревную. Очень верно выразился разметчик.

Камышов с горячностью стал развивать свои мысли. В самом деле, конструктор, будь он семи пядей во лбу, не всегда может продумать все тонкости технологического процесса. Они, простые «рядовые» рабочие, нередко вносят свои поправки. Так рождается дружба производственников с конструкторами. Учиться — всеобщая страсть. Инженер-конструктор Гордун шефствует над бригадой сборщиков. Они вместе пересмотрели конструкцию и технологию важного узла, совместно нашли замечательно простое решение. Широков — под опекой старшего технолога цеха, инженера Татьяны Ивановны Дрозд. Собственно, это не опека, даже не шефство в узком смысле этого слова, а творческое содружество...

— Насколько я поняла, — сказала заказчица, — вы ехали сюда сугубо временно и считали себя несчастливцем. Николай Иванович. В своё время я тоже так думала.

— Молодость, неопытность, Мария Павловна!..

Они весело рассмеялись.

— А вот это идёт Василий Васильевич Китаев, секретарь парторганизации цеха, мастер сварочного участка.

Китаев шёл ровно, ступал крепко, смотрел спокойно и прямо, поблескивая очками и сединай. Седина яркая, благородная — чистое серебро. Такая седина не старит, а красит человека.

Камышов глубоко уважал этого нестарящего человека, вся жизнь которого была связана с великой Сибирской железной дорогой, прежде всего — с паровозными котлами.

Главному конструктору приходилось сталкиваться с Китаевым не только по чисто производственным вопросам. В красном уголке котельного цеха часто устраивались лекции. Василий Васильевич с парторганизацией цеха сколотил лекторский актив, шутливо называя самодеятельную лекторскую группу филиалом «Общества по распространению политических и научных знаний». Камышов стал одним из ведущих лекторов.

Китаев третий год парторг цеха.

Главный конструктор — беспартийный, но внимательно наблюдая за цехом, он не мог себе представить его без партийной организации. Коммунисты были зачинателями соревнования. Коммунисты первыми переходили к новым методам работы и увлекали за собою весь коллектив. Три четверти молодёжи цеха состояло в комсомоле.

Парторг прост в обращении, общителен и выдержан. Только однажды Камышов был свидетелем гнева Китаева, когда молодой инженер-технолог не мог рассказать о существе методов скоростника Борткевича.

Камышов крепко пожал сильную, жилистую руку мастера.

— Сварку вашу смотрим, Василий Васильевич, — сказал он. — Заказчица интересуется каркасом котла.

— Люблю всех, кто уважает сварку, — ответил тот полушутливо. — Каркасы выходят — красавицы!

— Как у вас с контролем сварных швов? — спросила Мария Павловна.

— Все ответственные швы проверяются вплоть до рентгено-скопии в необходимых случаях, — с готовностью ответил мастер. По тону ответа чувствовалось, что вопрос ему пришёлся по сердцу. — Разумеется, этого не требуют работы, выполненные нашими отличниками качества. А их у нас — почти половина всех оварщиков. Качество — дело чести и честности. Качество работы — это, несомненно, одна из самых важных сторон нашей советской морали.

— Видите ли, товарищ Китаев, мне предстоит работать на ваших котлах, и тоже хотелось бы работать без брака.

— Да, да. Наше качество — ваше качество. В одном хозяйстве работаем. Поэтому стараемся. Мы — не английская фирма: сделать, раскрасить и сбыть. Для себя делаем.

— Любите добротню сделать?

— Нельзя не любить.

— Значит — сторона морали? — улыбнулась женщина.

— Советской морали! Идёмте, я вам покажу и нашу сварку и наших людей. Сварка — основа котельного производства, делу венец. Невероятно сейчас представить себе котёл без сварки...

— Вы застали клёпку?

— Я сам был «глухарём», ремонтировал паровозные котлы. Знаете, что такое «глухарь»? Слышали, читали? Я прикидывал: на

такой котёл, как лаш, потребовалось бы тысяч тридцать заклёпок. Сварка — революция в тяжёлом машиностроении. Вы сибирячка? Нет? Жаль...

Истоки электросварки по существу берут своё начало в Сибири. В Барнауле начинал свою деятельность замечательный русский физик, академик Василий Петров, открывший электрическую дугу. Богата Сибирь славными именами. Вспомните гениального Ползунова. Эти люди украшают наше прошлое. Они — в одном ряду с Ломоносовым, Менделеевым, Поповым, Славяновым. Кстати, как раз Славянов, блестящий русский инженер, впервые в мире предложил плавящийся металлический электрод вместо угольного. Сейчас девяносто девять процентов работ по дуговой сварке производится методом Славянова. Бесспорность приоритета Петрова и Славянова не помешала западным любителям поживиться на чужой счёт причислить электросварку к числу изобретений «атлантической» техники. Простите, я, кажется, отвлекся, — спохватился Китаев.

— Нет, пожалуйста. Это интересно!

— Интересно, и важно, и нужно, — с увлечением продолжал Китаев. — Вы понимаете, когда меня пытаются обокрасть... Мой народ хотят обворовать! Я — сварщик. На моих глазах электросварка по методу Славянова вошла в быт нашей промышленности.

Китаев передохнул и, справившись с волнением, продолжал спокойнее:

— У нас на заводе о качестве сварки не одна голова думает, не одно сердце болит. Мы внедряем всё самое лучшее, самое передовое, что появляется в сварочном деле. Недавно я ездил в томский институт на консультацию. Учился. Сейчас у нас гостит профессор-сварщик, лауреат Сталинской премии. Учит. И, знаете ли, сам учится...

Камышов любовался парторгом. Китаев говорит с тем внутренним убеждением, которое заставляет слушать не отрываясь.

— Хорошо, но разве у вас нет нерадивых?

Он согласился — к сожалению, ещё есть. Но таких людей с каждым днём становится всё меньше. Не выполняют нормы единицы, да и то, в основном, новички на производстве.

— Прислушайтесь внимательно, — в стране, на заводе, вот в этом цехе ключом бьёт жизнь! Люди творят — вот что радостно!

— Теперь все немножко конструкторы, все немножко изобретатели! — не утерпел Камышов, увлечённый словами Василия Васильевича.

— Да, становятся конструкторами, технологами, экономистами! Я сейчас наблюдал сварку толстостенного барабана. Варит наш стахановец, коммунист Барышев. Потом его сменяет томский профессор. Затем поочерёдно они рассматривают наплавленный металл в лупу, чертят, считают, делятся мнениями, спорят... Вот, уважаемая заказчица, почему я смело смотрю вам в глаза. Но ваш контроль, конечно, для нас так же необходим, как необходимо

для тракторного завода мнение колхозника о достоинствах и недостатках трактора. Идёмте, я вам всё подробно покажу. Николай Иванович, позвольте пригласить вашу спутницу...

Камышов смотрел им вслед. Радостные чувства рождали в нём встречи с Китаевым. Недаром в цехе Василия Васильевича любят, как отца, привязаны к нему, как воспитанники привязываются к доброму и мудрому учителю.

Этот человек умеет, как нитью, связать разрозненные явления единой главной мыслью. И мысль всегда протянута из настоящего в будущее.

...Бывает так: заработаешься, зароешься в книги и чертежи, захлопочешься на заводе и не заметишь, как подкатила весна. Однажды выйдешь в сквер на окраине заводского зелёного городка, вдохнёшь воздуха, густо настоенного на тополиных почках, захмелеешь от счастья: весна!

Весну в котельном цехе сердцем чувствовал помолодевший инженер.

IV.

Дима Богатых сделал вид, что не замечает проходящего Дрозда.

Не то, чтобы разметчик не любил главного диспетчера. Даже наоборот, молодой человек испытывал своеобразную гордость: вот это так начальник у нас на заводе! Залюбуешься!

Но разговаривать с ним сейчас не хотелось — некогда. Да, кроме того, говорить с Дроздом — не то, что с Камышовым: обязательно надо раскусить его настроение. Угадал — твоё счастье, промахнулся — беда...

Дрозд строго окликнул:

— Чем занимаешься?

— Вот... Шаблонами, Матвей Семёнович.

Богатых был не трусливого десятка, но с Дроздом слегка робел, говорил медленнее, то растягивая слова, то запинаясь.

— Это что же — впрок?

— Да... Шаблоны на нормализованные детали унифицированного котла.

— Умник! Заковыристыми фразами козыряешь. С программой, спрашиваю, как?

— Ничего. Справляемся.

Дима чувствовал, что ему сейчас следовало рапортовать, поедая глазами начальство, а он тянул и мямил.

— Ты понимаешь, что такое конец месяца?

— Понимаю. Аврал... Но этот месяц у нас особенный...

— Не аврал, а мобилизация всех сил на выполнение программы. Уяснил? А ты на две пятилетки вперёд шаблоны готовишь.

Богатых осторожно заметил, что шаблоны уже применяются. Польза получается.

— Вот что, Богатых, — нахмурился Дрозд. — Бросай забавы. Некогда в бирюльки играть. Вы все тут... изобретать паровые машины начинаете! В погоне за усовершенствованиями программу выполнять некогда. Двух человек выделишь на сборку. С остальными форсируй недоделанное по одному котлу.

— Как же так, Матвей Семёнович... У нас график — два котла. Мы идём с опережением.

— Я, кажется, тебе объяснил!.. Повторять прикажешь?

— Алексей Кузьмич предупреждал...

— Я — начальник производства! Понятно?

— Слушаюсь!

Дрозд ходил по цеху размашисто, стремительно. Некогда. Надо успеть и тут и там.

Остановился возле «гильотины», отдал приказание, двинулся дальше.

Широкова он приветствовал снисходительно-ласково. Дрозд постоянно с удовольствием подчеркивал, что он является шефом, покровителем Широкова.

Сейчас, как обычно, Матвей Семёнович остановился возле знатного сварщика, тронул его за плечо.

— Ну, как, Вася, даём?

Широков с неохотой оторвался от дела. Что тут ответить? Раньше он пытался толковать с главным диспетчером о сварке, но разговор не получался. Василий решил промолчать.

— Хорошо работаешь. Молодцом!

Его много хвалили. Дрозд хвалил особенно часто. Вот так же хвалил: «Молодец, Вася! Жми, Вася!».

Сварщик смотрел равнодушно. Сегодня он варил электродом с новой обмазкой, предложенной томским профессором. Тут не до разговоров.

На первый взгляд этот молодой человек может показаться флегматиком. Движения скупые, неторопливые. Поведение тихое, скромное. Таким его и видел Дрозд — работягой, отличным исполнителем.

— Хорошо работаешь, — повторил Матвей Семёнович с гордостью, точно о себе говорил. — Совершенства достиг. Мастерства.

Сварщик ответил не сразу. Стоял и думал.

— Метафизика... — сказал он убеждённо.

— Ты это о чём? — изумился Дрозд.

— Хвалите зря...

— А как же — бранить?

— Нет, не бранить... Не равняйте нас с Фордом. Там стал на операцию — месяц, год, десять лет стой. На этой операции рабочий достигает «совершенства» до предела. А у нас всегда можно лучше. Подумать — и можно...

— Значит, ещё не додумал до конца?

— Таких концов у нас не бывает. Татьяна Ивановна говорит...

— Ну, знаешь, милоч, существуют пределы, поставленные самой природой. Их не перешагнешь!

— Татьяна Ивановна говорит, что пределы зависят от условий. Изменились условия — меняются пределы...

— Татьяна Ивановна! Именно в том и дело, что ты достиг мастерства, своего рода предела. Поэтому ты первый по всему городу сварщик.

— Мы с Татьяной Ивановной вместе стахановцы, — заговорил Широков таким тоном, какого Дрозд от него раньше не слышал. — У неё огромное богатство: знание математики, химии, электротехники. У меня — практический опыт, электрод в руках и голова на плечах. Мы делимся друг с другом. И наше богатство удваивается. Вы не знаете Татьяну Ивановну!

— Вот, вот. Она мне всего-навсего женой приходится, — саркастически рассмеялся Дрозд.

— Для вас — жена, а для меня инженер-технолог по сварке, руководитель мой, учитель. Не говорите: ты один... Неправда, ложь! Стахановец всегда идёт к инженеру. А инженер — навстречу стахановцу. Так я понимаю.

— Ого-го! — произнёс Матвей Семёнович, снисходительно извиняя молодому человеку его горячность. — Метафизика говоришь?... Ха-ха-ха!..

Ах, резонёры, резонёры, — думал он, — и Татьяна туда же... Впрочем, не в этом суть. Главное в том, что ему директор завода официально предложил принять пост начальника производства.

Теперь у него в руках все начальники цехов. Начальник производства — третье лицо на заводе!

Конечно, это только ступень. Впоследствии могут перевести в столицу, в главк, в министерство!..

От перспектив кружилась голова.

V.

Между корпусами цехов с воем, со злым свистом неслись тучи снежной пыли. Они яростно кидались на стены, отражённые, крутились на месте и, вновь набирая силу, летели дальше.

Татьяна Ивановна Дрозд, подгоняемая резкими порывами метели, бежала в литейный цех. Ветер пронизывал холодом, трепал пуховую шаль. Холодно, как холодно!

Татьяна Ивановна с трудом открыла дверцу, сделанную в больших воротах, и очутилась в шихтарнике.

Она хотела узнать, когда будут поданы очередные отливки, необходимые для комплектования котлов. Цех лихорадило из-за перебоев в снабжении. В заводоуправлении поговаривают о том, чтобы вести работу над одним только котлом, а второй временно «заморозить». Потому что метель, потому что «мы ещё не готовы», потому что не справляются снабжение, транспорт, вспомогательные цехи...

Это хуже всего — повернуть назад после того, как в новую систему организации рабочего процесса цеха вложено столько труда, столько инициативы!

В шихтарнике пусто. Возле железнодорожной колеи, пролегшей вдоль всего помещения, громоздятся кучи железного лома.

Это идея Китаева. Он поднял на ноги забытую на заводе утильбазу, заставил Сальского перебросить лом в литейный. На первое время хватит.

Говорят, литейный цех не может обеспечить позиционную программу завода. Так ли? В литейном за этот месяц пустили вторые бегуны для землеприготовления, переходят на машинную формовку, начинают лить под давлением.

Вспомогательным цехам уже нельзя работать в прежнем темпе, если котельный пошёл вперёд. Трудно... Но трудно — разве плохо?

Сальский обещает через неделю пригнать целый состав шихты. «На подходе» у него прокат. Через пару дней, дескать, будут.

Сальский никогда не скажет: через два дня, потому что два есть два, а пара — это по крайней мере три — четыре, а то и все пять дней.

Внимание Татьяны Ивановны привлекли куски швеллеров, торчащие из кучи. Она подошла ближе, достала линейку, принялась мерить.

В это время за спиной она услышала знакомые шаги. Оглянувшись, увидела мужа.

— Матвей, смотри, швеллера — двадцатый номер. А вот угловое железо!

Матвей Семёнович солидно промолчал.

— Вот, вот, — снова воскликнула Татьяна Ивановна, — ещё!..

Она хватается за один, другой швеллер, тащит их из кучи.

— Коротыши, маломерки, — с досадой говорит она.

— Оставь, Таня, — поморщился Дрозд. — Обрезки, отходы...

— А вот почти что двухметровые. Такие пойдут!

— Брось ты, не смейся людей, Татьяна.

— Помоги-ка мне, — попросила она.

— Вам же надо трёх-пятиметровые.

— Всякие. И короткие нужны частично. Кроме того, ты не забывай, что мы сварщики. Мы будем стыковать, Матвей.

— Оставь, пожалуйста, эту затею, — сказал Дрозд таким тоном, точно у него заболели зубы, и взял жену за руку. — Я прошу тебя быть спокойнее. Посмотри на себя: худеешь, сохнешь. Ты, кажется, на собственных плечах готова перетаскать эти несчастные обрезки в цех!

— Дай команду, Матвей, подогнать машину! Мы сейчас погрузим.

— Ха, так-таки сейчас и подавай. Загорелось! Сию минуту пожарную вызову.

— Я же серьёзно! — чуть повысила голос Татьяна Ивановна.

— Знаешь, Танечка, давай не будем, а? — склонился Дрозд к жене, положил руки на плечи. — Я тебя очень прошу. Зачем тебе лезть в эти дела?

— В какие, Матвей? — подняла она на мужа встревоженные глаза — Это же наши дела.

— Ну, ну, так, — продолжал он с кислой миной, как всегда, когда старался, словно ребёнку, что-нибудь ей внушить; в таких случаях голос его становился нудным, брюзгливым. — Только к чему через край? Важно во-время остановиться, взять себя под контроль. Нужно норму блюсти. Ты работаешь, хорошо работаешь. Тебя хвалят. Чего же ещё? Всё равно начальником цеха не поставят... Зачем же, извини, хватать это железо и тащить чорт знает куда. Есть начальник отдела снабжения с солидным штатом, коммерческий директор. Они отвечают. С тебя никто не спросит. Им виднее. В данный момент важно иметь шихту...

— Да, но в данный момент котельному цеху дозарезу нужен вот этот швеллер.

— Брак. Всё давно списано в расход.

— Нет, что ты! Это — прокат, это — труд людей, деньги, детали котлов.

— За своё! Опять с начала. Подумай: стыковка коротышей не дёшево вам обойдётся.

— Программа не обеспечена швеллером. Значит, надо сваривать.

— На один котёл ведь набрали.

— Нам надо на два.

— Ты слушай меня хорошенько. Второй котёл... Директор склонён дать согласие... Да ты и сама понимаешь, что второй котёл будет временно оставлен.

— Как?! Никулин только сегодня говорил...

— Никулин! Не знаю, что говорил Никулин... Вот! Никулина ты внимательно слушаешь! — запальчиво сказал Матвей Семёнович, отступая от жены и застегивая свою шинель на все пуговицы.

Он смерил её хрупкую фигуру неприязненным взглядом.

До чего похудела! Глаза с синеватыми ободками запали, стали колючими, острыми. Лицо потеряло прежнюю мягкость, стало резче, решительнее. Ах, как всё это не идёт к ней! И эта простая, овчинная шубёнка, брезентовые рукавицы...

— Татьяна, ты обижаешь меня.

— Чем? — спросила она тихо, едва справляясь с возникшей вдруг дрожью в голосе.

Кто-то входил в шихтарник, открыл дверь и никак не мог с ней справиться. Ветер ворвался в просторное помещение, ударил Татьяне Ивановне в щёку, в ухо, пробрался за ворот и в рукава. Как холодно!

— Да, обижает, — повторил муж жёстко. Голос его крепчал, наливался упрёком, укором. — Обижает. Ты вся — в цехе. Дома тебя почти что нет. Разговоры с утра до ночи: сварка и сборка, сборка и сварка. У нас теперь даже в праздничные дни — сварка вместо праздничного блюда!

— Сварка... — ещё тише проговорила Татьяна Ивановна, пряча глаза от сурового взгляда мужа.

Он продолжал, всё более проникаясь сожалением к самому себе:

— Я прихожу с работы домой вечером ровно в шесть — тебя ещё нет. Дела! Утром в девять собираюсь на службу, а ты уже ушла к восьми.

Дрозд говорил с перерывами, ожидая ответов жены, её раскаяний, обещаний, хотя бы возражений. Татьяна Ивановна молчала, всё более склоняя голову на грудь, точно шея её не держала.

— Я давно думаю, — пора возвращаться к правильному, семейному образу жизни. Ты постепенно отстраняешься от меня. Твоя жизнь сейчас — завод, а не я. У тебя сейчас больше общих интересов с Никулиным, чем со мной!

— Разве котельный цех, котельный завод — это не наши с тобой общие и личные интересы, Матвей?

Татьяна Ивановна подняла глаза, полные слёз, порывисто закрыла лицо рукавицами и пошла, пошатываясь, к выходу.

Он следил: жена сперва двигалась, как слепая, потом выпрямилась и почти бегом направилась к двери.

Ворвалась волна метели, ветер с силой прихлопнул дверь. Ушла...

Татьяна Ивановна бежала изо всех сил. Так бегут от опасности, от несчастья.

Метель была навстречу, не пускала, пятала назад. На миг остановившись под яростным порывом, Татьяна Ивановна вновь бежала, задыхаясь от ветра. Глаза слепило снегом. В ушах гудело, как после удара. Ветер, стеснённый между стенами соседних цехов, клокотал, гудел, как в гигантской трубе.

В цехе она остановилась у самых дверей, прислонилась к стенке.

Здесь шумно, но шум привычный, его не замечаешь, как не замечаешь тиканья часов в комнате.

Котельный цех! Трудный цех.

Она познакомилась с ним, когда выходил первый в истории Сибири паровой котёл, когда здание было под крышей, но ещё без стёкол и дверей. Тут всё знакомо, как дома. Сколько пережило здесь волнений! Радостей сколько!. Особенно в последнее время. Некоторые из них были так дороги, что целая жизнь не сотрёт их из памяти.

Внедрение скоростной автоматической сварки — большой праздник для старшего технолога котельного цеха. И для всех.

Праздники в цехе неизбежно становятся общими. Каждый день приносил радостные события.

Наконец, запуск двух котлов в производство одновременно...

Не слёзы, по щекам падали блестящие капли оттаявшего снега. Расплавился в горле горький, колючий комок. Выравнилось дыхание.

Разве можно в овоём цехе плакать?! Здесь у неё столько друзей! Здесь она задумала подать заявление о вступлении в партию. В котельном цехе она нашла то, о чём мечтала.

Подбежала крановщица Нина Голубкова, улыбающаяся, весёлая девушка, внимательно посмотрела, потом улыбнулась так заразительно, так светло, что Татьяна Ивановна невольно ответила ей улыбкой.

— Татьяна Ивановна, идёте скорее. Что я вам покажу! Сейчас будем испытывать новое грейферное устройство для погрузки краном стружки и мелких отходов. Полеземте со мной наверх!

— Хорошо, Нина, полезем, хотя это, кажется, и не положено, — неожиданно для самой себя согласилась Дрозд.

Они влезли вверх на площадку, которая служила для входа в кабину. С площадки весь цех как на ладони.

— Отсюда, с высоты, — щебетала Нина, — я больше всех вижу и лучше всех знаю, что и как делается в цехе. Надо будет Алексею Кузьмичу показать, а? Предложу, обязательно предложу. Он не обидится, Татьяна Ивановна? Он меня, поди, пустосмехом считает. Да?

— Что ты, он же тебя недавно на доску почёта выдвинул.

— Да? Он предложил? Так сам и сказал: мол, Нину Голубкову как стахановку...

— Почти дословно так.

— Ну? Честное слово? Мне говорил Димка Богатых, но я ему не поверила.

Татьяна Ивановна осталась на площадке.

Кран подошёл к куче хлама, и девушка принялась ловко орудовать ручками управления. Послушные её командам железные челюсти захватывали стружку, подымали её. Автомашина была нагружена в три захода.

Нина возвратилась довольная, раскрасневшаяся, открыла дверку, приглашая Татьяну Ивановну к себе в кабину.

— Видели? Как руками хватает. Умная машина! Алексей Кузьмич выдумал?

— Нет, Ниночка. Такой механизм уже давно известен.

— Да? Ну всё равно. Правда, Татьяна Ивановна, он ведь необыкновенный, особенный? Что захочет, то и сделает.

— Много может, очень много.

— Я тоже самое говорила Димке, а он мне — ничего, дескать особенного, — как все, только голова умнее, потому что бывший комбат... Ведь врёт? Ох, он столько мне врёт!

Татьяна Ивановна не успевала отвечать.

Спускаться вниз не хотелось. Девушка усадила её на рабочее сидение, а сама устроилась подле.

— Приехали. Можно отдохнуть. Я теперь частенько здесь отдыхаю. Пройдусь с краном вдоль цеха, сделаю за один присест уйму работы и снова сюда. А что было раньше, что было! Металась я весь день и всё равно ничего не успевала. Каждый тянет к себе. Все командуют. Из конца в конец цеха на холостом ходу мчишься, чтобы одну единственную балку переложить с места на место. Не работа — суета...

У Нины белое, полнощёкое лицо. Нос вздёрнут самую чуточку. Курносой осмеливается её называть лишь Дима Богатых. Весной около носа густо высыпают веснушки, а сейчас щёки — кровь с молоком...

— Признаться вам, Татьяна Ивановна, я ведь ушла бы с работы... Ушла бы месяц тому из цеха. Совсем собралась, если бы всё продолжалось попрежнему. А теперь у меня график — мой план работы.

Нина задумалась, смахнула улыбку с губ. Ох, как тогда мучалась! Летала над цехом, старалась повсюду поспеть... Туда-сюда, вверх-вниз! Она только и знала, что дёргала кран, тележку, блоки по чужой команде. Майна! Вира! Э-гей, подымай кран!.. Не было ни сил, ни времени разобраться в работе цеха. Она была грузчиком, ломовым извозчиком... Её бранили.

А сейчас за один двадцатиминутный рабочий рейс от задних ворот к передним можно перенести столько грузов, сколько прежде было не осилить, пожалуй, и за час.

Она сознательно вникает в производственный цикл цеха. Вот закончена разметка швеллеров для колонн каркаса. Она их подаёт газорезчикам. Здесь подхватила материалы, подготовленные для сварщиков. Дальше подала детали на сборочный участок. Она теперь знает, куда и как подвести, опустить, положить груз.

С ней советуются при составлении графиков поточного прохождения деталей цехов!

— Татьяна Ивановна. — тихо сказала Нина. — Хочу спросить у вас, можно?.. По личному вопросу.

— Пожалуйста, Нина.

— Вы, наверное, знаете. У вас жизнь за плечами... Вот если случается так, что любишь человека, а он не смотрит... Ну, не хочет обращать внимания. Не замечает, не понимает, не чувствует ничего!

— Поймёт, — улыбнулась Дрозд. — Непременно почувствует.

— А он не чувствует!

— Неправда, Нина. Вы оба хорошо понимаете друг друга.

— Мы? Я же не о себе. Я вообще.

— Ну-ну-ну! Ты же сказала: по личному вопросу... От меня тебе нечего скрывать. Ты же моя подшефная, ты мне как родная, Нина!..

С недавних пор к Татьяне Ивановне вечером в цеховую контору, кроме Широкова, стали приходить Голубкова и Богатых. Она решила расширить шефство над молодыми рабочими. У каждого из них было большое тяготение к технике.

Нина, например, увлекалась физикой, электричеством и электросваркой.

Татьяна Ивановна с удовольствием наблюдала за Ниной и Димой, молодыми, весёлыми, жадными к работе и знаниям людьми.

— Ах, Татьяна Ивановна, — порывисто воскликнула девушка, вспыхнув надеждой. — Понимает? Понимает?!

— Прекрасно понимает. У него светлая голова, ясная душа. Смотри, какие он шлёт тебе улыбки!

Ниночка глянула в цех, вниз.

Богатых порывисто махал руками, улыбаясь широко, ласково, но с оттенком обычной удалы и озорства.

По губам крановщица прочла: «Ниночка, Нивок, кран подавай!»

— Дима? — растерялась девушка.

И вдруг она всхлипнула, склонилась на плечо Татьяны Ивановны. Так обиженный ребёнок ищет утешения у матери.

— Что с тобой, родная? — обняла её одной рукой Татьяна Ивановна, коснулась губами русых, с чуть заметным рыжеватым отливом волос.

— Не тот... — одними губами шептала она на ухо инженеру. — Другого люблю до-смерти, Татьяна Ивановна... Васю люблю и ничего с собой поделаться не могу...

— Василия?

— Его, — подтвердила Нина. — Работаю, и весь день его вижу. Каждое движение знаю. Его удачи и неудачи в работе чувствую, как свои. Берусь вот за эту ручку и думаю: сейчас буду подымать колонну, сделанную им... Кажется, переделала бы с ним вместе всю работу! Вы думаете, я не мучилась, когда плохо работала? Теперь меня тоже занесли на стахановскую доску, в один список с ним, с Васей... Немножко пониже, но вместе с ним!..

— Хорошо, Нина, хорошо! — сказала Татьяна Ивановна с волнением, глядя в широко открытые глаза девушки.

— Изю всех сил хочется быть такой же, как он, быть похожей на него, достойной его. Радуешься: мы с ним здесь, в нашем котельном цехе, полезные, нужные люди. Работаем заодно, радуемся вместе. Так и кажется: всё можно сделать, всё достижимо и преград у нас нет!.. Только вот горюю я одна...

— Верно, нет преград, — повторила Татьяна Ивановна. Взгляд её устремлён вдоль цеха.

Спохватившись, она глянула на часы и заторопилась: незаметно прошло пятнадцать минут.

— А ведь он не смотрит на меня, а если смотрит, то так редко. Ох, как мало смотрит! — горько жаловалась девушка. — Когда

ему нужен край, руку подымает и не смотрит. Помедлишь — посмотрит спокойными глазами, ничего не скажет, не крикнет...

— Всё равно хорошо, Нина. Мы с тобой правы. А справедливость у нас — самая большая сила! Она всегда побеждает.

IV.

Уборщица протирала окна снаружи цеха. Никулин следил, как она с приставной лесенки ловко орудует метлой.

Метель, гулявшая трое суток, улеглась. К середине дня из-за туч вышло солнце. Многие Никулину, пехотному комбату, довелись повидать. Видел он среднерусские равнины и белорусские леса, польские деревни и немецкие города.

Возвратившись к себе в родную Сибирь, он почувствовал, что нет ничего лучше, дороже сердцу просторных пшеничных сибирских степей.

Солнце! Нигде не видывал он такого блистательно яркого, ослепительного солнца. Оно в Сибири особенное, неповторимо-привлекательное...

Уборщица переходила от одного задепленного снегом окна к другому. И в окна неудержимо врывалось солнце. Море света заливало цех. Померкли блики электросварки. Солнце заиграло в металле, на станинах машин, в улыбках людей.

Кто её послал обметать окна? Никто, должно быть. Сердце подсказало. Наши люди любят солнце: легче работать, радостнее на душе.

Пожилая женщина по сугробам перетаскивала лестницу, смело взбиралась на неё; вновь и вновь рождались мириады радужных пылинок. Золотые руки у неё, хозяйский глаз.

Удивительно — цех переваривает всё больше металла, а у неё день ото дня всё чище и чище, как у опрятной хозяйки под праздник. Видно, душа лежит к работе, даром что труд простой, чёрный. Да и «чёрный» ли в самом деле? Надо будет отметить эту уборщицу...

Никулин никогда в своём цехе не спешил, не торопился, не бегал, даже, бывало, в последние дни месяца, когда во что бы то ни стало надо закончить программу. Сейчас он наблюдал проходные детали с одного рабочего места на другое и прикидывал, как рациональнее построить это движение.

Обычно в конце месяца скапливались сварочные и сборочные работы, тогда как в первые дни месяца занимались в основном заготовительными операциями.

Дрозд бегал, овал и метал. Он «проталкивал» котёл, он «давал команду». С ним бывали большие скандалы, но Дрозда трудно смутить.

Никулин не мирился с установившимся порядком, но решительного перелома достичь не мог. Главный инженер завода, человек беспокойный и напористый, помог Никулину найти правильное решение. И вот они с Камышовым задумали смелое дело.

Их начинание поддержал партком.

Кто был инициатором — сказать трудно, потому что у каждого мысли об этом бродили давно. Об унификации паровых котлов думали и до них. Построить энергетический котёл, который можно легко переводить с одного топлива на другое, — это ли не мечта котельщиков!

В нашей стране огромное богатство и разнообразие местных топлив. В военное время, когда котлы переезжали вместе с электростанциями на новые места и должны были «кормиться» другим топливом, унификация стала необходимостью... А с производственной, технологической стороны она сулила увеличение выпуска котлов в полтора раза при прежнем оборудовании, снижение себестоимости процентов на двадцать!..

Повышенную программу заводу на новый год Никулин принял как победу. Работа признана. То была конструкторская победа. Теперь надо победить в производстве. Изгнать элементы индивидуальности, случайности, штурмовщины — вот главное, за что он боролся. Поменьше «команд», побольше планомерной работы.

И пусть Дрозд пеняет на себя. Люди, у которых нелады с планированием, вредные люди на производстве...

Сегодня он был у главного инженера, не знающего усталости и покоя. Тот готовит новый план организационно-технических мероприятий.

Перестраивая работу в цехе, начальник понимал, что это повлечет за собой новый рост рационализации. В своих планах он смело опирался на творчество коллектива цеха.

Сейчас ему ставят палки в колёса снабженцы. Надо сломить и отбросить эти палки.

Никулин был инженером, влюблённым в свою специальность, в машины. Страсть к машине зародилась двадцать с лишком лет назад, когда он впервые увидел трактор в родной степи. Жгучее желание управлять машинами привело юношу в город. Студентом он учился делать машины. На производство пришёл в разгар борьбы за индустриализацию страны. Здесь ему пришлось учиться руководить людьми, строившими машины.

Только один раз он изменил технике — с началом войны пошёл в пехоту, потому что его тянуло в самую гущу борьбы, на передний край обороны и наступления.

Спокойный, сдержанный Никулин никогда не был равнодушным. На фронте его считали прирождённым военным. Но он демобилизовался летом сорок пятого и сразу возвратился к инженерному делу.

Техника — это, прежде всего, творчество. Исследователь-географ изучает леса и реки, открывает острова и горные вершины. Увлекательный, красивый, романтический труд. Инженера влечёт техника, как неизведанная страна, в которой открывание новых вершин никогда не кончится.

Теперь, когда строится унифицированный котёл, главный инженер завода поднимает новую увлекательную техническую проблему — перейти к поставке котлов большими блоками. Тогда на

монтаже отпадёт трудоёмкий процесс сборки деталей, останется только установка узлов.

Это значит — снова трудная и радостная работа, ещё интереснее прежней!

Как-то раз Китиев сказал удивительно точно: счастье творчества у нас всегда коллективно. Пройди по цеху — увидишь. Коллектив спаян общими интересами. Партийная организация — его ведущее творческое ядро.

Цех построен и оборудован на определённую производственно-техническую мощность. «Из цеха всё выжато» — любит выражаться Дрозд. Рабочие и мастера думают не так. Ведь пятилетку страна взялась выполнить в четыре года.

...В открывшиеся ворота хлынули морозные клубы пара. Разрезая их, в цех въехали три гружёные платформы.

Из-за платформы показались Дрозд и Сальский. Дрозд шагал крупно, выставляя грудь вперёд. Сальский переступал часто, на каждом шагу немного приседая, как будто хотел сделать свою походку ещё более мягкой.

— Привезли, — сказал Дрозд вместо приветствия.

— Что?

— Двадцатый швеллерок... Пожалте, Алексей Кузьмич. Сорок тонн, грамм в грамм, — заторопился Сальский.

— Поступил в адрес завода?

— Ну, это, как говорится... дело мастера боится... У знакомого коллеги на станции перехватил взаимоотношению. И прямо сюда. Взаимная выручка — великое дело!

— Хорошо, но зачем же мне столько?

— Стараемся по мере сил. Вы перевыполняете программу в своём деле, а мы по своей снабженческой части.

— А там что?

— Лист пятимиллиметровый и рифлёнка.

— Тоже оттуда, прямо со станции?

— Оттуда.

— Помилуйте, но наш кладовщик говорил — на складе рифлёного железа видимо-невидимо!

— Как сказать, может оно и так, но...

— Запас карман не трёт и есть не просит, — безапелляционно заявил Дрозд.

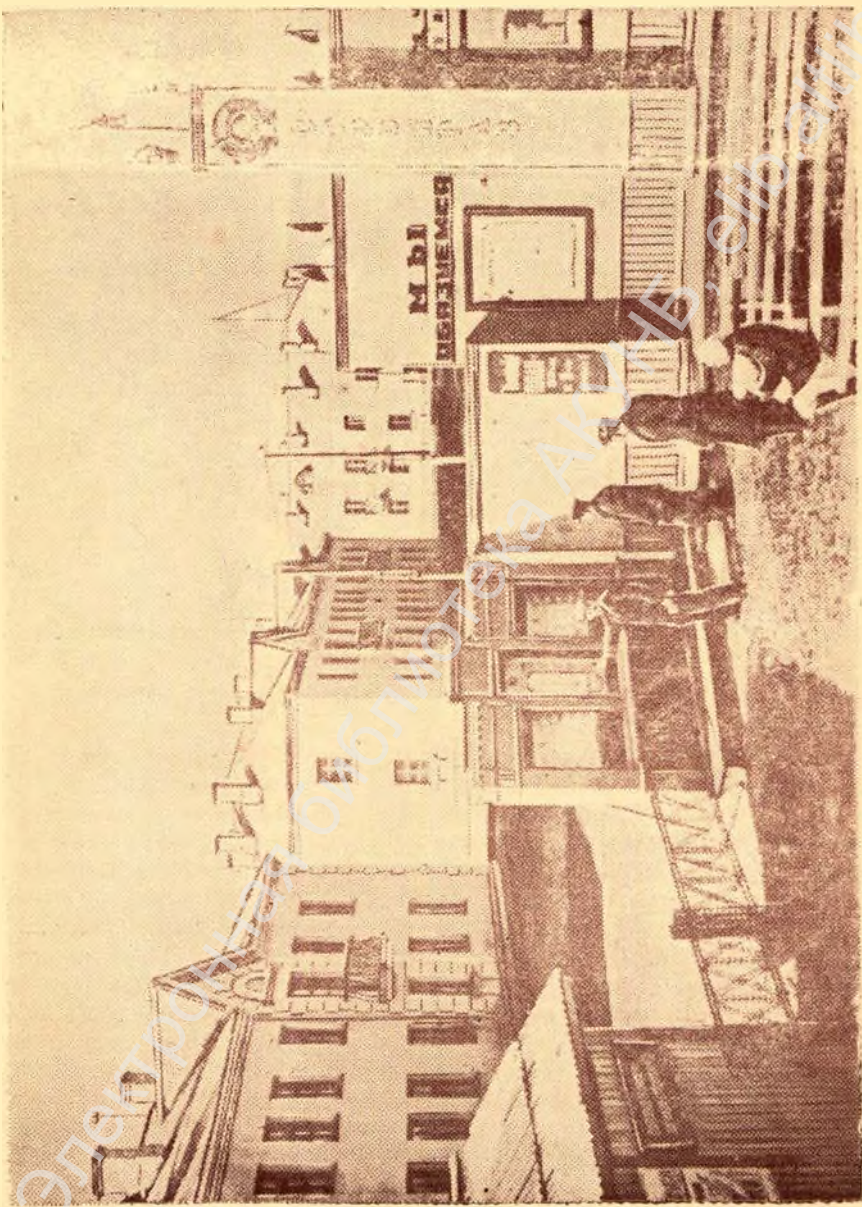
— Так вот что. Иван Павлович, я заберу половину швеллера и пять тонн листа. Ведь существует график завоза металла в цех! На-днях жду угловое железо.

— А остальное?

— На склад.

— Полноте, Никуля, чудака строить, — сказал Матвей Семёнович таким тоном, точно вразумлял капризного ребёнка. — Командуйте выгружать.

— Куда?

И 1949 году рабочие Барнаулского ордема Ленина завода транспортного машино-
строения получили новые кварталы жилых благоустроенных домов.
Фото А. Сафонова.

— Смешно — в таком цехе не найти двадцать квадратных метров под металл!

— Нет у меня лишних метров. Вы сами об этом твердите.

— Насколько я помню, вот тут постоянно складывался металл. Ваши мальчишки оккупировали чужую территорию.

— Не мальчишки, Матвей Семёнович. Вам пора знать, — это разметчики, стахановцы, молодёжная бригада Богатых.

— Хорошо, хорошо... Что же они у вас, спецы вроде Широкова, да? — зычно засмеялся Дрозд, словно сказал удачную остроту.

Сальский переминался с ноги на ногу, выбирая момент, когда можно вставить примиряющее слово. Что за люди — как сошлись, так и сцепились...

— Вот именно. В прошлом году был один Широков, а теперь полцеха — Широковы!

— Уморил!.. Ведь многие из них всего год—другой, как из ремесленного училища. Пока они достигнут хотя бы среднего уровня, много воды утечёт!

— А Широков? У него не десять лет сварочной практики.

— Широков — другое дело. Самородок. Под счастливой звездой рождён. Вы же знаете, что Василий у меня постоянно в поле зрения.

— Так, значит, молодёжь должна ходить в подручных и копить стаж? Обязательно десятилетия, — по-вашему? Как же институты в течение четырёх—пяти лет готовят не рабочего, а инженера?

— Хватили! Во-первых, институт имеет под собой солидную базу в виде десятилетки. Во-вторых, там учатся, а не работают.. Несоизмеримые вещи!

Вступить в разговор и направить его по иному руслу Сальскому не удалось. Он стоял, потупив глаза, иногда даже жмурился, когда по ходу разговора ожидал особенно сильных выражений.

— В том-то и дело, что соизмеримо. Если, так сказать, не количественно, то качественно! У нас ведь каждый учится. База? Поищите в этом цехе молодого рабочего, у которого не было бы семилетки и солидной подготовки в специальном училище. Никогда об этом не думали? Зря. Широков — мастер своего дела, слов нет. Способный рабочий, старательный. Как вы говорите — самородок, рождённый под счастливой звездой? Неправильно. Широков — инициатор, вот что главное. Старательные и способные были и раньше. Вы не наблюдали, как «мальчишка» из «ремесленника» становится рабочим? О, вы много, много теряете, Дрозд. И он не останавливается на том, что вы неудачно назвали «средним уровнем». Такой уровень уже не характерен для нашего времени. Вы в деревне бываете? Бываете, конечно, — ведь вы — страстный охотник. Прошлым летом я проводил отпуск в своей Облепихе. Видел там звенья высокого урожая. Что это такое? Это новая форма крестьянского труда. Это агрономия, техника, творчество! У

Широкова, у Богатых и у сотни других — то же самое. Это — всеобщий процесс движения, развития, роста!.. А мы с вами... Мы с вами во главе этого величественного процесса!

— О, вы незаурядный агитатор, Алексей Кузьмич. Недаром ваша жена заведует райпарткабинетом!

— Да, я пропагандист! Я веду кружок по изучению истории партии. Мы все теперь пропагандисты — словом и делом. А наши жёны... Замечательны жёны, особенные жёны, каких раньше не бывало! И ваша Татьяна Ивановна — пропагандист. Она пропагандирует новую технику, поощряет передовые методы работы. Широков, например, своими успехами во многом обязан ей.

Сальский никак не мог сообразить, какое отношение имеют жёны к швеллерам, которые лежат на платформе и ждут разгрузки. Он с удовольствием убежал бы отсюда, подальше от спора, но неудобно.

— Ей?

— Да, Татьяне Ивановне, вашей жене.

— Разрешите историческую справку. Кто первый на заводе открыл Широкова? Не я? Скажете — не я? Кто его двинул вперёд?

— Матвей Семёнович, заносить на доски почёта и хвалить на собраниях — это ещё не всё. Что для вас этот сварщик? Колоритная фигура, природный талант. А Татьяна Ивановна направляет его техническое и общее развитие. Она делает его техником широкого интеллекта.

— Черезчур сложно. Слова, слова. Я беру вещи, как они есть.

— Нет, надо брать их в развитии, в движении...

— Опять философия... Я почти каждый день бываю в цехах. Я отлично вижу, что там делается, без очков, без розовых.

— Действительно... Вы заметили, что комсомольцы расширили разметочный участок за счёт гулявшей площади. У вас действительно очки — не розовые, а гораздо хуже — с задымлёнными стёклами. Через такие наблюдают солнечные затмения... Вы видите форму, но не различаете существа. Вы видите вещи такими, какими их нашли, когда впервые пришли на производство. Фигура одного Широкова заслоняет для вас коллектив. Вы, Матвей Семёнович, удивительно апатичный, пассивный человек!

Сальский готов был упасть в обморок.

У Дрозда брови полезли на лоб, глаза округлились. Отставленная нога нервно отбивала дробь.

— Вы становитесь старомодным делягой — толкачом... — продолжал Никулин. — Быть дилетантом в наше время — тяжёлое несчастье. Вы не растёте ни технически, ни политически. Я давно хотел с вами поговорить по этому поводу. Вы, Дрозд, без вёсел плывёте по течению. Смотрите, оно прибьёт вас к берегу в тихом плёсе...

— Спасибо. Хватит... — голос Дрозда сорвался до шлота. — Благодарю за нравоучение! Теперь я вас спрошу о деле: пятого февраля котёл будет?!

— Пятнадцатого. Два...

— Вы что же, Никулин... — Дрозд грузно склонился к инженеру, точно хотел близко рассмотреть его глаза. Начальник цеха стоял, спрятав руки в карманы, смотрел прямо, не мигая. — Угробить меня задумали?!

Дрозд с видимым усилием раскланялся, тяжело ступил в сторону, пошёл по цеху, постепенно ускоряя шаги. Навстречу ему двигался огромный цинт обшивки котла, подвешенный стропами к крану.

— Товарищ Дрозд! Эй, береги-и-сь, Дрозд! — что есть силы закричала Голубкова и зазвонила в сигнальный колокол.

VII.

Китаев всё замечал в цехе и на заводе. Жизнь завода была его жизнью. Успехи завода приносили ему радость, неудачи воспринимались, как личное несчастье.

Каждый котёл — это энергия для промышленности и транспорта, свет для городов и сёл.

Такой котёл приводит в движение турбину. Она может крутить генератор, способный дать ток для трёхсот тысяч электрических лампочек по сорок ватт каждая. Значит, за год работы котельный завод зажигает миллионы и миллионы ламп, может вращать тысячи станков, дать жизнь сотням электровозов, трамваев, троллейбусов...

В этом году надо изготовить котлов в полтора раза больше, чем в прошлом. Это сколько же в переводе на лампочки?!

Старый мастер любил технику, а ещё больше людей, делающих технику. Ему выпало счастье работать в котлостроении. Что может быть радостнее, чем сооружать электростанции, которые прокладывают дорогу в коммунизм!

Когда он на собрании партгруппы цеха впервые предложил внедрить в цехе скоростную автоматическую сварку под слоем флюса, ему выделились электрические лампочки в смоленской деревне и горноалтайском аймаке. Когда разметчики предлагали более экономный раскрой металла, он считал килограммы и тонны, прикидывая, что можно дополнительно сделать за счёт экономии.

Василий Васильевич заметил, что начальник цеха и новый начальник производства вчера крупно поговорили. Сегодня рано утром Дрозд выскочил из конторки Никулина возбуждённый, сердитый.

В связи с этим, повидимому, снова прошла тревожная весть: цех собираются переключить на окончание одного котла. Она облетела все участки.

Китаев чувствовал, как она тронула каждого рабочего.

Широков подошёл к парторгу, спросил:

— Правда, Василий Васильевич?..

— Нет, — кратко и твёрдо ответил тот.

Китаев решил пойти в партком. Выходя из ворот, он услышал: «...Неправда. Василий Васильевич сказал».

Его слова, как на крыльях, пронеслись по всему цеху. Люди верили ему.

Во дворе, у здания цеха, разговаривали секретарь парткома завода Захаров и Дрозд.

Ещё издали Василий Васильевич понял, что разговор происходит серьёзный. Редко можно видеть румянец на щеках Захарова, а сегодня он играл — и не от мороза.

— Не выйдет, говорите вы? Никогда ничего не выйдет, если новое дело будете тормозить. Сорвать график котельному цеху проще всего. По крайней мере легче, чем его выполнить! Вы этого хотите?! — спрашивал секретарь резко.

— Я хочу, чтобы завод выполнял программу... Реальную программу.

— Реальную? Это какую же? Старую? Прошлогоднюю?

— Повышенную, но не в полтора раза! Вы знаете моё трезвое мнение, Иван Ильич.

— Вредное мнение, — поправил Захаров.

— Вы хотели сказать, — ошибочное мнение... — сопротивлялся Дрозд.

— Подобные ошибки у вас начинают перерастать в систему. Наши планы, если хотите, это не только настоящее, но и взгляд в будущее!.. Идёмте в цех, там мне легче с вами разговаривать.

— Увольте, Иван Ильич...

— Никулин не пускает? — саркастически рассмеялся Захаров.

— Тяжёлый человек, прямо скажу.

— Не нравится? А вы ему не нравитесь. И Китаеву тоже. Так, Василий Васильевич?

— Ничего не имею против личности Матвея Семёновича, — сказал подошедший Китаев. — Но литейный цех до сих пор не подал нам детали, по вине товарища Дрозда. Вот это мне не нравится!

— Об этом речь была... Я вот зову Дрозда к вам в гости, но он торопится — срочно нужно в трубный и литейный. Поправлять дела.

Захаров взял Василия Васильевича под руку, через плечо сказал:

— Значит, вечером будете у меня. Обязательно! А пока желаю успехов.

В цехе Захаров направился к большой доске, на которую был нанесён график работы. Рядом с плановыми цифрами там ежедневно отмечались показатели выполнения заданий участками.

Гудок известил о начале обеденного перерыва.

Многие рабочие тоже поспешили к графику. Толпа за спиной Захарова и Китаева густела.

— Товарищ Зайцев! Вам, наверное, грустно смотреть на эту доску, — обратился Захаров к начальнику сборочного участка.

— Малость отстаём, Иван Ильич, — ответил высокий, угловатый Зайцев, смущаясь под десятками взглядов. — Снабженцы проката не дают, литейный детали задерживает.

— Так, так... А топочная камера почему у вас плохо движется?

— Не успеваем... Соберёшь обшивочный лист, заваришь одну сторону, надо переворачивать на другую. Время, глядишь, уходит.

— Обязательно переворачивать? А если две стороны варить с одной установки детали? Как на соседних участках практикуют...

— Специальные приспособления нужны. Детали у нас все крупные, громоздкие.

— Он у нас экономный, — раздался голос сзади. — Скупится лишний час затратить на подготовку рабочего места.

— Экономность хороша, а скупость уже порок, — усмехнулся секретарь парткома.

— Говорят, всё равно только один котёл сперва будем доводить до конца, — полувопросительно возразил Зайцев.

Захаров заметил, как десятки внимательных глаз устремились в его сторону. Видно, этот вопрос волновал не одного рабочего.

— Кто говорит?!

— Он сам распространяет такие слухи. Себе в оправдание, — послышался ещё один голос.

— Стыдитесь, Зайцев! Однажды затратите на приспособление, а выиграете десятки и сотни раз. Вас правильно поправляют. Послушайте, что пишет сегодня «Правда» о нас, рабочих энергетического машиностроения. Читайте.

Захаров подал газету Диме Богатых. Все уселись на скамейках вдоль стены.

Дима читал быстро, но чётко и внятно. Недаром он считался одним из лучших «мастеров художественного слова» в заводском кружке.

Захаров сидел среди рабочих, обнажив круглую бритую голову. Под глазами — синева, но в лице не заметишь и тени усталости. В руках у него пачка газет и журналов, в том числе и технические. Секретарь парткома учится технике. Закончив чтение, Богатых торжественно добавил от себя:

— Вот как ценятся наши котелки!

— Без котлов нет пара, без пара нет электричества, — сказал Китаев.

— А без электричества у нас шагу ступить вельзя, — добавил Богатых.

— Слышите, Зайцев?

— Всё слышу, Иван Ильич.

— Энергетика — это сила государства, — продолжал секретарь. — Вспомните великие ленинские слова: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны». Наши котлы нужны не только промышленности. Они и границы наши делают неприступнее. Кстати, почитай-ка, Дима, о плане Маршалла. Полезно послушать.

Секретарь заводского партийного комитета умел направить разговор так, что он задевал самые насущные вопросы дня.

Почти всех котельщиков Захаров знал в лицо и добрую половину — по фамилиям. Со многими он был знаком и дружен.

Разговор, иногда переходивший в горячий спор, продолжался и после ухода Захарова. Секретаря парткома занимали узкие места производства. За несколько лет работы на заводе Захаров, с его эрудицией, стал настоящим котельщиком. Тесная дружба с главным инженером помогала его техническому росту. Когда главный инженер, Камышов и Никулин взялись за осуществление организационно-технического переворота в котельном цехе и вообще на заводе, секретарь парткома приложил все силы, чтобы вовлечь в это дело рабочих, мастеров, инженеров.

— А два котла всё-таки будут готовы в срок, — сказал секретарь Китаеву.

— Будут, но надо работать и работать.

— Конечно. Мы не привыкли сидеть, сложа руки.

— Помех много, Иван Ильич.

— Помехи мы устраним. Директор сейчас поверил в реальность этого плана и стал на сторону инженеров. Сперва он не решался пойти на такой решительный перелом, но мы сумели ему доказать необходимость этого шага.

— Так. А вот Дрозд...

— Дрозда надо столкнуть с мёртвой точки. Заржавел Дрозд, как железо, когда оно лежит без движения.

— Консервативен, непопулярен среди рабочих.

— Это очень грустно, Василий Васильевич! Почему мы раньше не заинтересовались Дроздом? А ведь он давно шумит без пользы для дела. Значит, мало мы людей изучаем. Как он докатился до такой жизни? Стал на дороге, растопырил руки и кричит: «Стой! Дальше не пушу!» Мне думается, надо попробовать направить его по иному пути. Дать ему конкретное и горячее дело. Как вы думаете? Или возьмите материально-техническое снабжение завода. Тоже выпустили из поля зрения, а производство перерастает рамки, в которых привык работать аппарат снабжения. Прошу вас, Василий Васильевич, сегодня же пройти в склад и ознакомиться с делами. Там у нас непорядки.

...Через полчаса Китаев приветствовал начальника склада Умурзакова.

— Здравствуй, начальник!

— Будь здоров, депутат! Зачем пожаловал? Наличие снимать? Умурзаков — казах, но по-русски говорит чисто, чётко.

У него вид лихого джигита, хотя длинная борода клином густо оторочена сединой.

— Посмотреть твоё хозяйство хочу, товарищ Умурзаков. Можно?

— Пожалуйста. Садитесь. Депутату — лучшее место за столом. Сальский меня предупредил — скоро, говорит, нагрянет Ни-

кулии... Чтобы комар носа не подточил! Я постарался. Увидите. Всё блестит, как спины сытых коней.

— Хвастай, чем богат, Оманджол Муканович.

— О-о, — богатства у нас, как песку на дне Каспий-моря. Смотри, депутат! Душа радуется, глаза горят.

Умурзаков широко развёл руками, указывая на полки, заставленные бидонами и банками, ящиками и пакетами, свёртками и мешочками.

— Розничная лавка! — изумился Василий Васильевич.

— Магазин!.. Универмаг — первый сорт, — с гордостью подтвердил кладовщик.

— Всё — нужное?

— А как же? В большом хозяйстве всё требуется. Недавно Иван Павлович пыжи потребовал. Охотник, сами знаете. И пыжи есть. Вчера было приказано выдать шторы для кабинета нового начальнича производства. И шторы нашлись, цветастые, яркие, что тебе ковёр туркменский!

Василий Васильевич шёл между полок-стеллажей, время от времени тыкая пальцем в ящики, кули, бочонки, и получал самые неожиданные ответы.

— У нас всё есть, — приговаривал Умурзаков. — Всё, что хочешь. Здесь щётки половые, сапожные гвозди, железные и деревянные. Тут дёготь. Это — цветная бумага, алюминиевая посуда...

— Что, Оманджол, доволен богатством-то?

— А как же? Соблюдаю в строгости. Приставлен к большому делу. Возьми, депутат, для пробы, брось что-нибудь на весы. Как в книжке, так и тут.

— Славно, славно.

— Э-эй, это ещё не славно! Вот где славно! — прищёлкнул языком кладовщик, отпирая дверь в следующее помещение.

— Хомуты! — изумился Китаев.

Хомуты висели по стенкам, громоздились штабелями, торчали из тюков, увязанных рогожей.

— А вот уздечки, не простые, с бляшками. Бунты верёвки для вожжей... Шлеи, сёдла, кнуты!..

— Пойдём, Оманджол, посмотрим в книжки.

— Проверь? Пожалуйста. Всё в целости. С десяток хомутов погрызли крысы, так я завёл кошку. Гляжу, слежу за добром, как чабан за стадом.

Они вернулись к столу.

— Мы с Иваном Павловичем дивизию кавалерии можем обеспечить, — продолжал горделиво Умурзаков.

Глаза его блестели. Он говорил вдохновенно:

— В пять лет посадил меня отец на байского коня. Тридцать лет я ездил на чужих конях, пас чужие табуны. Потом пришла советская власть и сказала: возьми, Оманджол Муканович, лошадь, возьми ружьё, помоги разбить басмачей... С тех пор я воевал, охотился, пахал землю. Сыновья выросли, поили в кавалерию. Гитлера в Берлине доставать. А у меня силы в ногах уже нет.

Стал работать в шорной мастерской — фронту, кавалерии, сыновьям на подмогу. Ты меня слушаешь, депутат? Вот тут-то я и встретился с Иваном Павловичем Сальским. Взял он меня к себе кладовщиком. Берегу добро, принимаю и отпускаю только по распоряжению начальства. Стараюсь!

— Погоди... Хомуты-то лежат без движения?!

— В войну не лежали... У меня порядок, депутат. Пожалуй-ста, посмотри в книги.

— Эх, Оманджол, плохо говоришь! Басмачей бил, колхоз строил, сыновей на Берлин отправлял. А тут маху даёшь. Хозяйского глаза нет!

— Хозяйство в порядке. Можешь посмотреть в книгах.

— Дались тебе эти книги. Я спрашиваю: зачем столько хомутов, сёдел да уздечек? Почему они лежат на складе котельного завода?

— Не знаю... Сальский всё знает.

— Не думал?

— Начальство...

— Начальство само собой. Лежат вещи. Деньги на них затрачены, мёртвый капитал. Эти деньги могли бы быть пущены в полезное дело. Вы с Сальским взяли да и скупили хомуты, а в колхозах их нехватает.

— О!..

— Выходит, вредная у тебя практика, Умурзаков. Накопил на полмиллиона «неликвидов».

— О! Идём скорее на железный склад!

Кладовщик потащил Китаева в соседний склад.

— Вот, — указывал он, торопливо проходя между штабелями разного металла. — Это дорогая сталь. Лежат. Это рифлёное железо. Лежит. Это гофрированные трубы...

— Стой. Почему же лежат? Как они сюда попали?

— Сальский запасал. На соседний завод шли, в обмен. Эта сталь — большой дефицит. За неё он что хочешь мог выменять.

— А теперь?

— Не идёт.

— Почему?

— Там старого начальника снабжения сняли...

— Смотрю я на тебя, Оманджол... Где у тебя голова? Сердце где?

— Ой, депутат, Василий Васильевич! Научи!.. Научи, что мне делать?!

VIII.

Широков учился у Татьяны Ивановны. Занятия эти вылились в форму консультаций и бесед по самым различным отраслям знания. Он с жадностью читал книги по сварке, а они требовали серьёзного знакомства с основами физики, электротехники, металлообработки.

Раньше Широков старался найти наилучший способ выполнения какой-либо сварочной операции только опытом, сноровкой. Постепенно он стал подходить к своей работе с позиций техники. Он теперь понимал, почему одна операция выходит хорошо, а другая вовсе не удаётся. Элемент случайности исчезал из его работы. Иногда он испытывал такое ощущение, будто вышел с узких тропинок на прямую широкую дорогу.

В жизнь юноша вошёл через войну. Но началом своей большой жизни Василий справедливо считал приход в котельный цех.

В этом цехе он стал коммунистом.

Когда Широкова назначили бригадиром сварщиков, он воспринял это не только как повышение, но и как большое доверие, возлагающее на него новые, более сложные обязанности.

В руках у людей — сложная техника. Бригадир обязан быть их руководителем.

Сегодня после работы комсомольская бригада собралась в кабинет технической учёбы. Сюда пришла и крановщица Голубкова.

На таких беседах обсуждались злободневные вопросы работы и жизни бригады, участка, цеха. Разговоры порой касались и быта, и прочитанных книг, новых кинофильмов.

Широков вёл речь о браке.

В сварочном деле качество имеет особенное значение. Его трудно контролировать. В металлообрабатывающих цехах брак обнаруживается сравнительно просто — внешним осмотром и измерением деталей. Прочность сварочного шва в значительной мере определяется умением, вниманием, добросовестностью сварщика. В наплавленном металле могут остаться непровары.

Один большой элемент опромного, состоящего из десятков тысяч деталей котельного агрегата может повести к аварии на электростанции.

— Ты это понимаешь? — обратился он к Петру Ерохину.

У Петра полное, круглое лицо. От висков вдоль щёк и на подбородке жёсткая рыжеватая щетина.

— Почему не бреешься? — резко спросил бригадир.

Ерохин молчал, мял в руках серую, в больших клетках, кепку. Телогрейка на нём была в маслянистых пятнах, без пуговиц, нараспашку.

Его окружили комсомольцы. В бригаде младшему — за двадцать, а самому старшему, Широкову, почти двадцать четыре. Ребята как на подбор.

Сварщик — основная фигура в котлостроении. На заводе уважали и ценили сварщиков. Даже у девушек они пользовались особым успехом — положительные, самостоятельные люди.

Нина Голубкова часто бывала в их кругу. Она много наблюдала за сваркой и сама пробовала варить, если позволяли.

— Ты слово давал?

— Обязательство подписывал?

— Держи слово!

Упрёки сыпались Ерохину ото всех комсомольцев.

— Мы все вместе дали обязательство, — повысил голос Шяроков. — И бригада и весь цех. Это наше общее, коллективное слово. Такое слово дороже, крепче всякого другого. И вдруг в комсомольской бригаде отличного качества — брак! Да ещё в такой момент, когда каждая деталь на учёте! Вы как хотите, а я буду просить администрацию выделить Петра Ерохина из бригады отличного качества, потому что без контроля приёмщиков он обходиться не может. Не дорос!

Нина поняла: недаром на фронте Василий очень скоро стал младшим командиром.

— Швы трудные, — буркнул Пётр, вынимая руки из карманов, как солдат перед командиром.

— А ты помощи просил? Думал — так, мол, сойдёт. Всё равно технический контроль не проверяет. Проскочит, мол! Злоупотребил доверием. Товарищи, Ерохин сегодня совершил преступление.

В наступившей тишине слышалось частое, порывистое дыхание Ерохина, точно он только что пробежал стометровку.

— Трудные швы! — снова зазвенел металлом голос бригадира. — Куда же ты, дипломированный сварщик, годишься, если не можешь варить по первому классу? Что же тебе остаётся: паять кастрюли, вёдра, чайники?!

Это была тяжёлая обида. Когда над сварщиками хотели посмеяться, их называли «паяльщиками». Такая кличка воспринималась как оскорбление.

— Давай варить, — приказал Василий.

Кабинет технической учёбы оборудован всем необходимым для сварки. Его часто называют просто сварочным кабинетом.

Надо точно установить два конца толстостенной стальной трубы, закрепить в нужном положении с помощью специального приспособления.

— Не торопись. Видишь — перекос, — поправлял бригадир. — Торопливо не бывает скоро.

Между прутком — электродом и свариваемыми деталями возникает электрическая дуга высокой температуры. Она плавит металл электрода. Так делается электросваркой шов по методу Славянова.

— Стоп! Неравномерно ведёшь электрод, — рывками. Получается корявый наплавленный слой. Гляди, справа непровар. Кто из вас покажет Ерохину, как надо варить большие трубы?..

Шяроков обернулся. Он был недоволен, явно не в духе.

— Голубкова!

Нина встрепенулась. Неужели?..

— Покажи Петру.

У девушки от волнения пересохло в горле. Почему он именно ей предложил? Хочет оскандалить её перед комсомольцами? Или уколоть Петра: крановщица, мол, учит?

Всё равно! Она не спасует. Рано или поздно, она должна стать настоящей электросварщицей.

Приятный знакомый треск. Искры веерами летят из-под электрода. Через тёмное стекло она отлично видит его раскалённый конец. Ровнее вести! От этого зависит качество. Главное, строго выдерживать нужную скорость. Поспешешь — получится неровный, рваный шов. Промедлишь — перегреешь, пережжешь основной металл.

— Тверже руку, — сказал ей Широков. — Смелее!

Нина ничего не замечала, кроме электрода и шва, ничего не слышала, кроме дыхания Василия над ухом.

— Стоп!

Девушка выпрямилась, потупила глаза, ожидая приговора.

Вокруг прошёл одобрителный шопот, но Широков ничего не сказал и снова заставил варить Ерохина.

— Количество всегда вместе с качеством, — учил бригадир Петра. — Почему ты еле-еле вытягиваешь сто процентов? Без души работаешь, без понимания. Попробуй варить внимательнее, аккуратнее. Надо всё делать хорошо, а это, в конце концов, будет и много! Когда Алексей Кузьмич верстал повышенную программу, ты думаешь, он на твои сто процентов рассчитывал? — Не-ет, так мы с тобой и в два месяца котлы не выпустим... Вдобавок, снабженцы нас выбили из графика. Сейчас нужный металл есть. Захаров всю коммерческую часть поставил на ноги. От нас теперь полностью зависит: выдадим два котла пятнадцатого или нет.

Тем временем в дверь заглянул проходивший мимо Китаев. Постоял, послушал, улыбнулся в серебряные усы: «Золотая молодёжь, иначе не скажешь».

IX.

Близился вечер.

Кран работал у ворот, в которые выдаётся готовая продукция. Кран догружал на железнодорожные платформы последние узлы и детали котлов.

Никулин стоял у платформы и подавал команды жестами. Нина ловила его команды — она завершала выпуск двух котлов, производила последнюю операцию — отгрузку из цеха.

Всё в ней играло и пело. Свою радость она вкладывала в дело: работала быстро, точно, чётко.

В последние дни она потрудилась от души. Горячие выпали денёчки. Запоздывания с обеспечением цеха металлом чуть не сгубили план, чуть не сорвали выполнение обязательства. Вторая неделя февраля выдалась напряжённой до предела.

Девушка чувствовала себя усталой той удивительной усталостью, которая наполняет сердце гордостью: выполнили!

После обеда над воротами был поднят щит: «Сегодня лучше всех в цехе работала краповщица Нина Владимировна Голубко».

ва». Вот он висит перед глазами: «...лучше всех... Нина Владимировна»...

Это самая большая похвала в её жизни. «Лучше всех в цехе» — так сказали о ней Никулин и Китаев.

Сегодня она придёт домой и расскажет матери. А мать у неё — стахановка-ткачиха, известная не только в городе, но и за его пределами. Сколько будет радости!

Платформы поплыли из цеха медленно, торжественно.

Нина уселась поудобнее и погнала край в другой конец, к месту его постоянной стоянки.

По пути она заметила, что рабочие поспешно направляются к трибуне, наскоро устроенной возле конторы начальника цеха.

«Митинг будет!» — подумала она, развивая предельную скорость.

Низом, цехом она летела стрелой.

Народ полукольцом сгрудился вокруг трибуны. Девушка вежливо, но настойчиво полезла в первый ряд.

Как раз во-время!

На трибуну взошли секретарь парткома Захаров, директор завода, председатель завкома, Китаев и... кто же он? Знакомый. Она видывала его на заводе, на Центральной площади в Октябрьский праздник. Он приветствовал: «Ура котлостроителям!»

Захаров негромко, но внятно сказал:

— Слово имеет секретарь городского комитета нашей партии...

Секретарь был сед так же, как Китаев, но, видимо, гораздо моложе его.

Такой знакомый, точно она видела его сотни раз вот так, как сейчас, почти что рядом. Он ступил к самому краю трибуны. И голос секретаря знакомый, задушевный.

Секретарь горкома заговорил так, словно это был не митинг, а беседа вдвоём, задушевный разговор с глазу на глаз.

Нина оглянулась по сторонам. Слева от неё, плечо в плечо, стоит Вася Широков, а за ним — Татьяна Ивановна.

Хорошо говорит секретарь горкома. Дороги сердцу его простые, ясные слова о работниках нашей промышленности, об инженерах и стахановцах, строящих коммунизм, о котлостроителях — сибиряках.

— Товарищ Никулин! — позвал оратор.

Несколько рук осторожно, ласково подтолкнули начальника цеха на импровизированную трибуну.

— Городской комитет партии поручил мне поблагодарить вас, товарищ Никулин.

Аплодисменты ударили и смолкли. Народ не хотел пропустить ни одного слова.

Крепкое рукопожатие.

— Спасибо... — вымолвил инженер.

— Благодарю вас, Алексей Кузьмич, за внедрение передовых методов производства в котлостроении.

— Наш долг, — ответил начальник цеха, окидывая взглядом людей, приглашая их разделить с ним благодарность партии за труд.

Потом секретарь горкома благодарил весь коллектив цеха назвал его стахановским коллективом.

Наконец он отметил лучших из лучших...

— Старшего технолога Дрозд, мастера Китаева, мастера...

Когда Нина услышала: «Бригадира сварщиков Широкова», она обернулась к соседу, протянула руку: — «Поздравляю!».

Он сжал её пальцы в своей ладони до боли, торжественный, как именинник.

— ...Крановщицу Голубкову...

Они пропустили несколько фамилий, а эту услышали.

Румянец у Нины запылал во всю щёку.

— Нина, Нина! — шептал Широков.

Девушка вздрогнула, повернулась, ощущая, как бушует в ней радость, растёт надежда на счастье.

— Поздравляю тебя! — сказал Василий, стискивая её ладонь обеими руками.

Она судорожно сжала пальцы и заглянула в его глаза... в светлосерые с голубоватыми оттенком.

И вдруг ей стало ясно: он понимает! Он знает! Он...

Нина Голубкова стояла плечом к плечу с Широковым, не чувствуя земли под ногами.

Говорили Китаев, Богатых, Камышов и другие. Говорил томский профессор.

— Я прошу слова! — громко, смело сказала Нина и легко, по-девичьи упруго взбежала на трибуну.

— Товарищи! Все тут выступали от имени участков и бригад. А я крановщица. Без бригады, одна работаю. Или, вернее, вдвоём со своим краном... Но я не хочу одна. Я теперь буду работать так, чтобы каждая бригада считала меня своим членом...

Оглушительный треск аплодисментов взметнулся в цехе с такой силой, что у девушки вылетели из головы все громкие фразы, которые она готовилась сказать с трибуны.

— А ещё я обязуюсь приобрести специальность сварщицы.

Она больше ничего не успела сказать, потому что её слова снова потонули в аплодисментах.

Митинг окончен. Нину задержал секретарь горкома.

— Простите. Вы не родственница Авдотьи Ивановны Голубковой?

— Дочь, — ответила Нина, взглянув в глаза секретаря. Он напомнил ей отца в тот день сурового сорок первого года, когда он ушёл защищать Москву и уже больше не вернулся.

— Я так и знал. Знатная у вас семья, Нина Владимировна! Наверное, он угадал её мысли.

...Никуляя стоял возле машины и улыбался. Люди с весёлым разговором выходили из цеха. Победители.

И вспомнился ему жаркий полдень — далеко, в чужом краю, под чужим небом, три с половиной года назад. Солдаты шли в заношенных гимнастёрках, с чёрными от пота пятнами на спинах, с автоматами на груди. Шли торжественным маршем. Победители!

К нему подошёл корреспондент газеты и в упор щёлкнул лейкой. Полдня он пытался заснять начальника цеха с улыбкой на лице. Ничего не выходило. Сейчас он ухватил нужный момент.

— Алексей Кузьмич, — сказал он тоном извинения, — прошу вас...

— Хорошо, — сразу согласился Никулин, — идёте.

В конторку вслед за ними пришли главный инженер, Дрозд, Камышов, Китаев, Татьяна Ивановна.

Никулин отвечал на вопросы коротко, чётко.

Корреспондент стремительно писал одному ему понятными нероглифами, как стенограф.

Иногда начальник цеха указывал глазами на главного конструктора завода, и Камышов давал нужные пояснения.

То и дело в разговор вмешивался Дрозд, поспешно и категорически делая выводы, словно только он один мог дать исчерпывающее заключение. Корреспондент поглядывал на него вежливо, но строго.

— Вы должны сделать богатейший очерк! — патетически воскликнул Дрозд.

-- Попытаюсь, попытаюсь.

— У меня просьба.. — сказал Никулин и помедлил, собирая мысли. — Если вы будете писать о нас, производственниках, не забывайте технику. Не стесняйтесь вводить её в свои очерки и рассказы. Техника настолько широко и прочно вошла в нашу жизнь, в наш быт, что без неё мы — ни шагу. Никакой опасности, что вас не поймут. Посмотрите на наших читателей, это образованные, любящие технику люди... Колхозники обязательно исуют на пшеничном или на хлопковом поле, в саду, на бахче, на огороде. И нас, производственников, нельзя отрывать от техники, от технологии. Потому что для нас всё это такая же радость, как для колхозника дружные всходы хлебов!

— Ваш очерк должен звучать одой! -- перебил Дрозд.

— Матвей Семенович, — взял его за руку главный инженер. — Мы сегодня на празднике у Никулина. Славный цех, замечательный народ: Я вот прикинул, с Захаровым посоветовался, директора поставил в известность. Вы, мне думается, скучаете. Оторвались от настоящего дела. Потеряли вкус к творческой инженерной работе... Мне представляется, что для вас было бы чрезвычайно полезно поработать в котельном цехе, а? По-настоящему поработать, засучив рукава!

— А директор? — быстро спросил Дрозд, вскидывая глаза.

— Директор согласен.

— Куда же Никулина?

Все молчали. Корреспондент перестал писать.

— Нет, вы не точно меня поняли. Мы вам предлагаем должность мастера на слесарно-сборочном участке... Работать в нашем котельном — это же честь, счастье! Вы инженер-механик, не к лицу вам терять такую великолепную специальность. Сборочный — один из самых ответственных участков. Вам помогут.

Татьяна Ивановна стояла молча, крепко сложив руки на груди. Она в упор смотрела на мужа: «Соглашайся! Соглашайся, Матвей!»

Электронная библиотека АКУНБ, elib.akunb.ru

ОБЯЗАТЕЛЬНО К НАМ ПРИЕЗЖАЙ

Написали девчата солдату:
— Вот прошли твоей службы года.
Говорят, что ты едешь куда-то,
Только будто не выбрал куда.

Коль мечта у тебя золотая —
Небывалый собрать урожай,
На степные просторы Алтая
Обязательно к нам приезжай.

В необъятной степи
Труд колхозный кипит, —
Это наш замечательный край.
Дорог нам каждый час,
Дел немало у нас —
Ты любое из них выбирай.

Ты станочник в работе упорный, —
На Алтае нужны мастера.
Будешь строить котлы и моторы,
Выпускать для страны трактора.

Ты строитель, умелый и стойкий, —
Что ж, берись за работу смелей!
Вырастают у нас новостройки
В каждом городе, в каждом селе.

Новостроек леса
Поднялись в небеса, —
Это наш замечательный край.
Дорог нам каждый час,
Дел немало у нас, —
Ты любое из них выбирай.

Если ты садовод терпеливый, —
Каждый будет товарищу рад.
Мы весь край превращаем в счастливый,
Молодой, расцветающий сад.
Может быть, ты геолог бывалый, —
Что ж, давно на разведку пора.
Самоцветы, хрусталь и металлы
Ты отыщешь в Алтайских горах.

Богатырски могуч,
Горный кряж выше туч, —
Это наш замечательный край,
Дорог нам каждый час,
Дел немало у нас —
Ты любое из них выбирай.

*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Э л и т а

(Рассказ)

В ту осень, как уйти Андрею Карпычу с паузка, стукнуло ему семьдесят. Но был он ещё крепкий с виду, хоть старость и карёжила могучие когда-то плечи, ломала походку, вдавливала широкую грудь. Кряхтел Карпыч, но скрывал от людей подступившую слабость. На крутой берег Катунь он всходил попрежнему без оглядки и роздыха, только внимательно прислушивался к учащённому биению сердца.

Может, перед ненастьем?.. *

— Э, что тут хитрить, Карпыч... Ведь на восьмой десяток пошло.

Вот и сегодня... На крутояре почувствовал он, как мелко, мелко задрожали колени, и перед глазами замельтешила красная мошкара. «А ну, как сверзнешься оземь? — дохнула холодом внезапная мысль. — А ну, как растянешься на виду у всех?»

Карпыч резко повернулся к реке и, стараясь успокоить дрожащие ноги, поочерёдно шаркнул ими по траве.

Внизу пламенели кусты осинника и краснотала.

Осень была тихая, погожая. Катунь, обнажаясь перекатами, отошла от берегов. В такую воду налим под камень прёт — руками бери.

В такую воду три года назад переправил Андрей Карпыч своего сына к тракту.

Пашка шёл с ним кустами облепихи и черёмухи, задумчиво глядел по сторонам и тихо говорил:

— Мы не пропадём, батя. Доведётся тебе же на своём паузке перевозить нас. С победой придём. А ежели что...

Пашка солидно кашлял в кулак и встряхивал плечами, подбрасывая мешок с дорожной снедью.

— Всяко ведь может быть.

Старик смотрел на вихрастый затылок сына. «И как же скоро крепчает человек! — думал он. — А давно ли вместе на рыбалку... Бывало, не добудишься — февря ревьёт».

— Ты слышь, батя, — Пашка оборачивался и, сломав былинку, задумчиво клал её на зуб. — Чтоб элитку нашу не извести. Чтоб сорт не потерять.

И вот сколько уже времени ушло, а звено блюло пашкин на-каз. Колос к колосу наливалась элита. А ведь по зёрнышку собрал её Пашка. На огороде выхаживал. Сколько тревог было у парнишки! Сколько забот! Выходил и колхозу предложил. Первый раз тогда на общем собрании при всем народе его мичуринцем назвали. Сколько было в этом слове радости и гордости для всей семьи.

Взволнованный нахлынувшим воспоминанием, Карпыч смотрел с высокого берега на быстроструйную реку, и солнце глядело на него с её глубин. И было оно светлое и негасимое, как это хорошее воспоминание.

— Пришёл бы скорее. Что-то из головы стал не выходить, — вздохнул старик и закашлялся. Никогда таким разбитым не чувствовал себя Карпыч.

А случилось вот что. Встретил он у сушилки Марийку Лукину. Она в одном звене с Пашкой была, на семенном.

— Ты почему здесь? — удивился он.

Марийка отвернулась, и он увидел, как затряслись её худенькие плечи. У Карпыча заняло сердце.

— Сказывай!

— Сушим вот. Видишь, поджариваем!

— Ну и что же? Мокро, значит, и надо.

— Надо... Знаю, что надо. А что поджариваем-то! — Она дёрнулась вперёд и схватила с пола горсть пшеницы. — Элиту, ведь сушям! Э-э-ли-иту!

Марийка, уткнувшись в подол, заревела в голос. — Чтоб он сдох, проклятый немец! Вражина!

Старика качнуло к стене.

— Это что же выходит? Столько лет, слышь? Не тронь! Вон отсюда!

Девушка вскочила.

— Я хоть сейчас, Карпыч, да уполномоченный из района...

— Так ведь ты. Где совесть твоя?

— Я знаю. Я понимаю всё-всё! Ведь с Пашкой ещё в школе в мичуринском кружке мечтали. Я вот... смотри!..

Марийка бросилась за печь и подняла половицу. — Тут. Я сюда. С пуд будет.

Она закрыла рот ладонью и испуганно посмотрела на старика, потом быстро извлекла толстый, из половика, старый мешок, наполненный на четверть зерном.

— Пусть я ответе буду. На, Карпыч, неси, прятать!

Лицо девушки горело. Глаза блестели решимостью. Она ухватила старика за рукав и жарко задышала ему в лицо:

— Ведь придёт время, придёт же, когда снова разводиться будем? Иди, или, Карпыч!

Она вытолкнула его за дверь, а сама бросилась к печке шуровать солому.

Домой в тот вечер Карпыч пришёл поздно. Он дождался, когда старуха ушла на молоканку, взял топор, сколотил небольшой ящик, сыпал в него пшеницу. Потом открыл голбец и поставил ящик туда.

Не уснул в ту ночь старик. Сквозь дрему слышался ему могучий шелест доброй пшеницы, виделись грустные, с укором, глаза сына. И закрученный вихорком затылок его белобрысый встал перед ним — отвернулся Пашка от него.

Едва занялась утренняя заря, старик пошёл к реке и весь день на паузке возил дрова. Дрова были на острове. Их готовили летом для своей школы сами детишки, предводительствуемые учительницами. Весь день был молчалив и суров старик. Хорошо ли они с Марийкой сделали, что припрятали целый пуд зерна?.. А, может, сейчас нет дорожки для государства этого пуда? От кого спрятали-то?..

А что ежели не одна Марийка пошла на этакое дело? От этих мыслей бросало старика в жар и холод.

...Ночью переплыл Карпыч Катунь, привязал лодку к кустам, и напрямик, по полю, через колдобины и буераки, направился в районный центр. За плечами его была приторочена сумка.

Уже пели вторые петухи, когда Карпыч остановился около большого, наполовину кирпичного, двухэтажного здания. Наверху горел ещё огонь.

«Работает», — подумал Карпыч и нерешительно вошёл в ограду.

Через минуту он сидел в уютном, светлом кабинете. На столе перед секретарём стояла «молния». Стекло лампы снизу было подклеено пожелтевшей бумагой. Секретарь с кем-то разговаривал по телефону и сидел к Карпычу боком.

«Эх, как передёрнуло мужика, — подумал Карпыч, глядя в осунувшийся профиль секретаря. — Поди и про еду забывает».

Секретарь нервничал и в чём-то убеждал своего собеседника. Наконец, он бросил трубку и, не глядя на посетителя, стал скручивать папироску. И только когда наклонился над «молнией», спросил:

— Ты что? Откуда ты, отец?

В голосе его чувствовалась усталость. «Заработался» — подумал старик и шагнул вперёд, обходя ковёр.

— Фёдор Семёнович, это я, Карпыч, с Горного.

— А-а... Здравствуй, Карпыч. Ну, рассказывай. О сыне ничего не слышал?

Карпыч привстал, тревожно блеснули его глаза. Секретарь забеспокоился. Это хорошо различил Карпыч, но уже в следующее мгновение секретарь глубоко затынулся, не выдержал крепости табака — закашлялся. Он кашлял долго, до слёз.

— Ну и табачок! Ну и крепок! Ух-х! Сиди, сиди! Ух-х! Злющ, как дьявол! — Он отдышался. — Так, говоришь, ничего нет? Ни слуху, ни духу?

— Скажи, Семёныч, если что слышал! Не томи! Вот уже, почти-тай, год без вести!

— У меня ничего нет, Карпыч. А ты не теряйся, не паникуй. Может, находится Павел в таком месте, откуда до полной разгромы врага не сообщит ни слова. Бывает.

«Жив! — трепыхнулось сердце. — Жив! Жив!» Отчего это? Он и сам толком не мог бы объяснить, но так ему вдруг сделалось тепло от слов секретаря, что он уже не сомневался в том, что ушёл Папка от смерти. Хотя ничего и не сказал ему определённого секретарь, только обнадежил.

— А я к тебе, Фёдор Семёнович! Двое суток казнился.

— Что так?

— Как хочешь суди, — украл пшеницу.

— То-есть как это?.. Ты н... украл?

— Вот она. Вся тут. Смотри — золотая. Небывалая.

— Не понимаю. Говори толком. Украл и — ко мне?..

— Поясню всё, Фёдор Семёнович. Эту пшеничку твой районный уполномоченный заставил поджаривать на сушилке и сдавать, как продуктивную. Одним махом шарушился пашкин участок. Элитное зерно пошло. А сколько лет растили её, эту элиту! Сколько трудов положили!

— Как? Кто?

Секретарь вспылил, схватился за телефон и вызвал «Горный большевик». Долго там разыскивали уполномоченного.

— Ну и как же ты решил посягнуть? — улыбнулся Фёдор Семёнович, держа в руке трубку.

— Посягнул, Фёдор Семёнович. И как же не посягнуть? Ведь кончится война. Разобьют немца, его ведь испокон веков русские-то били. Вернутся домой парни с победой. Что они скажут нам?

— Как же он там додумался до такой вещи, чтоб элиту, да ещё такой сорт, — сдать в продуктивную?

— Всё проценты мучают, Фёдор Семёнович. Скорей хочется перед другими выскочить. Её, конечно, долго не надо подрабатывать, подсушил и на ветрогон. Вот и всё. А что после — там для него хоть трава не расти.

В трубке затрещало. Секретарь поморщился и тихо спросил:

— Это Кувшинкин? Товарищ Кувшинкин, немедленно выезжайте в райком. Дайте распоряжение, чтоб прекратили сдачу элитного зерна. Ясно? Всё. Выполняйте.

Утром переправился Карпыч через Катунь. До берега подвёз его на своём коне секретарь.

Старик глянул на лежащий у ног мешок с пашкиной пшеницей и ухмыльнулся в бороду:

— Небось, мичуринская, не такая, чтоб сразу согнуть.

К берегу бежала Марийка-Искроглазая, запыхавшаяся, она как подбежала, так и ухватилась за мешок.

— А я вас ищу, с ног сбилась!.. Всё в порядке! Настругали тому уполномоченному, и предам тоже. Пойду сейчас и открыто при всех бухну в сусек этот пуд.

Старик слушал её жаркую, быструю скороговорку и озорно блестя глазами.

— А ну, как накажут?

— Не накажут!

Марийка шла с мешком на плече и тихо смеялась?

— Да она же первые мне спасибо скажут, что такой сорт спастись взялась!

У конторы Карпыча остановил председатель. Паршин привязывал коня к плетню и, скрипя своей деревянной ногой, громко, даже, как показалось старику, черезчур громко, приветствовал его.

— Мне с тобой поговорить, Карпыч... — И глядя куда-то в сторону, озабоченно добавил: — Никак стоит комбайн?

Карпыч пристально посмотрел на председателя. От него не укрылась нарочитая его озабоченность. Показалась подозрительной и торопливость, с какой тот перевёл разговор на комбайн. Он кашлянул и молча пошёл за председателем в контору. Здесь Андрей Карпыч придвинулся к столу настороженный, подобранный.

— Решили мы, Андрей Карпыч, — начал председатель, — решили дать отдохнуть тебе.

— Отдохнуть? — не понял Карпыч, и обида колыхнулась в груди. — Это что же, выходит, отставка?

— Что ты, Андрей Карпыч! Какая отставка! Просто — тяжело тебе на паузе. Отдохнул бы. Потом полегче дадим работу. Возле дома можно... По хозяйству.

«С чего бы это такое? — подумал старик. — Или про пуд дошло?»

— Не пойму я тебя что-то, — недоуменно спросил Карпыч.

— Нам нет интереса, чтоб ты пластом лёг. Ведь прихварываешь.

«Пуд! — упало на сердце у старика. — Ну, так бы и сказал. Вот возьму и рубану напрямки — какой ты есть хозяин, ежели вперёд не видишь? Нет, мы ещё посмотрим, за кого государство вступится! Разве не сказал Фёдор Семёнович: — Чем только думают люди?»

— Тебе большая работа впереди, Андрей Карпыч, — продолжал Паршин. — Мы тут сгоряча чуть не сгупили с семенной-то пшеничкой. Не слыхал? Вот. А тебе сил надо поднакопить для большого дела.

Старик недоверчиво ловил ускользавший взгляд председателя. На минуту перед ним встали блестящие перекаты, дрожащие струйки воды под веслом, тихая рябь заводей, и ему стало тяжело. Пашку с товарищами, значит, другой будет перевозить? А хлеб? Видно, не доверяют хлеб-то. Быстро надо.

— Хлеб будем на пароме плавить, — как бы угадывая её мысли, сказал председатель. — Ни секунды не дадим хлебу лежать. Война.

— Что же. Ладно. Поговорю с домашними.

И Карпыч вышел из конторы.

У калитки он остановился. Из дому слышался тяжёлый бабий плач. Влетел Андрей Карпыч в сенцы, головой ударился о притолоку, рванулся в дверь. В комнате сидели соседки с олухшими глазами, старуха Аксинья с растрёпанными волосами билась в рыданиях.

— Ох!.. Отец! Горе!.. горе!

— Стой! — захрипел старик и схватил дрожащими руками её за плечи. — Стой! Ты что? Замолчи! Не моги! Не смей думать!

Карпыч тихо опустился на скамью, снял шапку. Затем он медленно шагнул в горенку. Со стены смотрел на него далёким весёлым взглядом Пашка. Высокая фуражка с лакированным козырьком, а из-под фуражки около ушей белые колечки волос.

— Ах, Пашка, Пашка. Как же ты, сынок, а? Вот к чему слова твои, товарищ председатель.

* * *

Вечером Андрей Карпыч направился в контору.

— Ошибку поймел ты, Трофим Петрович, — сказал он председателю. — Не так наше горе понял. В такую пору да нос в подушку? Нет, ты не обижай меня, не гони с работы!..

— Андрей Карпыч! — вскочил председатель, засияв глазами. — Да разве мы... разве...

— Только с паузка... с паузка... — старик посмотрел поверх головы председателя. — С него уволь. Тяжело — это правда. Теперь будет тяжело. — Он отвернулся и, не протрившись, вышел на улицу.

Несколько дней ходил Карпыч точно после затяжной болезни.

Сумрачный и молчаливый, он пробовал уходить с удочками к заводям, но вскоре возвращался. Не мог он оставаться один на один со своими думами.

Однажды увидел он, как пятилетняя девочка Марфы Глуховой огромными граблями зачищала за матерью полосу. Маленькими нежными ручонками она собирала накопившиеся меж зубьев колосья и тащила в кучу.

Карпыч постоял минуту у юной труженицы. Он поднял девочку и заглянул в её детские глаза.

— Кто тебя научил, внучка?

Девочка молчала, испуганно глядя на старика. Да он ничуть, кажется, и не страшный, и глаза добрые у него. Может и тятюшка её такой же смешной! Девочка улыбнулась.

— Я до тятки трудодни зарабатываю!

— Да ну? Ишь ты, скажи, какая работница!

Карпыч одустил на жнивье девочку, погладил её по голове и пошёл напрямик через широкую полосу к бригадному стану, куда только что прибыл верхом Паршин.

Запахавшись и хрипло дыша, Карпыч остановился на току. Он снял шапку и, блестя лысиной, натруженным головом сказал, укладывая рукой на поле.

— Тут, Фёдор Семёнович, моё место. Нет у меня больше ни дел, ни заботы, кроме её, кроме элиты нашей.

II.

Шло время. Заносило поля снегами. Бурными потоками спадали в долины вёсны. Колосились и спели хлеба. Карпыч дневал и ночевал в поле.

— Хлеб, — шептал он, держа на сухой, потрескавшейся ладони крупные, налитые зёрна. — Хлебушко...

Два года уже ведёт семенное хозяйство Карпыч. Чёрную бороду его снизу как будто обдало инеем. Глаза ушли ещё больше вглубь. Но не сдавался старик попрежнему.

Только ночами иногда видел сторож Трофим, как выская фигура в сопровождении большой лохматой собаки проходила огородами к реке. Садился старик и часами маячил у Катуня.

Лето сорок шестого года стояло ненастное. Ещё не успели закончить сев — на целые недели зарядили дожди. Вдулись ручьи. Потемнела Катунь, вздыбилась мутной волной. В редкие солнечные дни испариной дышала сомлевшая земля. Тяжёлым колосом наливались хлеба. Потом снова находили из-за гор дождевые тучи, снова лил дождь. С тоской провожали люди горевшие закаты, и в часы затишья кидались всем колхозом в поле.

Почернел от заботы Андрей Карпыч. С болью в сердце проходил он тучными хлебами, холодея от мысли, что может погибнуть такой урожай. Шли тревожные вести. На юге, на Украине, земля потрескалась от жары. Весть прошла, будто сам Иосиф Виссарионович спрашивал:

— Как же вы, товарищи сибиряки, — управитесь? На вас надежда большая нынче...

И, оглядывая хлеба, Карпыч уверенно отвечал: — Управимся! Управимся, товарищ Сталин!

Вот поговорит так Карпыч с товарищем Сталиным один на один в поле — и растёт в нём вера в победу. Не помнит Карпыч таких хлебов на своём долгом веку. Как же этому хлебу дать погибнуть?

В дождь убирали сено. Развешивали на вешала, на деревьях. Строили стажера. Полосы ржи и овса скручивала буря, ломая сочную дудку, свивая в жгут. Только массивы выведенной ещё Пашкой пшеницы упруго сдерживали порывы ветра.

От мала до велика выходили люди в поле; росли крытые тока; задымила сушилка; увязая в грязи, подходили к станам парные брячки.

— Что б мы одни, кабы не сообща, всем обществом? — думал старик. — Сильна стихия, но народ сильней.

Погожие дни попрежнему стояли вперемежку с проливными дождями. Кое-где снопы стали прорастать. Однажды на одном из токов люди скучились у молотилки, разочарованно перетряхивая солому. Андрей Карпыч подошёл к молотильному звену.

— Забивает, — развёл руками машинист.

Карпыч сердито поспеел в усы, поднял тяжёлый сноп, расправил его по горсти и вдруг резким движением полоснул серпом чуть пониже колосьев.

— Становись сюда, которые посильнее! Режь так! Запускай машину!

Загудел барабан. Карпыч пропустил несколько высоко срезанных снопов и уступил место машинисту.

— На Сибирь надейся, товарищ Сталин! Сибирь не подведёт! — прощептал старик.

* * *

Разбушевавшаяся Катунь нередко задерживала паром. Иногда часами стояли обозы. Сумрачные и злые ходили у брычек возчики.

— Скажи ты, как нарочно! Не пускает, и хоть ты что!

Раздосадованный вынужденными задержками, прискакал в поле на взмыленном коне председатель.

— Завалим план, товарищи. Когда это «Горный большевик» не во время хлеб сдавал? Надо искать выход.

Вспомнили о своём паузке. Решили перебрасывать хлеб в двух направлениях, и на паузке переправлять не менее шестидесяти центнеров в сутки. Поручили это Фёдору Горюнову, который не раз в детстве гонял лодку с дедом Карпычем.

...От берега только что отвалила гружёная мешками большая лодка. Старик стоял на берегу. Легко бежал блок по стальному проводу. Сильно загруженный паузок глубоко сидел в воде.

— Федька! — кричал Карпыч. — Держи вразрез, не давай заходить! Слышь? Перевернёт!

Молодой сильный парень свободно и легко правил веслом.

— Не бойся, Карпыч, не бойся!

— Хлеб ведь! Хлеб! Хлеб везёшь, не хворост!

Ночью по реке пошёл лес. Бешено кружась, неслись разорванные на порогах, скользкие брёвна. Разбитые где-то вверх, плоты запрудили реку. Брёвна звенели, сиббаясь друг с другом. Федька на зорьке успел проскочить с пустым паузком и ждал, когда эчитится река. Нагруженный доверху, паузок покачивался на волчах, прикрученный за большой камень.

Федька стоял с багром и отпихивал крутившиеся брёвна, напившие с хода протаранить паузок. Взошло солнце. Возчики успели обернуться второй раз, а Федька всё стоял с багром и, громко воз-

муцающаяся, воевал с брёвнами. Но вот, кажется, просветлела река. Он отвязал верёвку и взялся за весло.

На берегу выросла высокая фигура Карпыча. Он приставил ладонь к глазам и тревожно смотрел на изгиб реки. Оттуда, ласкаясь на солнце содранными боками, неслись несколько связанных лесин.

— Стой! Стой! — закричал Карпыч, и тяжело дыша, побежал вниз.

Но Фёдка уже стоял на корме. Паузок стал отваливаться. Карпыч схватил багор и с камня прыгнул в лодку. Она закачалась, наклонилась на один бок и тут же выпрямилась, заскользила по воде. Туго натянулся канат.

— Смотри! — Карпыч махнул шестом вперёд.

— Проскочим!

— Проскочило! Держи карман шире! — рассердился старик и поднял багор наизготовку.

Паузок быстро шёл к середине. Но ещё быстрее и стремительней шёл наперерез полуразбитый плот.

Было ясно: если плот достигнет лодку — никакая сила её не спасёт. На берегу собрался народ. Люди со страхом следили за тем, что происходило на реке. Фёдка, поняв только сейчас по-настоящему, какая опасность грозит хлебу, побледнел, весло дрогнуло в его руках, но, взглянув на Карпыча, стоявшего на носу с поднятым багром, на его застывшую, изготовившуюся громадную фигуру, парень успокоился. Слегка покачиваясь в воде, привирывая в лёгкой утренней зыби, быстро неслись тупорылые, с узловатыми лбами, кряжи.

— Фу, черт! — вздохнул Фёдка и прищурил глаза, ожидая удара сбоку. Мелькнул блестящий голый хребёт брёвен. Ещё мгновение... Хряснул, взвизгнул багор. Старик качнулся вперёд.

— Сорвалось!

Кря-аж! — снова чиркнул багор по железу. Карпыч вмахнул руками. Багор просвистел над головой Фёдки.

— Берегись! — крикнул старик сдавленно и прыгнул вперёд.

— Ба-а-а! — хлеснул с правого берега крик.

На одно мгновение метнул Карпыч туда взгляд — в глазах качнулась какая-то фигура в шинели, с вытянутыми к реке руками. Круто развернувшись наотмашь, старик в следующее мгновение с силой оттолкнул паузок, но потеряв равновесие, тут же поскользнулся и, падая в воду, закричал:

— Хлеб! Хлеб доставь!

Разбитый плот задержали в кривуне, на изгибе. Вытащили старика, зажатого брёвнами и, осторожно сняв сапог с раздробленной ноги, долго откачивали его на плаще. Наконец, освободившись от воды, старик глубоко вздохнул и открыл глаза. Над ним склонились незнакомые лица. Особенно этот справа, с такими рубцами и шрамами на лице.

— Не узнаёшь, батя?..

Старик взгляделся, дрогнули его синие губы, хрипло выдавил:

— Ты?

— Хороши твои дороги были? — в полубреду спросил Карпыч. Трепетная жилка на рубце у глаза Павла побагровела.

— Не беспокойся, батя, чистые были дороги. Вот и Фёдор Семёнович подтвердит. Ему я писал одному. И о твоих делах узнал. И о том, что награда тебе вышла большая.

Старик всмотрелся в спутника сына и только сейчас признал секретаря райкома.

— Сын у тебя большой человек, Карпыч, — Герой. Слепым лежал в госпитале после последней операции, — сказал Фёдор Семёнович.

— Два года, — подтвердил Пашка. — А теперь, как видишь, вылечили.

— Спасибо, обрадовал, — старик прослезился. — Давай поцелуемся. И тебя, Фёдор Семёнович, благодарю, под твоим наблюдением рос он с комсомольцев.

— Выздоровливай, Карпыч! Хорошую весть везу я колхоз, — наградили звено ваше. И тебя орденом наградили. Поздравляю!

Карпыч откинулся навзничь и долго смотрел на секретаря. Яркие пятна покрыли его лицо.

— Я же знал. Много раз я беседовал с ним один на один, — тихо сказал Карпыч, ни к кому не обращаясь. — Он знает о каждом из нас, хоть и далеко, а знает. Благодарствую.

Крупная слеза задержалась в его густой бороде. Он вздохнул и вдруг заволновался, поднялся на локте.

— Паузок-то, паузок как?

— Разгрузили. Ты бы повременил, батя, горячиться-то. Не тревожь ногу, разбередишь, — сказал Пашка.

— Ты бы принял его, сынок. Хлеб ведь пошёл. Да какой хлеб! Ты его на пяти гектарах помнишь, а теперь не один район пользуется нашей пшеничкой. А тут такое было. А ты смотри — что это? Щекочет. Да это колосья. Не забыли старика.

Паузок быстро скользил по чистой катунской волне.

На стремнине Карпыч очнулся. Он потянулся к сыну и, тербя воротник его шинели разбухшими, сизоватыми от воды пальца из, чему-то тихо улыбнулся.

— Известие ведь получала ошибочное о тебе. Чуть не свалился, да время не то. Отомстить им, немцам-то, на поле пошёл. А теперь хоть бы и старость.

— Ты об чём, батя? — не понял Пашка.

Старик резко повернул голову и, хлопая длинными, точно приклеенными, с проседью, бровями, сердито крикнул:

— Надо взять себе в понятие, что никогда мы, русские, в побеждённых не хаживали и ходить не будем! Ни-когда!

Гаврик Бубенцов

На последней перемене Гаврик Бубенцов первым выбежал из класса в коридор. Он опрометью бросился к выходу на улицу, чтобы раньше других поспеть к снежной бабе, которую третий день лепил с товарищами у школьного крыльца. В дверях Гаврик налетел на письмоносца — всеми уважаемого в посёлке дедушку Петра Егоровича. Гаврик попятился назад, потом в сторону, виновито моргая глазами.

— Ай-я-яй, — укоризненно качая головой, сказал Пётр Егорович.

— Я нечаянно. Извините, Пётр Егорович, — проговорил Гаврик.

Ему очень хотелось спросить у письмоносца — не принёс ли он сегодня «Пионерской правды», но, подумав, что старик обиделся, не решился обратиться к нему с вопросом.

— Ну, ничего. Это с вашим братом бывает, — улыбнулся письмоносец, довольный тем, что Гаврик извинился.

Гаврик воспрянул духом.

— Пётр Егорович, а «Пионерская» есть сегодня?

— Есть. Только твоя давно уже дома лежит, тебя ждёт — не дожждётся.

— Эх, вот хорошо!

Вместе с подоспевшими товарищами Гаврик выскочил на улицу.

Шёл тихий день последней недели марта. Солнца не было видно, но стояла такая теплынь, что снег сделался мокрым, а на дорогах образовалась слякоть.

Снежная баба — огромная, неуклюжая — стояла с правой стороны крыльца. Она была готова. Но Гаврик и его товарищи всё ещё не бросали работу — они подчищали бабу: кто перочинным ножичком, кто щепкой, кто голой рукой с покрасневшими непослушными пальцами.

Это Гаврик подбил одноклассников лепить снежную бабу весной.

— Зимой все лепят, — говорил он, поблескивая живыми серыми глазами, — а мы давайте весной слепим, да такую, чтобы кругом весь снег потаял, а она всё стояла. Вот интересно будет!

Товарищам пришлось по душе предложение Гаврика, и на первой же перемене они дружно принялись за дело.

— Пока мы в школе — за снежной бабой сами приемотривать будем, а после занятий — сторожиху попросим, — предложил Гаврик.

— Марфа Захаровна согласится. Она хорошая. Я её знаю, — подтвердил Димка Орешкин, сын районного астронома. Димка считал себя самым сведущим во всех житейских делах и обо всём говорил с важным видом знатока.

— В жаркие дни, когда прилетит солнце, снежную бабу надо прикрывать тряпками. Никогда не растает, — советовал он.

Из школы на крыльцо пулей вылетел Прошка Козлов.

— Ребята, ребята, новость! — сбегая по ступенькам, кричал он.

Гаврик и его товарищи бросили работу, насторожились. Подбегав к ним, Прошка скороговоркой рассказал:

— Я сейчас в учительской был. Туда Пётр Егорович газеты принёс, а в газете... знаете что?

— Что?

— Указ!

— Указ?

— Какой?

— Ефремову Героя дали.

— Какому Ефремову?

— Да звеньевому из Белоглазовского района.

— Михаилу Ерофеевичу, — добавил Димка и продолжал: — Ему давно следует. Он самый первый, ещё до войны, звенья высокого урожая создал. Это от него все звенья пошли. Выдающийся человек. Я своими глазами видел его, когда в Барнаул с отцом ездил. Высокий-превысокий — под крышу!

Действительно, в начале зимы, как раз во время каникул, отец Димы был приглашён на краевой слёт передовиков сельского хозяйства и Дима вместе с отцом побывал в Барнауле. В городе ему удалось попасть на концерт, устроенный для участников слёта. На этом концерте он и увидел Ефремова. Димка уже много раз рассказывал товарищам об этом, но сегодня его слушали с таким интересом, точно этот рассказ был для ребят новинкой.

— Одному Ефремову Героя дали? — спросил Гаврик у Прошки.

— Нет. В одном колхозе, не помню в каком, пяти человекам присвоили.

— Пяти человекам?

— Ага.

— И все звеньевые?

— Эх, вот этого я не запомнил.

— Звеньевые, — уверенно вставил Димка, точно не Прошка, а он слышал Указ, который читали в учительской.

Гаврику его затея со снежной бабой вдруг показалась такъёй никчёмной, что он, услышав звонок на урок, пошёл в класс, ни разу не взглянув на неё. Пропал интерес к снежной бабе и у его товарищей. Усаживаясь за парты, они до самого прихода учительницы только и говорили, что об Указе. А дежурный по классу Коля Иванов даже учительницу спросил о нём. Мария Михайловна коротко ответила. Ребята остались довольны.

Домой Гаврик шёл, как всегда, с Димкой, Прошкой и Максимом. Разговор снова зашёл об Указе. В самый разгар его Димка предложил:

— Вот бы и нам звено, да участок земли в колхозе выпросить. А что делать, чтобы рекордный урожай собрать, я как дважды два знаю.

— Я бы пошёл в звено, — поддержал его Максим.

— Звено — что, — вздохнул Гаврик, — звеном уже никого не удивишь. Сейчас во всех колхозах звенья есть. Другое бы что выдумать, новое — это да!

— Жилу бы золотую найти, — подсказал Прошка.

Его брат работал на руднике, и от брата он знал, что золотая жила — великое дело. Чем больше будет найдено золотых жил, тем богаче станет родное государство.

— А ты знаешь, как искать её? — спросил Димка.

— Я у брата расспрошу. Он в этих делах силен, — оживился было Прошка, но Димка оборвал его:

— Вот когда расспросишь, тогда и говорить будешь.

— Про золотую жилу ничего не скажу, а вот уголь можно найти, — сказал Гаврик.

В его глазах зажглись искорки. Он продолжал:

— В нашем крае есть река Бия. У неё есть приток — река Нени. У Нени — приток река Мулная. А у Мулная — ручей Безымянный. Он течёт в глухой тайге. К нему нет никаких дорог. Так вот, из одного берега этого ручья, прямо на волю, выступает пласт угля...

— И про него никто не знает? — перебил Димка.

Его задело, что он не слышал о пласте угля на таёжном ручье Безымянном.

— Про этот-то знают. На него, ещё до революции, нанал старатель по фамилии Иванов. А вот про другие не знают. А они там есть. Если их открыть, да найти место, где дорогу провести, тогда в нашем крае свои шахты и свой уголь будет. Вот, это дело!

— А, может, там и на золотую жилу наткнёмся, — не унимался Прошка. — Вот бы сговориться, и летом туда...

Надо с вожатой посоветоваться, — вставил Максим.

Димка молчал. Он насулился, точно его обидели, и казалось, не участвовал в общем разговоре.

До слуха ребят донёсся окрик, и они остановились.

— Гаврюшка, куда ты?

— Это бабушка твоя. Вон у крыльца стоит, — сказал Прошка, обращаясь к Гаврику. — Ты мимо дома прошёл.

— Ой, заговорился, — спохватился Гаврик и свернул к крыльцу своего дома.

— Или в школе с товарищами не наговорился, что мимо дома прошёл, — посмеялась бабушка. Гаврик промолчал.

Подымаясь на крыльцо, он вспомнил о «Пионерской правде» и ускорил шаг.

— Мама, где моя газета? — переступая порог дома, спросил он.

— Ты прежде разденься, да поешь, а потом о газете спрашивай, — строго ответила мать.

Гаврик быстро разделся, сел за стол. Ему хотелось поскорее взглянуть на «Пионерскую правду». Но мать не то что ему, — отцу никогда не разрешала брать в руки газету за едой, и Гаврику ничего другого не оставалось, как поскорее закончить обед.

— Вот, можешь читать, — сказала мать, когда он встал из-за стола. Гаврик с нарочитой медлительностью подошёл к комоду, на котором лежала газета, развернул её и углубился в чтение.

— Гаврюша, кто ж это читает стоя? Да и темно там, глаза испортишь. Иди-ка к столу, — услышал он знакомый голос.

Быстро прочитав первую страницу, Гаврик на второй полосе в одном из заголовков наткнулся на неизвестное слово «крамбе». Он любил познавать смысл неизвестных слов и начал читать статью под непонятным заголовком:

Статья рассказывала о растении крамбе, которое встречается в диком виде в Абиссинии. В Советском Союзе крамбе выращивалось лишь в ботанических садах.

Впервые крамбе изучено советскими учёными. Оно оказалось очень ценной масличной культурой: в его семенах содержится почти в два раза больше масла, чем в семенах подсолнуха.

В конце статьи автор — научный работник Кучеров — рассказывал о своих опытах по выращиванию крамбе в Башкирии.

— Башкирия... Так это же почти север, — прошептал он, припоминая, где находится Башкирия.

«Но где бы она ни была — интересно испытать: будет ли расти крамбе у нас, в Змеиногорском районе, на Алтае? Только, вот, семян бы достать... А где же их достать?.. Хоть горстку, хотя бы щепотку!.. А что, если написать Кучерову? Так, мол, и так, хочу испытать: будет ли расти крамбе у нас? Пришлите немного семян... Напишу! Сейчас же напишу и шнесу на почту», — решил Гаврик.

Отложив газету в сторону, он вынул из ученической сумки тетрадь и ручку, и сел за письмо.

В тот же день Гаврик отнёс его на почту.

С тех пор он с нетерпением ждал ответа. Петра Егоровича он трижды просил — если придёт письмо, то вручить его только ему в руки.

— Я же сказал — отдам только тебе, — успокаивал мальника писмоносец. — Не забуду. Я ничего не забываю, что обещаю...

Прошёл месяц. Апрельское солнце растопило снега. Весенние воды разлились лужами, катились шумными ручьями в оврагах.

Быстро таяла и снежная баба у школьного крыльца. Тряпки, которыми накрывали её ребята по совету Димы, не могли задержать тёплых лучей весеннего солнца.

Как-то вечером Гаврик отводил лужу от крыльца своего дома. Он уже заканчивал рытьё канавки и собирался пустить воду в ручей у дороги, когда из-за угла показался Пётр Егорович. Письмоносец шёл, как всегда, не торопясь, и Гаврик хотел уже убежать, чтобы снова не услышать ставшего привычным ответа: «Не пришло ещё тебе письмо». Но бежать было поздно, и мальчик сделал вид, будто увлечён работой настолько, что не замечает Петра Егоровича. Между тем, письмоносец, поравнявшись с Гавриком, остановился, порылся в своей сумке и вынул из неё небольшой, похожий на папиросную коробку, пакет, упакованный в полотно, с большими сургучными печатями.

— Мне? — отбросив лопату, радостно воскликнул Гаврик.

— Из Уфы. Вручая лично. Распишись.

Гаврик схватил пакет и, осмотрев его со всех сторон, закричал:

— От Кучерова! Ответил... Где расписаться?

— Вот здесь, — ткнул Пётр Егорович старческим пальцем в сильно потрёпанную книгу.

Гаврик расписался и побежал домой.

Мальчик, как вихрь, влетел в комнату, в которой находилась только старая бабка. Она сидела у окна за вязаньем. Гаврик подошёл к столу и начал нетерпеливо, но в то же время бережно вскрывать пакет.

— Что это, Гаврюша?

— Письмо мне.

— От кого же?

— От учёного одного, — ответил он, разворачивая пакет.

В нём оказались семена и большое письмо, в котором Кучеров подробно рассказывал, как надо сеять и ухаживать за крамбе. Он, между прочим, писал, что крамбе нетребовательно к почвам, устойчиво к болезням и сельскохозяйственным вредителям, быстро всходит и даёт высокие урожаи.

— Что же он пишет? — не вытерпела бабушка.

— Про растение одно, — осторожно ответил Гаврик.

— Про растение?

— Да.

Гаврик вспомнил, что домашним второстепенным занятием бабушка и спросил:

— Бабушка, если я дам тебе это растение, ты посадишь его на землю в огороде?

— Землю? — спросила бабушка, не глядя на него.

Гаврик не стал спорить. Он знал, что у бабушки и так не было выпрошено почти ни одного саженца. А если она увидит, что он бросит семена в садик, то непременно опять выхватит гонимый гряд-

— Ничего, густо — не пусто: вырвать лишний корень всегда можно. А что делать будем, если земля там и сям не засаженной останется?

«Чудно, — думал Гаврик, — всем хороша бабушка — не сердитая, не скупая как будто, а на землю жадная. С чего бы это? Неужели я не выпрошу у неё земли?»

Кучеров рекомендовал сеять крамбе попозже — дней через десять после начала сева зерновых, когда окончательно установится тёплая погода и можно будет не опасаться утренних заморозков. Гаврик имел две недели на подготовку к посадке крамбе. Он решил составить план опытных работ, а затем начать разговор с бабушкой о земле. Прибрав в надёжное место семена и письмо Кучерова, он вышел на улицу, чтобы закончить отвод воды от крыльца.

Прошло несколько дней. Гаврик за это время наметил подробный план действий. Первым делом он осмотрел огород и выбрал место для участка. Это был самый дальний угол — сухой, чистый, солнечный. Вытесав колышки, он крепко забил их по углам своего поля. Вечером Гаврик зашёл тетрадь наблюдений за опытным участком и сделал первую запись. Она кончалась словами: «Что скажет бабушка? Завтра увидим».

На следующий день, возвратившись из школы и приготовив уроки, Гаврик подошёл к бабке, сучившей нитки на самопряхе. Два клубка она положила в глубокие тарелки. Но клубки катались по тарелкам с такой силой, что поминутно выскакивали на пол.

— Бабушка, я помогу вам, — сказал Гаврик, подсаживаясь к тарелкам с клубками.

— Вот хорошо, Гаврюша, я уже замучилась. Выкатываются они, окайнные.

Гаврик некоторое время наблюдал за вертящимися клубками, не давая им выскакивать из тарелок, а потом спросил:

— Бабушка, вы слышали — есть такое растение, называется крамбе?

— Как? Крамбе-е? Нет, такого не слышала что-то.

— Да, крамбе. Его недавно открыли наши советские учёные. Знали бы вы, что это за растение!

— Хорошее?

Гаврик начал рассказывать о крамбе всё, что знал. Он говорил с таким увлечением и так хорошо, что бабушка перестала сучить нитки — заслушалась.

— Ах, благодать-то какая сеять такое растение — земли столько же, а масла вдвое больше, — сказала она, когда вник закончил рассказ, и спросила: — Не слышать, колхозы будут сеять это самое крамбе?

— Как же сеять, если не известно, будет ли оно расти у нас? Мы — Сибирь, а оно из жарких стран. Испытать сперва надо, семена вырастить...

— Пускай для испытания сеют, для семян... Грешно тянуть с таким делом.

Гаврик обрадовался словам бабки.

— А семена где? — спросил он, и, немного помолчав, продолжал, точно сообщал большой секрет: — Только один человек у нас в районе достал сто пятьдесят граммов семян и будет испытывать... И знаете где?

— Где?

— На своём собственном огороде. Для общего дела!

— Ишь ты, желанный какой, пошли ему бог здоровья...

Гаврик улыбнулся. Ему хотелось пуститься в пляс.

Когда клубки размотались и бабка кончила свою работу, он спросил:

— Бабушка, а вы были сегодня на огороде?

— Нет. А что там делать сейчас?

— Значит, вы ничего не знаете? Тогда пойдёмте, я покажу вам что-то интересное. Одевайтесь!

— Не приставай ко мне, Гаврюша...

— Я не пристаю, бабушка. Я серьёзно. Честное пионерское слово, серьёзно... Одевайтесь. Вот вам платок, вот телогрейка...

— Ну, пристал... Да что там такое? Подои, натворил что-то? — ворчала бабка, одеваясь. Гаврик загадочно улыбался и молчал.

Он крикнул бабушку к облюбованному участку, показал на вбитые в землю колышки.

— Что это?

— Здесь будет посеяно крамбе!

— Что-о-о?

— Крамбе... Потому что это я достал сто пятьдесят граммов семян.

Бабушка посмотрела на Гаврика испуганными глазами, всплеснула руками.

— Ошалел, малый. Совсем с ума спятил. Лучшую землю! На целых пять грядок! Да тебе кто разрешил? Нет! И не думай. И выбрось всё это из своей головы, — ворчала она.

— Чего же вы сердитесь, бабушка? — сделав удивлённое лицо, спросил Гаврик. — Только что вы называли меня желанным, молили о здоровье, а теперь...

— Не морочь мне голову! Выдумал! На огороде!..

Бабушка попыталась вырвать колышек, но он крепко сидел в земле, не поддавался, и она пошла домой. Гаврик последовал за нею.

«Напрасно бранитесь, несправедливо. Я посею крамбе. Разве можно не сеять? Это же для общего дела!.. Не договорился с тобой — буду говорить с отцом, матерью. Как бы только отца вызвать с поля?..» — рассуждал он про себя.

Отца не пришлось вызывать. Вечером того же дня, вернувшись с улицы, Гаврик увидел его дома. «Вот хорошо», — подумал он и бросился к отцу.

Гаврик любил отца. Отец умел хранить спокойствие и говорить, не повышая голоса, даже в такие моменты, когда другие выходили из себя и кричали до хрипоты. Говорил же всегда мало, но каждое

его слово имело ту особенную силу, которая покоряет и оказывает решающей в споре.

На работе отец был таким же — делал все без суеты, но так, точно то, что он делал, было самым важным. Он выполнял свою работу основательно, несмотря ни на что, и непременно с успехом. До войны о нём шла слава по всему району. На войне он также отличился, и его широкую грудь украсили семь боевых наград. После войны, работая бригадиром полевой бригады, он из года в год побеждал в соревнованиях и получал две награды за высокие урожаи.

Гаврик гордился отцом, любил беседовать с ним.

«Сейчас всё-всё расскажу. Вот только поужинаем» — подумал Гаврик. Но отец вдруг спросил:

— Гаврюша, а что это произошло у тебя с бабушкой? Она рассказывает мне, но я не понял что-то.

— Могу рассказать, — ответил Гаврик.

— По секрету?

— Нет, все пускай слушают.

Отец повернулся к матери и бабушке, спросил:

— Послушаем Гаврюшу?

— Послушаем, — ответила мать. Бабка промолчала.

Гаврик окинул родных быстрым взглядом и, теребя пуговицы куртки, рассказал сначала о крамбе, потом о письме Кучерову и ответе учёного. Отец слушал с интересом. Гаврик заметил это по выражению его обветренного лица, по блеску весёлых, чуть чуть прищуренных глаз. Мать также не отводила глаз от сына. Только бабка, сдвинув старенькие, перевязанные нитками очки на кончик носа, усердно работала спицами и, казалось, не слышала. Но когда внук заговорил о своём намерении провести опыты с крамбе, она опустила вязанье на колени, посмотрела на него поверх очков, бросила:

— Ну, твоё ли это дело, Гаврюша! Ты не агроном, а школьник. Тебе учиться надо.

— Я же пионер! — ответил он. — А пионер — зачинатель всего нового. Испытаю вот, будет ли у нас крамбе расти, соберу побольше семян и стану всем колхозам советовать. Это тоже учёба!

Подробно рассказал Гаврик о том, как бабка сперва похвалила того, кто решил проводить опыты с крамбе на своём огороде, а потом, узнав, что речь идёт о её внуке и её огороде, отказалась уступить участок для опытов.

— Это правда?. Неужели это правда? — рассмеялся отец.

Спицы чаще замелькали в бабкиных руках.

— Попала впросак, признавайся, — обращаясь к бабке, сказала, улыбаясь, мать. В конце концов бабка сама залилась беззвучным смехом. Гаврик поглядывал на всех изподлобья, стараясь не смеяться.

Скоро все успокоились.

— Всё? — обращаясь к Гаврику, спросил отец.

— Всё.

— Интересно... Дело задумал ты интересное! Я.. завидую тебе..

Гаврик чуть не подпрыгнул от радости.

— Но, — продолжал отец, — оно может оказаться трудным. Куда труднее, чем получить у бабушки землю! Возможно, крамбе надо будет заставить расти у нас! А это не легко. Не бойшься?

— Не боюсь. Крамбе будет расти у нас, — ответил Гаврик.

— Хорошо. Если удача — помни: я первый попросил у тебя семена.

— Ладно, не забуду... А как же с землёй?

— А разве ктонибудь возражает против участка на огороде? Мать, ты не против?

— Да пускай уж сеет.

— А бабка?

Бабка махнула рукой, вздохнула.

— Как хотите...

— Ну вот: все согласны. Действуй!

— Спасибо, — произнёс Гаврик, стараясь вложить в это слово всю любовь и благодарность отцу.

Через неделю он ископал свой участок и разбил его на небольшие квадраты с дорожками между ними. Так удобнее наблюдать и ухаживать за растениями. Бабушка, казалось, не обращала внимания на участок внука. Но когда пришло время сева, Гаврик заметил, что первый ряд его квадратов отличается от второго. Земля была перекопана, появились какие-то едва заметные бугорки. Он раскопал один из них и нашёл в земле половинку картофельного клубня. Бабушка не удержалась и тайком засеяла часть его участка. Он хотел побежать к ней, высказать своё возмущение, но, подумав, махнул рукой, улыбнулся и, выкопав картофель, посеял крамбе. «Она будет ждть картошку, а взойдёт одно крамбе» — думал Гаврик.

Он внимательно наблюдал за своим участком. Скоро на нём появились дружные всходы. Гаврик в тот же день написал об этом отцу на полевой стан и Кучерову в Уфу. Новая подробная запись прибавилась в тетради наблюдений. «Пригодится, когда колхозы будут сеять крамбе» — решил он.

Гаврик ухаживал за всходами, как советовал ему Кучеров. После пятнадцатого июня крамбе достигло высоты в семьдесят пять сантиметров и зацвело. Оно было похоже на сурепку.

Отец, приезжая с поля домой, обязательно заглядывал на опытный участок сына.

— Растёт! — восклицал он, внимательно разглядывая крамбе. — Хорошо растёт. Продолжай Гаврюша.

Крамбе цвело буйно, но не долго. Скоро маленькие цветочки крестиком стали сохнуть. На их месте появились небольшие, похожие на орешки, коробочки с семенами. Их было так много, что Гаврик пел от радости. Сколько семян соберёт!

В августе крамбе созрело. На уборку, несмотря на занятость — в бригаде приступили к жатве хлебов, — пришли отец и мать. Не удержалась и бабка от соблазна увидеть, что же выросло на опытном участке.

— Только не мешайте, я сам всё уберу, — волнуясь, просил Гаврик, — а то ещё семена ненароком рассыплете. Мне дорого каждое зёрнышко.

Он сам убрал и обмолотил крамбе. Отец помог ему взвесить семена. Их оказалось 18 килограммов. Большие пуда семян дал участок в 65 квадратных метров, на котором было рассеяно сто граммов семян.

— А уговор помнишь? — спросил Гаврика отец. Гаврик улыбнулся счастливой и гордой улыбкой.

— Помню.

— Сколько же я получу семян?

— Десять килограммов хватит?

— Учти, что я прошу для колхоза, — добавил отец.

— Тогда двенадцать.

Но пока развешивали семена, Гаврик уступил отцу ещё один килограмм.

— Нам и пяти хватит, — сказал он.

— Кому это «нам»? — поинтересовался отец.

Гаврик посмотрел на отца хитровато улыбающимися глазами, неопределённо ответил.

— Пионерам. В общем, потом узнаете.

Отец не стал допытываться.

Утром следующего дня Гаврик сбежал к Диме, Прошке и Максиму, пригласил их к себе. Через час ребята были у Гаврика.

— Вам, как друзьям, первым скажу, — начал он. — Есть одно интересное дело. Очень важное! Госуда-а-арственное... Возьмёмся?

— Возьмёмся, — ответил Максим.

— Давай, — сказал Прошка.

— А какое дело? — осведомился Димка. У него был такой вид, точно он собирался сказать: «я ещё посмотрю, стоит ли этим делом заниматься».

Гаврик принёс мешок с семенами крамбе, показал их ребятам и рассказал о своём опыте. Ребята слушали его, зажав дыхание.

— Хочу мичуринское звено организовать. Попрошим поле на пришкольном участке, будем продолжать опыты по выращиванию семян для колхозов. Дело верное. Поле дадут. Согласны в звено ко мне?

— Согласны! — в один голос ответили Прошка и Максим. Димка молчал. Его терзала досада, что Гаврик, а не она, всезнающий Димка, лично видевший первого звеньёвого страны, Героя Социалистического Труда Миханла Ерофеевича Ефремова, начал опыты с крамбе.

— А ты? — вторично спросил его Гаврик.

— Пиши.. — сказал Димка, точно делал Гаврику одолжение.

— Договорились. Теперь к вожатой пойдём.

Весной в Змеиногорском районе на Алтае новая высокопродуктивная масличная культура крамбе была посеяна на двух значительных по размеру опытных участках: в колхозе — бригадиром полевой бригады Захаром Николаевичем Бубенцовым и при школе — руководителем звена юных мичуришцев, пионером Гавриком Бубенцовым.

Шли последние дни учебного года. Как-то на большой перемене Гаврик позвал своего помощника по звену Димку взглянуть на всходы крамбе. На полпути они услышали знакомый голос, призывно звеневший где-то сзади. Ребята оглянулись. Их догонял взволнованный Проша.

— Гаврюша, подожди! Новости! — кричал он, махая рукой.

— Какая новость? — спросил Гаврик.

— Пётр Егорыч газеты... в школу принёс, — рассказывал запылавшийся Проша, — а в газете... знаешь что?

— Что?

— Заметка.

— Какая заметка?

— Про тебя, Гаврюша, как ты крамбе сеял... И про наше звено упоминается! Идёмте, там Петр Егорыч ждёт нас.

Ребята побежали к школе. У крыльца стоял, поджидая их, письмоносец.

— А поди-ка сюда, молодец, — поманил он пальцем Гаврика, ласково улыбаясь.

Гаврик подошёл. Письмоносец протянул ему газету, сказал:

— Читай-ка вот здесь. Да вслух...

— Ценные опыты школьника Бубенцова. В прошлом году... — начал Гаврик и не отрываясь прочитал всю статью.

— А теперь по секрету.

Письмоносец отвёл Гаврика немного в сторону, прошептал.

— Про ямень голозёрный слышал?.. Говорят, есть такой! Лично слышал... Семена?.. — Пётр Егорович на минутку задумался, потом оживился. — Пиши в академию. Трофиму Денисовичу Лысенко. У него всё найдётся. А голозёрный ямень — это тоже, брат, да!..

В П О Л Е

Места родные не узнать —
Овсы густые пенятся.
Кругом такая белизна,
Что каждый колос светится.

А за овсами — рожь стеной,
Берёза в ней купается,
И тень от облака волной
Хлебами разливается.

Тропинка ровная бежит,
Нарядная и чистая,
Туда, где весело шумит
Пшеница колосистая.

И где-то жаворонок вдали
Ведёт настройку голоса...
Плывут стальные корабли
К ползающим полосам.

Плечо к плечу, за рядом ряд,
Бойцами закалёнными.
На страже тополи стоят,
Кудрявые, зелёные.

Шумит привольно урожай,
Звенит под ветром молодо.
Страна родная, принимай
Литую россыпь золота!

П. Бутурлакин

Рассказы о сержанте Смирнове

„СОЛЁНЫЙ КАМЕНЬ“

1.

Шли они, как всегда, гуськом, метрах в двадцати друг от друга: Тимофей Ткач, за ним — Николай Смирнов, третьим — Вадим Краснов. Днём останавливались в буреломах, в непролазных чащах ельников, а ночью шли, обходя стороной населённые пункты. Пуще самих себя оберегали планшет старшего сержанта Смирнова с важными документами — добычей рискованной операции в тылу немцев. Тройка храбрецов давно уже перестала принадлежать только своему полку: они получали задания и от штаба дивизии, и от штаба корпуса.

Они были убеждены, что удача будет сопутствовать им до конца войны, что когда-нибудь они возвратятся всяк к своему делу: Смирнов — в институт, Ткач — на трактор в Полтавщину, а Краснов — к чертёжному столу в родных Чебоксарах. А пока добросовестно выполняли свою опасную солдатскую работу. Някто и никогда не слышал от них ни слова ропота.

Русский, украинец и чуваш, они были дружны между собой, один дополнял другого. У них всё было общим: служба, хлеб, табак, друзья в полку, даже письма писали втроём. Душой «тройки» был Смирнов — балагур и весельчак, умный и смелый. Он в совершенстве владел немецким языком, что было особенно ценно для разведчика.

Шли медленно, высматривая место для дневки. Небо на востоке светлело всё больше и больше. Вдруг Ткач остановился, подал знак: «Стоп!» Из-за ствола толстой берёзы Смирнов наблюдал за Ткачём. Вот он прошёл ещё немного вперёд и снова остановился, присел. Теперь его фигура в белом маскировочном халате слилась со снегом. Прошло ещё несколько минут, и впереди Смирнова дважды мигнул рубиновый свет электрофонарика: «Итти обоим».

— Что такое? — шолотом спросил Смирнов, подобдя к Ткачу.

— Смотрите! — показал разведчик вперёд.

Метрах в пятидесяти от разведчиков, на белом фоне лесной полянки, ясно выделялась фигура человека, сидящего на высоком пне.

— Один?

— Один.

— Держи! — подал Смирнов планшет Краснову. — Ты, Ткач, слева, я — справа. Вали в снег, не давай кричать.

Человек был застигнут врасплох, но не растерялся. Соскочив с пня, он метнулся в кусты. Над головой Ткача, вставшего ему на пути, блеснул топор. Только случайность спасла разведчика: человек споткнулся об укрытый снегом пень, и удар топора пришёлся по воздуху.

— Сволочь! — выругался Смирнов. Быстрым ударом головы в лицо он свалил незнакомца в снег.

Через минуту пленник со связанными руками был снова водворён на пень. Перед разведчиками сидел огромного роста бородастый старик, одетый в полушубок и косматый треух. Полумрак только что родившегося дня мешал разведчикам рассмотреть его лицо.

— За топор хватаешься, шельма! — возбуждённо сказал Ткач — Прыткий какой.

— Да никак — русские! — встрепенулся старик. — Русские?

— А ты что думал? — спросил отходчивый Смирнов. — Они самые.

— Простите, родные. Налетели вы коршунами, сообразить ничего не успел. Конеч, думаю, но хоть одного на тот свет с собой приволоку. Развяжите руки, ребята.

— Чтобы опять за топор? — серьёзно спросил Смирнов.

— Топор не для вас припасён.

— Развяжи ему руки, Тимофей, — распорядился Смирнов. — Только без баловства, старик. Слышишь?

— Слышу, слышу.

— Смотри.

Старик потёр освобождённые от телефонного кабеля руки, сплюнул в снег.

— А головой ты, паря, работаешь славно, — пробасил он беззлобно. — Зуба три, чай, как и не было во рту. Кто же вы такие?

— Охотники, за счастьем ходим, — улыбнулся Смирнов. — А вот ты кто такой? Выкладывай всё, как на исповеди. Только — того... без вранья.

— Лесной человек я, по своим делам хожу. Вам к этому дела нет. Больше ничего не скажу.

— Почему?

— Не я к вам пришёл, а вы ко мне. А зачем — не знаю.

Смирнов откинул капюшон маскхалата, снял ушанку.

— Вот моё удостоверение, дед, — показал он старику звездо-
дочку, блестящую на меху цыгейки.

Старик дотронулся рукой до звездочки.

— Ясно, сынок. Теперь можно и поговорить. А то кто же вас
знает, откуда вы, что за люди... Из Подлесного я, километров
шесть отсюда. Теперь-то его нет, одни печные трубы торчат, всё
сожгли немцы. Девять семейств нас осталось, в погребах живём.

— А сюда зачем пришёл? — спросил Ткач.

— Сюда? По делам службы, паря.

— А точнее?

— Видишь, до войны я был на государственной службе, вот и
сейчас на ней числю себя. Должность моя особая — за лосями
присматриваю, от волков оберегаю. Зверя отвадил отсюда, а вот
немцев отвадить не могу, средства не знаю. Генерал Вернер на
охоту сюда ездит, десятка два уже истребил. В прошлое воскресе-
нье тронх загубил: самку и двух бычков. Вот сижу и плачу,
сыночки, — вздохнул старик.

— И часто Вернер бывает здесь? — спросил Смирнов.

— Каждое воскресенье.

— Свита большая при нём?

— Что? — не понял старик.

— Ну, охрана при нём большая?

— Большая, только солдаты союда не подходят — у дома
лесника ожидают генерала.

— Далеко отсюда?

— Километра два, однако, будет.

— Так и ходит сам Вернер по лесу?

— Да он не ходит. Здесь есть одно место, «Солёным камнем»
зовётся. Камня, конечно, никакого нет, а есть небольшой холмик
земли — солёная шибко. Такая солёная, что и трава не растёт на
ней. Туда и приходят лоси солонцевать. Придут, разгребут снег
и лижут землю. Ручные тогда становятся. Как супостаты об этом
узнали — ума не приложу. Выдал кто-нибудь, не иначе. Вернер
там себе шалаш оборудовал, из него и стреляет. То один ездил, а
потом ещё каких-то два к нему пристали. Завтра должны опять
прийти.

Дохнул ветерок, в воздухе закружились снежинки. Старик по-
смотрел на вершины деревьев.

— Хороший снег будет, — сказал он.

— Как знать? — усомнился Ткач. Он все ещё стоял шагах в
пяти от старика, не спуская с него глаз.

— Слышишь, как лес воркует? Всегда так перед большим
снегопадом. Мы-то знаем, в лесу росли.

— Вадим! — вполголоса позвал Смирнов Краснова и сам по-
шёл ему навстречу.

Разговаривали они тихо, укрывшись от глаз старика за моло-
дыми ёлками.

— Вот что, Вадим, поворачивай назад, к бурелому за боло-
том. Жди нас ровно двое суток. Если к этому сроку не придём —

иди к леснику Мокрову, он поможет тебе перебраться через передний край. Береги планшет. Лыжню нашу снег скоро покроет, для тебя опасности никакой.

— Оставил бы ты, Коля, эту затею, — предложил Краснов. — Кто знает, что за тип, этот старик.

— Ничего, Вадька. Случай подстрелить такую дичь, как генерал Вернер, не каждый день выпадает. В полк к сроку поспеем, у нас ещё трое суток в запасе. Дуй, дружок!

Смирнов подождал, пока затих скрип лыж Краснова, и вернулся на полянку.

— Ну, старина, веди нас к «Солёному камню». Посмотреть хочу на эту диковину.

— Это можно, — согласился повеселевший старик.

2.

Немцы пришли к «Солёному камню» в воскресенье, к исходу дня. Их было трое: молодой угрюмый генерал Вернер, пожилой рыжий майор и хромой лейтенант с большим чемоданом в руках. Вернер был одет в оленьи унты, длиннополую доху волчьего меха и генеральскую фуражку, спутники его — в полной офицерской форме.

Смирнов видел Вернера не один раз — им пестрили страницы немецкой газеты, издаваемой оккупационными властями в Приволховьи. Из номера в номер газетёнка пела дифирамбы генералу — «грозе» русских партизан, «полновластному хозяину» края.

На полянке Вернер остановился, осмотрелся кругом. Запорошённый пушистым снегом, лес хранил мёртвую тишину, успокаивающе действовал на нервы генерала. Вернер снял доху, потянулся, поправил маузер в деревянной коробке на широком ремне.

— Чудесно, господа? — повернулся он к офицерам. — Только в России и можно найти такие дремучие леса.

— Лес — что надо, — угодливо улыбнулся майор. — Иметь бы сотни две—три гектаров такого в собственном распоряжении..

— Всеми своё время, дорогой. Разделяемся с людьми, возьмёмся за лес. Железная дорога — рядом, только вывози. Через десяток лет здесь будет пустыня, — уверенно сказал Вернер.

Разведчики следили за каждым движением Вернера и его друзей. Они сидели в густом ельнике, метрах в тридцати от ничего не подозревавших немцев. Возле разведчиков сидел и вчерашний их «пленник» — Самуил Степанович Ободин. Старик не отрывал полного ненависти взгляда от разглагоствовавших на полянке офицеров.

— Пора! — шепнул Смирнов Ткачу. — Бей хромого, я майор, а с Вернером разделяемся по-другому.

Две автоматных очереди распороли тишину. Хромой лейтенант ничком ткнулся в снег. Упал и майор. Разведчики бросились к Вернеру. Генерал даже не сделал попытки к сопротивлению.

Бледный, с трясущимися губами, он стоял перед Смирновым, бессвязно что-то лепеча по-немецки.

Ткач снял с него оружие.

— Что с ним будем делать? — спросил Ткач Смирлова. — С собой захватим?

— Нельзя. Вести его — значит рисковать планшетом, — ответил старший сержант — У тебя кабеля много?

— Метров семь.

— Приладь его где-нибудь на сук, пусть повисит до прихода свиты — в нападенье другим. Авось у них отпадёт охота к лесам. Как думаешь, Тимофей?

— Генерал немецкий на суку — подходящая картина.

— Давай. Помоги ему, Самуил Степанович.

— Никогда не приходилось, а здесь постараюсь, — серьёзно сказал Ободин.

Ткач с Ободиным пошли выбирать подходящее дерево

Силы изменили Вернеру: он медленно опустился на снег.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ АТАКА

Над болотом, над залитой водой траншеей колыхалась плотная пелена тумана. По времени уже надо было взойти солнцу, но вокруг все ещё стояли холодные, сырые сумерки.

Лейтенант Борзых, небольшого роста крепыш, с тёмными кругами вокруг воспалённых от бессонных ночей глаз, беспокойно поглядывал на ручные часы. Время подходило к обычному началу утреннего артиллерийского палёта немцев.

— Людей и пулемёты в укрытия! — подал он команду.

— Скоро начнут? — спросил лейтенанта пожилой солдат со свежим бинтом на голове.

— Время. Они ведь всё по расчёту делают.

И как бы в подтверждение слов лейтенанта, над траншеей пронеслись большого калибра снаряды. Не успел ещё затихнуть их неприятный клёкот, как в сотне метров от траншей встали огромные столбы взрывов. Немцы били методично, большими залпами. Вокруг траншей бушевал ураган огня и металла, стоял треск падающих деревьев. Как под ударами гигантского молота, дрожала слабая болотная почва.

По звукам разрывов Борзых безошибочно определял, где ложатся снаряды. Сегодня немецкие артиллеристы стреляли лучше, чем когда бы то ни было. Было слышно, как в траншее стонали раненые, кто-то тихо просил о помощи.

Борзых выбрался из укрытия. Туман заметно поредел. Пахло удушливой гарью. Низко над лесом кружил уродливый «хеншель», самолёт-корректировщик, прозванный красноармейцами «костылём».

— Пропasti нет на тебя, проклятого! — выругался лейтенант в адрес корректировщика и, низко пригнувшись, побежал на правый конец траншеи, где снаряды ложились особенно кучно.

В конце траншеи Борзых остановился. Добротный блиндаж, в котором обычно укрывались от артиллерийских пулемётчиков, был разрушен прямым попаданием снаряда. На месте блиндажа была теперь груда битого кирпича, согнутые стальные балки, расщеплённое дерево; на бруствере лежал искорёженный «максим».

Борзых никак не ожидал этого. Спасение его людей было именно в пулемётах. Лейтенант с обнажённой головой стоял над разрушенным блиндажом, ставшим могилой его боевых товарищей. Стоял и чувствовал, как с новой силой поднимается в нём жгучая злоба против врагов, пришедших на эту, искони русскую землю затем, чтобы убивать.

— Пулемётчиков накрыло? — спросил подошедший к Борзых старший сержант Смирнов. Лицо его было покрыто копотью, на лбу кровоточила свежая царапина.

Борзых не ответил.

— На левом фланге тоже разбит пулемёт.

— Как, и там? — переспросил Борзых. Голос его дрогнул.

— Да. Я только что оттуда.

— Значит, без пулемётов?

— Без пулемётов.

...Сплошные топи, холодные туманы, вековые деревья, превращённые в щепу, сожжённые врагом деревни и посёлки, непрерывные кровопролитные бои — таким был Волховский фронт ранней весной 1942 года. Немцы рвались к Ленинграду. Бездонные болота и тропы приволховских лесов были завалены трупами их солдат, но они слали и слали сюда новые дивизии, корпуса.

Полк майора Лукина после семидневных наступательных боёв стал в оборону на небольшой лесной речушке. Он готовил новый оборонительный рубеж. Для этого нужно было дней пять времени, но немцы, подбросив новую дивизию, не давали ни часу передышки.

Тогда восемьдесят добровольцев с шестью станковыми пулемётами смелой атакой выбили немцев из их укреплённой траншеи, стали в ней заслоном. Место было удачным: фланги полукилометровой траншеи упирались в непроходимую топь.

За четверо суток заслон выдержал двадцать пять атак оставшихся от неудачи немцев. Заслон потерял половину своих людей и четыре пулемёта, но не отступил ни на шаг. Все, от лейтенанта Борзых и старшего сержанта Смирнова до пожилого санитаря Хлыстова, знали, что стоять надо насмерть. Всё болото перед траншеей было усеяно трупами врагов. Оттуда шёл тяжёлый запах разложения.

И вот наступил пятый день... Нет пулемётов и очень мало людей. Борзых знал, что каждый человек его группы умрёт с честью. Но этого было недостаточно. Требовалось не умереть, а выстоять,

преградить путь немцам. Бывает время, когда от человека требуется большее, чем его жизнь.

Артналёт прекратился так же внезапно, как и начался. Убрался во свояси и «хеншель». Наступила тишина, но была она неприятной, такой, какой она бывает только перед атакой. В траншее без всякой команды встала редкая цепочка бойцов с винтовками в руках. Поднялись даже раненые.

Прошло несколько тягостных минут, а атака не началась. Вдруг за ручьём, в густом березняке, забил барабан. Глухие его звуки были тревожными, зловещими. Послушные барабану, из березняка одна за другой, как на параде, вышли семь шеренг немцев, одетых в чёрные мундиры. Впереди, со шпагами наголо, шли офицеры. Пританцвавшее где-то на болоте пулемётное гнездо ударило княжальным огнём по траншее.

— Психическая, — определил Смирнов и отстегнул от пояса противотанковую гранату.

— Эсэсовцев пустили, гады, — сказал Борзых. Он долго смотрел на приближающихся немцев, а потом предложил:

— Ну что же, Коля, давай простимся, дружок. Понду на левый фланг, а ты оставайся здесь. Держись. Подпустим поближе, и залпами. А потом — в штаны.

Борзых и Смирнов по-мужски крепко обнялись и расцеловались.

...Всё ближе и ближе лавина эсэсовцев. Чёрные мундиры, белые перчатки, высокие туфли фуражек, чеканный шаг, зловещая дробь барабана, строгая линия штывков. Батальон откормленных головорезов против сорока измученных непрерывными боями и бессонными ночами советских бойцов. В траншее — мёртвая тишина. Прицел — в неизвестного крылатого хищника на груди врагов.

А в это время на правом фланге, по губительной топке, ползёт человек. В руках — готовые к бою противотанковые гранаты. Предательская трясина засасывает, тянет вниз ослабевшее тело храбреца. Человек не сводит глаз с виднеющегося впереди, хорошо замаскированного дота. Вот он с головой ушёл в вонючую жижу, пропал. Но нет, так легко он не дастся. Вот его голова снова над болотом.

— Врёшь, доползу! — шепчет человек.

Последнее, уже нечеловеческое усилие — и перед десятком захудалых немецких пехотинцев, вылезших из дота поглазеть на атаку эсэсовцев, как привидение, встает из болота человек. Взрыв гранаты, и человек в доте...

— Огонь! — кричит Борзых.

— Огонь! — повторяют командиры отделений.

Гремит густой ружейный залп. Как подкошенные, валятся немцы. Но шеренги их, не теряя строя, продолжают двигаться вперёд. По трупам убитых, по телам раненых катится лавина к траншее. Ещё полсотни метров — и всё.

Борзых одним броском перекинулся через бруствер и с винтовкой наперевес бросился навстречу немцам.

— За Родину! За Сталина! За Ленинград! Бей гадов!

— Ура-а-а!

И как бы в ответ на этот грозный русский боевой клич, из немецкого дота ударил пулемёт. Задние шеренги эсэсовцев, как бы вдруг споткнувшись, повалились на землю. Звериный рёв потряс округу. А пулемёт всё хлестал и хлестал по обезумевшему стаду черномундирников. Эсэсовцы бросились назад, но смертоносный свинец укладывал их в болото.

Чего не успел сделать пулемёт, довершили русские штыки...

Борзых с десятком бойцов по сплошному настилу из трупов эсэсовцев бежал к доту. Оттуда, навстречу бегущим, шатаясь от пережитого напряжения и усталости, шёл старший сержант Смирнов. На его лице играла счастливая улыбка.

КОНЕЦ КАРЬЕРЫ ФОН-КИРША

Уставший, в испачканной грязью рваной одежде, Андрей Волков с трудом перешагнул высокий порог избы. Неверным шагом прошёл к столу и сел на широкую скамью. Снял шапку, вытер ладонью пот с лица, да так и застыл.

Сидеть в такой позе вошло у Волкова в привычку с той поры, как в Малиновку пришли немцы. Придёт с работы, сядет вот так у стола и сидит часами молча, думает. И кто знает, о чём он думает? Землистого цвета морщинистое лицо, глубоко запавшие глаза под мохнатыми бровями, обвислые седые усы... Жалко Матрёне Петровне мужа, но не знает, чем помочь ему. Меньше чем за год постарел её Антонович на десяток лет, осунулся. Тяжёлая жизнь, тяжёлое время.

— Дай попить, Матрёна, — попросил Волков тихим, как бы надорванным голосом.

Матрёна Петровна, сухонькая, небольшого роста старушка с когда-то очень красивым лицом, старательно вытерла чистой тряпицей большую медную кружку, зачерпнула из кадки воды.

Волков пил жадно, не отрываясь от кружки.

— Меньше пей, Антоныч. Вода студёная.

— Хуже не будет, — ответил Волков, подавая жене пустую кружку. — Замучили, звери. Без отдыха две недели скот бьди. Ночью и то покоя не знали. А кормят больше пинками. Да что там рассказывать! — махнул рукой Волков. — Случай помог, а то бы угнали нас кто знает куда. Выбьем скот в одной деревне, госят в другую, оттуда — в третью. Так и дошли до Подберёзовки. Тут это и случилось: только согнали скот на площадь, бе-

гут немчики из Ершовки кто в чём. Господа, которые покрупнее чином, сели в машины и — дай бог ноги. Мелкота — пехом, куда и гонор девался.

Посудили — порядили мы с мужиками, да и потянули домой. Три дня плёлся по грязи, думал, что и не дойду. Сёла везде ободранные до шитки, пустые. Не то, что куска хлеба — картошки нигде не достанешь. Так и шёл голодным. Под Логом, в лесу, человека встретил, восниого: на петлицах по три треугольничка. Я оторопел даже. Ведь немцы что лишут? «Красная Армия разбита! Русские солдаты с голоду врут, палками воюют!» А здесь, в наших лесах, спокойно ходит командир этой самой «разбитой» армии, вооружённый, здоровяк.

— Слава тебе, господи, — набожно перекрестилась Матрёна Петровна. — Значит врут, цехристи?

— По всем статьям выходит, что врут. Мне этот человек столько порассказал, что дух захватило. Рассказал и я ему, как мы живём, откуда иду, а он смеётся. Говорит, в Ершовке немцам партизаны такую баню устроили, что долго помнить будут. На прощание угостил меня табачком и сказал, что супостатов бить надо, смертным боем бить. Тогда, говорит, скорее придёт на них погибель.

— Придёт на них погибель? — переспросила Матрёна Петровна.

— Да, так он сказал. Где живу, расспросил, пообещал при случае в гости к нам зайти.

— В гости зайти? — снова переспросила старушка.

— Ведь сказано «в гости», чего же ещё спрашивать! — рассердился Волков.

— Не сердись, Антоныч. Ты рассказываешь, а мне — как во сне. И что же он делает в нашем лесу, этот командир?

— Не спрашивай, Матрёна. Дело военное, может тайна какая. Не за рябчиками же пришел в нашу глухомань! А у нас что в деревне?

— Да всё то же, Антоныч. Понаехали какие-то в чёрной одежде, грабят, порют, водку хлещут. Фельджандармерия, люди говорят. Вчера шаль мою пуховую забрали, сегодня — тулупчик твой. Петро Смагин сказал что-то против, так на площадь поволокли, при всём мире пороли. Да ещё повесить пригрозили.

Волков поднялся, тяжело прошелся по комнате.

— От немцев добра ожидать нечего, — вздохнул он.

— Какое там добро, — поддержала его Матрёна Петровна.

— Бить их надо, смертным боем бить! — гневно повторил Волков. — И там ноги бычьи в кладовую бросил, на студень принёс. Займёшься ими потом. А мне бы сейчас помыться, малость перекусить, да на отдых.

Вилли Крамер, белобрысый, долговязый баварец, получил от своего начальника задание приготовить сытный и вкусный ужин. Нелёгкая служба у Крамера: целые сутки — как белка в колесе. Корми начальство, «организуи» для него посылки в Германию. Другие жандармы столько добра отправили домой, а он всё о начальстве должен беспокоиться. Да хотя бы начальство того стоило, а то так.. Лейтенант, захудалый прусский помещик. Барон Отто фон-Кирш. Только и славы, что «фон», а богатство давно ушло вон. Да и было ли оно когда-нибудь?

Проклиная службу и весь род баронов Киршей, длинноногий, как журавль, Крамер шагал по улицам. Нигде никого и ничего, как вымерло село. Собак — и тех не видно. Вдруг откуда-то потянуло запахом горелой шерсти. Крамер остановился, по-собачьи повёл носом. А через минуту он уже шагал к избе Волковых, из трубы которой чуть заметно курился дымок. Запах, привлекавший внимание баварца, шёл оттуда.

Дав пинка зазевавшемуся худому рыжему коту, Крамер рывком распахнул дверь избу.

— Что такое? — спросил он, указывая рукой в корыто, где лежали старательно обделанные бычьи ноги.

— Ноги, не слепой, чай.

— Ноги зачем?

— Студень варить.

— Студень?

Крамер достал из кармана маленький словарик и долго листал его, разыскивая непонятное для него слово.

— Студень — хорошо! Фон-Кирш будет доволен, — заулыбался Крамер.

Он сгрёб все четыре ноги и выскочил из избу. Матрёна Петровна опомнилась лишь тогда, когда немец был уже на улице.

— Вот тебе и студень... — тихо сказала старуха.

— Приходил кто. Матрёна? — спросил проснувшийся Волков.

— Показалось тебе. Антоныч. Спи.

Волков повернулся на другой бок и снова захрапел.

Лейтенант фон-Кирш, осколок обнищавшего рода прусских баронов, буйствовал в доме учительницы, половину которого он занял под квартиру. После ночной попойки у барона болела голова, как огнём жгло в желудке. Надо было опохмелиться, но не было водки.

— Крамер!.. Крамер, свинья! — поминутно орал Кирш, но денщик как в воду канул. «И где только чорт носит его? — думал взбешённый лейтенант. — Рыщет, рыщет, а толку нет».

Кирш блуждающим взглядом обвёл комнату, разыскивая, на чем бы можно было сорвать злобу.

— Крамер!

— Здесь, герр лейтенант! — отчеканил вошедший баварец.

— А, свинья, явился? — набросился тучный Кириш на ординарца. — В штрафную захотел?

Крамер помолчал. За два года службы при Кирише он хорошо изучил характер бесноватого баронского отпрыска. По опыту знал, что в таких случаях лучше всего молчать. Мало того, что зубов не досчитаешься, так ещё, действительно, в штрафную угодишь.

— Где был?

— Герр лейтенант, вы же приказали организовать ужин...

— Достал что-нибудь? — заинтересовался сразу подобревший Кириш.

— На ужин — нет, а на завтрак будет такое холодное, что хоть рейхсминистру на стол.

— Погоди ты с завтраком! — опять заорал Кириш, багровея. — Ужинать-то я что буду?

— Организирую, герр лейтенант, — вытянулся Крамер. — Полдеревни перепорю, а ужин достану.

— Смотри у меня! — пригрозил Кириш.

3.

Старший сержант Смирнов с группой разведчиков возвращался из глубокого тыла врага. Особое задание командира дивизии, трудное и опасное, было выполнено полностью, и разведчики с чувством честно выполненного долга спешили в родной полк.

К Малиновке они подошли ночью. С тёмного, как бы залитого тушью неба сыпал мелкий густой дождь. Тревожно шумели вековые ели. Остановившись под деревом, Смирнов достал из планшета карту. Тоненький лучик электрофонарика неторопливо прошёлся по зелёному полю карты и остановился на слове «Малиновка».

— Знакомый у меня здесь живёт, — сказал Смирнов, пряча карту. — Зайти надо. Краснов, Ткач и Бабял пойдут со мной, остальным быть здесь. Старшим группы остаётся сержант Малевич. Смотреть в оба, сержант!

— Есть, товарищ старший сержант! — пробасил Малевич. — Когда вернётесь?

— А там увидим, — ответил Смирнов.

Когда в темноте затихли осторожные шаги ушедших в деревню, Малевич распорядился:

— Быть наготове, никому не спать.

...Тук-тук-тук! — осторожный стук в окно.

Волков приподнял с подушки голову. Нет, это не немцы. Те в окна не стучат, в двери идут. Да и стучат так, что мёртвый поднимется. Волков поднялся с кровати, прислушался. Стук в окно повторился.

— Кто там? — спросил Волков, прячась за косяк окна.

— Дядя Андрей, открой окно, дело есть.

По голосу Волков узнал позднего гостя — четырнадцатилетнего Володю Зямных, сына соседки. Открыв окно, с тревогой спросил:

— Что случилось, Володя?

— Ничего особенного. Вот принёс вам ноги, которые утром отобрал у вас немец.

— Что ты, сынок! Узнают — пропадёшь.

— Не узнают. Я им другие отнёс, а то от этих как бы понос их не разобрал, — ответил Володя, с трудом сдерживая смех. — Держи, дядя Андрей! — подал он Волкову свёрток и, как тень, исчез за углом избы.

Волков метнулся к двери, чтобы спрятать свёрток где-нибудь во дворе, зная, что история с этими злополучными ногами может кончиться худо. Он так растерялся, что забыл даже закрыть окно. Не успел Волков снять с двери крючок, как в комнате раздался тихий голос:

— Можно зайти в избу, хозяин?

Волков остолбенел: в просвете окна ясно вырисовывался силуэт человека.

— Заходи, коль с добром, — ответил старик, дрожа от страха. — Заходи, сейчас отворю.

Человек проворно влез в комнату через окно и, как бы оправдываясь, сказал:

— Извините, так будет удобней.

Голос молодой, звонкий. Это был голос человека, которого Волков встретил утром у лога.

— Ну, ещё раз здравствуй, отец! Не ожидал?

— Нет, сынок, — сознался старик. — Ведь немцы в селе. Садитесь, пожалуйста — там скамья у стола.

Гость сел.

— Пакостят?

— А разве немцы без этого могут?

— Много их?

— Человек полсотни, жена говорила. Всю школу заняли.

— Охрана какая?

— Не знаю. Сосед рассказывал, что ночью патрули ходят по улицам. У дома учительницы, где их начальник помещается, часовой стоит. Это я сам видел.

— Начальника видел?

— Издалека. Ходил к колодезю по воду, а он сидел на крыльце дома. Дородный, пудов шесть тянет, однако.

Гость забарабанил по столу пальцами.

— Так-так... А патрулей что-то не видно. Я долго блукал по селу, пока нашёл вашу избу. Паренёк какой-то помог.

— Сегодня их может и не быть: вечером на машинах уехали в Лосёвку; видимо, у них там как-будто бы штаб главный.

— Все уехали?

— Не знаю. Начальника я видел уже после их отъезда. Может быть, что и из солдат кто остался.

— Далеко до Лосёвки?

— Сорок километров, если по прямой. Но они по ней не пойдут, Макарёвского болота бояться — там партизаны. В объезд километров шестьдесят придётся им ехать.

— А дом учительницы далеко?

— Близко. Вот переулком до школы выйдете, а за школой и дом.

— Темно на улице, не найти, пожалуй. Может, проводите?

Волков промолчал. Он не мог понять, зачем этому человеку дом учительницы. Иль жизнь не дорога, иль страха не знает... А вот он, Андрей Волков, проживший на свете шестьдесят лет, боится. Боится немцев, даже этого человека боится. В форме командира родной армии, но что такое форма? Форму и лихой человек достать себе может... А всё же стыдно Волкову за свой страх.

— Пойдём, провожу! — сказал он твёрдым голосом. У него как-то сразу пропал страх. — Вот оденусь и пойдём. Коль добрый человек — спасибо скажешь, а лихой... Да всё равно уж!

— Спасибо отец, — поблагодарил гость.

4.

Суровые места... Лес, болота... Прошла армия «фюрера», и как чума посетила Приволховье. Там, где были сёла и деревни, — зола, печные трубы. Редко где осталось нетронутым людское жильё. Помрачнели леса, стонет политая кровью болотная земля. Бросил «фюрер» на берега Волхова эсэсовцев, фельджандармерию. Жгут они сёла, виселицами покрыли деревенские площади, но не усмирили сурового края...

Третий час стоит Крамер на посту, на крыльце дома учительницы. Стоит без смены. Слушает, как шумит дождь по тесовой крыше, и дрожит от страха. Темь, хоть глаз выколи. Мучит баварца не только страх, но и боль в изуродованном лице...

Крамер опоздал с ужином. Пока «организовал» утку, пока жарил её, пришла ночь. Поужинав, Кирш захотел посмотреть, из чего Крамер думает варить ему холодное. Пошли к колодцу, куда Крамер на телефонном кабеле спустил бычьи ноги (не испортятся в студёной воде). Кирш сам тянул длинный кабель, а когда показалось над срубом ноги, осветил их электрофонариком. На конце кабеля висели... лошадиные ноги — огромные ноги тяжело-воза со ржавыми подковами.

— Сволочь!.. — заорал Кирш на баварца. Он схватил в руки связку ног и ударил ею Крамера в лицо. Тяжёлое копыто пришло как раз по зубам.

— Стой, целую ночь стой без смены, а утром — в штрафную роту! — выпалил Кирш и хлопнул дверью дома.

Крамер ничего не мог понять. Откуда взялись эти проклятые ноги! Подменили? Но кто и когда? Пропало всё: обещанный Кир-

шем «железный крест», безопасная служба... Штрафная рота — это конец.

Лицо у Крамера опухло, дёсны горят. Ночь кажется ему бесконечной. Он сошёл со ступеньки крыльца, подошёл к колодцу. Хотелось пить. Достал воды и только нагнул к ведру, как что-то тяжёлое свалилось ему на спину, страшная боль пронзила грудь. Крамер полетел в тёмную бездну...

К двери дома метнулись двое.

— Здоров, боров, — сказал Смирнов в адрес связанного Кириша, лежащего на полу.

— Что здоров, то верно, — подтвердил Краснов, набивая свой мешок бумагами со стола Кириша. — Как тащить его будем?

— До леса донесём, а там сам пойдёт.

— Такого «языка» у нас не было. Всякие попадались, а фельд-жандарма ещё не было.

Через полчаса разведчики торопливо шагали по лесной тропе. Между ними послушно шёл Кириш. Всякий раз, когда он замедлял шаг, в его спину упирался ствол автомата идущего сзади разведчика, и Кириш прибавлял шаг.

Группу вёл Андрей Волков, знавший в родных лесах все тропы. В эту ночь он излечился от страха перед немцами — сам вызвался быть проводником.

Гранцберг

1.

Кто сказал, что всё кончено? Неправда! Не такой Григорий Соколов, чтобы можно было свернуть его в бараний рог. Пусть отобрано всё, что имеет свободный человек, пусть гремят на руках стальные наручники, а за каждым шагом следит недремлющий глаз тюремщиков — не убита мысль о свободе, в груди горит жажда борьбы.

Русский человек никогда не примирится с рабством, у него свобода — в крови. А Григорий Соколов — русский до мозга костей. Он — донской казак, сын извечно свободного народа. Его родина — Дикое поле, никогда не признававшее иноплеменной власти.

Механик машинно-тракторной станции, никогда не державший в руках иного оружия, кроме охотничьей двухстволки, он во время болезни был захвачен фельд-жандармерией и брошен в лагерь военнопленных. Под конвоем солдат и полицейских прошёл он поля родного Дона, Донбасс, Белоруссию, Польшу и вот сейчас сидит за колючей проволокой на берегу Балтики. Ломал камень, рыл окопы, убирал хлеб — всё из-под палки. Собственно, и жить не следовало бы, если бы жить только для себя.

Но Соколов о себе не думал, он жил для других. Не одному десятку советских людей помог он бежать на волю. Слабый здоровьем, хромой после тяжёлой болезни, он не мог бежать сам, но зато никто не обходился без его помощи. Из-за этого трижды побывал он в гестаповских застенках — лишился глаза, но продолжал своё дело. Вот и сейчас готовы к побегу двадцать три человека. Но на этот раз пойдёт и сам Соколов. Фронт не за горами, дойдёт...

2.

Над Балтикой стояла ранняя весна 1945 года. Ночь. Туман. Далеко на севере, у берегов Норвегии, гуляли грозные сполохи. В притихший от страха Штальбург с востока доносились волны артиллерийских залпов. Там, на полях сражений, доколачивая некогда грозные корпуса и армии рейха, советская артиллерия была по окопам, по полевым укреплениям, по крепостям. Здесь, в маленьком городке, залпы советских орудий рвали в клочья нервы и спокойствие рядового обывателя, совсем недавно такого самоуверенного.

Семён Поздняков, старший полицейский лагеря военнопленных, как зверь в клетке, метался в своей хибаре. Далёкие глухие артиллерийские залпы вызывали в его теле дрожь — дрожь, которую ничем нельзя унять. Не помогали ни водка, ни наркотики. Время от времени он подходил к окну и подолгу смотрел в слепую ночь, на лагерь.

Лагерь спал. В темноте неясными пятнами чернели бараки, в тумане одиноко мигал голубой огонёк в помещении полицейской охраны. Здесь была отведена комната и для Позднякова, но старший полицейский предпочитал жить в хибаре за линией лагеря. С виду спокойный, лагерь бурлил, бродил, как молодое вино, и это не могло быть не замеченным старым полицейским.

Если раньше он рассуждал: «Что могут сделать рабы, лишённые даже права на жизнь? Ничего. Их участь — гнить за колючей изгородью в сырых, холодных бараках...», то сейчас он всё больше и больше убеждался в том, что русские в любой обстановке остаются русскими — гордыми, непокорными. Отщепенец, предавший Родину, он слишком поздно узнал народ, среди которого родился и вырос.

Для немцев Поздняков свою роль сыграл до конца, и теперь у них не было ни времени, ни желания заботиться о нём. Они были заняты своим, более существенным: спасением собственных шкур.

Из всего, что раньше так щедро перепало на его долю, осталось одно — неограниченная власть над заключёнными. И он, сжигаемый злобой, полностью использовал её. Поздняков не заботился о своём будущем. Он просто ждал: придут в Штальбург первыми русские — пропал, придут первыми англичане или американцы — кто знает, как ещё обернётся дело...

Было далеко за полночь, когда Поздняков вошёл на территорию лагеря. За оградой перекликались часовые, в дальнем углу ворчали сторожевые собаки. Темь. Даже огонька в домике охраны не было видно: скрыл туман. Поздняков шёл вразвалку, насвистывая мотив какой-то песни, перенятой им у лейтенанта Штольца.

Свернув с центральной дорожки, он направился к уборной — последние дни старший полицейский мучился животом. Шёл и не видел, что его сопровождают трое. Осторожно ступая по пыльной дорожке босыми ногами, они, как тени, шли следом за ним. Поздняков заметил их слишком поздно, когда они неожиданно оказались рядом с ним.

— Кто это? — испуганно спросил он, хватаясь за кобуру пистолета. Те, все трое, налетели на него, спалили с ног, подмяли под себя его грузное тело. Поздняков попытался крикнуть, позвать на помощь, но сильный удар в голову лишил его сознания. Обессиленное тело больше не сопротивлялось. Проворные руки Григория Соколова в несколько секунд очистили от документов карманы Позднякова, сняли пояс вместе с оружием.

— Бросай его в уборную! — тихо скомандовал Соколов товарищам. — Не скоро всплывёт.

...Лагерь спал. Так же за оградой перекликались часовые да в дальнем углу возились сторожевые собаки. Казалось, что никому нет дела до того, что произошло возле уборной второго квартала огромного лагеря военнопленных.

Полковник Кох, начальник лагеря, седой горбоносый старик, размеренным шагом мерял паркет кабинета. Белесые, когда-то голубые глаза полковника рассеяно блуждали по богатой обстановке кабинета. Старинная мебель в чехлах, редкие картины в тяжёлых золоченных рамах, ковры, коллекция оружия совсем недавно представляли огромную ценность. Собиралось всё это с трудом, а часто с риском, старательно укрывалось от жадного глаза начальства, береглось до лучших, спокойных дней.

И вот всё летит в пропасть — надо бежать. Куда бежать? Хоть к самому дьяволу на рога, лишь бы подальше от этого орудийного грома на востоке, от русских. Да, бежать! К чорту честь офицера, болтовню о долге перед Германией, к чорту этого бесноватого дурака — фюрера. Бежать!

Быстрее бы разделаться с лагерем. Висит он, как камень на шее. Проклятое время... За одну ночь сколько происшествий: исчез старший полицейский Поздняков, сбежали лейтенант Кригер и пять унтер-офицеров, застрелился майор Шульц. Заключённые отказались выйти на работу...

Мысли Коха были прерваны приходом личного секретаря — Эльзы Зельц. Она бесшумно открыла дверь, шагом уставшего человека подошла к полковнику и, не поднимая глаз, тихо доложила:

— Шифрованная телеграмма, герр полковник.

Кох окинул взглядом тощую фигуру секретаря.

«Осунулась и ты, голубушка, — подумал он, — Куда что и делалось. Недотрогой была, гордилась родством с генералом Шпонером. Посмотрим, как поведёшь себя завтра — послезавтра. Сама придёшь на койку старого Коха, не захочешь оставаться в Штальбурге, ожидать русских солдат».

— Что там? — спросил Кох, протягивая руку за зелёной бумажкой, на которой стояли колонки пятизначных чисел.

— Приказ об отправке всех заключённых группы «З» в Гранцберг. Дополнительного приказа не будет.

— Кто подписал?

— Полковник Готт.

— Полковник Готт?

— Так точно.

— А вам, Эльза, это ни о чём не говорит?

Эльза пожала плечами.

— Право подписывать такие приказы принадлежит исключительно генералу Шпонеру, вашему любезному дядюшке. И вдруг — полковник Готт. Ха-ха-ха!

— Не понимаю, полковник, что в этом смешного.

— Это значит, дорогой мой секретарь, что ваш дядюшка не дурак. Запахло жареным, и он решил, видимо, что ему русских ждать нет расчёта. Спешил генерал, даже о племяннице забыл..

— Ну, знаете, полковник, такие шутки вам могут дорого обойтись, — с угрозой в голосе сказала Зельц. Лицо её побледнело, руки тряслись. — Мой дядя верен фюреру, он не бросит Германию в беде.

— Оставьте, Эльза. Теперь не до Германии. надо спасать свою жизнь. Подумайте о том, как вы будете выбираться отсюда. Впрочем, можете рассчитывать на мою машину. Подумайте, а вечером скажете мне о своём решении. Где моя спальня, вы, надеюсь, знаете. А пока можете идти. Скажите майору Вальтеру, пусть сейчас же зайдёт ко мне.

Эльза вышла из кабинета.

Через несколько минут перед столом Коха стоял майор Вальтер, молодой, высокий, неуклюжий пруссак с длинным, угреватым лицом. Это был один из тех молодчиков, кто за всю войну ни разу не нюхал пороха, но благодаря связям в Берлине быстро продвигался по служебной лестнице.

— Есть приказ об отправке лагеря в Гранцберг. Категорий не придерживайтесь. Отправить и полицейских, всех без исключения. После отправки заключённых лагерь сжечь. Понятно?

— Понятно, герр полковник.

— На группу «З» и полицейских надеть наручники. Остальные пойдут так. Готовьте охрану, собак и всё необходимое. С рассветом — быть в Гранцберге.

- Всё будет сделано, герр полковник!
- Надеюсь, майор.
- Можно итти?
- Идите.

Вальтер вышел. Через некоторое время, забрав бумаги, покинул кабинет и Кох.

3.

Поздним вечером того же дня в одной из задних комнат офицерского клуба на центральной улице Штальбурга встретились двое: полковник Кох и его брат, промышленник Отто. Братья Кох были завсегдатаями клуба. Здесь привыкли к тому, что полковник с братом всегда много пили, безобразно скандалили с другими офицерами, били лакеев, стреляли в картины и зеркала, не давали прохода прислуге. Но сегодня ничего этого не было. Братья пили в меру, не буйствовали. Они были настроены по-деловому.

— Как дела, Отто? — спросил полковник.

— Всё хорошо, Генрих.

Сухопарый, длинный, как жердь, Отто расстегнул жёлтого хрома коротенькую куртку, долго копался в глубоком потайном кармане, пока нашёл нужное — два потрёпанных паспорта. Один из них он подал полковнику. Тот долго вертел его перед своими близорукими глазами.

— Настоящий, — заверил Отто. — Господин посланник, хоть и родился по ту сторону Пиренеев, но порядочный человек.

— Какая цена?

— Об этом не спрашивай, Генрих. Купил без торга.

— Но мне же надо знать.

— За мной был долг, теперь мы — квиты.

Полковник побледнел. Он ожидал всего, но не такой баснословной цены.

— Случаем пользуешься? — зашипел он. Глаза его налились кровью, руки дрожали. — Готов три шкуры содрать?

— Ничуть, — спокойно ответил Отто. — Я беру лишь комиссионные, за хлопоты. Посланник за каждый паспорт дерёт семь шкур. Да и агент его не промах: без пользы работать не станет. Как хочешь, я не неволю.

— Но это же не по-братски, Отто! — застонал полковник. — Ты разоряешь меня.

— Чудак ты, Генрих. Жизнь прожил и не понял, что есть вещи, перед которыми родственные чувства бледнеют.

Отто Кох засмеялся скрипучим, неприятным смехом.

— Дорогой Отто, половины тебе хватит.

— Ни марки меньше.

Так и сидели они в пустой комнате, жадные и мелочные. Готовые дерогрызть друг другу горло из-за одной марки, братья Кох не скоро нашли общий язык.

Гранцберг...

Напрасным было бы искать это слово на картах провинции Германии. На всей территории этой страны под таким названием нет ни одного города. Гранцберг — вымысел, своего рода шифр...

За границами имени богатого помещика Драпелера начинаются сыпучие пески. Широкой полосой серо-жёлтых горбов тянутся они с юга на север, к морю. Пески мёртвые. Ни человека, ни зверя не встретишь здесь. У самого моря пески кончаются многометровым обрывом.

Две стихии свела здесь природа: бесплодный песок и море. Сошлись они и схватились в смертельном единоборстве. Беснующееся, брызжущее гневом и пеной море, подмывая берег, уносит песок, но на место унесённого приходят массы нового и нового. Кто знает, быть может оттого и беспуется море, что не может справиться с непосильным трудом — размыть, уничтожить эту мёртвую землю.

В мае 1943 года здесь побывал уполномоченный ведомства всемогущего рейхсминистра Гиммлера — генерал Шпонер. Под проливным дождём генерал долго ходит по берегу, осматривая песчаные откосы. Его сопровождали высокий седой подполковник и безусый лейтенант. Одним из них был нынешний полковник Кох, вторым — майор Вальтер. За всё время осмотра генерал не проронил ни слова. Не смели раскрыть рта и сопровождающие.

После осмотра берега генерал с полчаса любовался величавой красотой морского шторма. Вдыбленное ветром, море ходило огромными, седыми от пены волнами. Рождаясь где-то в водном просторе, валы бежали к берегу, разбиваясь об него. Берег дрожал от ударов и рёва моря, брызги горько-солёной воды долетали до генерала.

Налюбовавшись морем, генерал уехал.

В Штальбурге, отпуская от себя спутников, Шпонер сказал: — Место, где мы сейчас были, будет именоваться Гранцбергом. Прошу запомнить, господа.

Так родилось слово «Гранцберг», которого нет ни на одной карте земель Германии.

Через несколько дней полковник Кох спецпочтой получил сразу три бумажки. Две из них производили подполковника Коха в полковники, а лейтенанта Вальтера — в капитаны. Третья была инструкцией по введению в лагерях военнопленных и гражданских лиц условных категорий.

Основная нагрузка ложилась на литеру «З». К этой категории относились пленные офицеры, младшие командиры авиационных и танковых войск, коммунисты и комсомольцы среди русских военнопленных. Кроме того, инструкция давала право комендантам лагерей относить к категории «З» любое лицо по их усмотрению. Использовать людей этой категории на массовых работах строгой запрещалось.

В конце мая в Гранцберге произошла первая расправа над группой пленных: батальон взростовцев расстрелял здесь 56 советских офицеров. Изнемождённые, оборванные стояли они на краю обрыва, обречённые, но гордые и спокойные. Так умирать могут немюгие.

После расстрела сапёры подорвали песчаный обрыв. Многометровая толща песку похоронила под собой иссечённые пулями трупы.

Расстрел пятидесяти шести был началом. После на морской берег часто приводили группы обречённых. Здесь были русские, украинцы, грузины, узбеки. Бывали здесь и поляки, чехи, норвежцы. Их ставили на край обрыва, спиной к морю, и косили из пулемётов.

* * *

Весь лагерь плотной шеренгой стоял на самом краю обрыва, ослеплённый лучами прожекторов. Сотни людей. Медленным светом начинался день. Внизу билось о берег море, дико кричали потревоженные чайки.

Соколов незаметным движением освободил руки от манжетов наручников.

— Пора! — шелнул он соседу.

— Пора! — пошёл шопот по шеренге, и двадцать три расплётённых ещё в лагере наручника упали под берег.

— Бросайтесь вниз, — задержку их пока! — тоном приказа распорядился Соколов.

— А сам? — спросил его сосед.

— Уйду и сам. Торопитесь...

Двадцать три человека, как бы вышибленные из общей шеренги лучами прожектора, вдруг качнулись и исчезли в пропасти обрыва. Послышалось падение тел, всплеск воды.

Майор Вальтер с изумлением смотрел на место, где только что стояли люди.

— Назад!.. Назад!.. — заорал он, бросаясь к обрыву с пистолетом в руках.

Но перед самым его носом шеренга сомкнулась, загородив собой берег. Вальтер поднял пистолет, но сейчас же повалился на землю мёртвым: Соколов метким выстрелом угодил ему в сердце. К Вальтеру бросились два офицера, но и они упали, сражённые Соколовым. Возившиеся у пулемётов жандармы оцепенели. Соколов прыгнул с обрыва, полетел вниз, навстречу морской волне...

У пулемётов послышалась короткая, резкая команда. И как бы в ответ на неё, где-то в конце шеренги, высокий, сильный голос зашел:

Наверх вы, товарищи, все по местам!

Последний парад наступает.

Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг».

Пощады никто не желает...

И сейчас же сотни голосов подхватили слова песни:

Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,

Пощады никто не желает...

Ударили пулемёты. Как подкошенные, валились люди с обрыва в пучину моря. Палили со словами русской песни на устах, убитые, но непокорённые.

5.

Далеко за полночь от южной окраины Штальбурга отошли две тяжело нагруженных автомашинны. В кабине передней, рядом с шофером сидел полковник Кох, одетый в гражданское пальто. В кабине второй за рулём сидел его брат Отто. Братья Кох с чужими паспортами в карманах бежали из Штальбурга. Их путь освещало злое зарево пожара — горел лагерь военнопленных.

...На повороте шоссе машина полковника Коха резко затормозила: впереди, метрах в пятидесяти, горел мост. Проворные языки пламени жадно лизали сухое дерево.

— А, черт! — выругался полковник, выходя из кабины. Он стоял посреди шоссе, растерянно глядел на пожар.

— Ну и как теперь? — спросил Отто Кох, подойдя к брату.

Полковник не успел ответить. Одновременно раздались два выстрела. Братья Кох упали на шоссе. Из-за деревьев, росших по обочинам шоссе, к машинам вышли трое. При виде их шофёр полковника поднял руки.

Соколов, нагнувшись над трупами, осветил лицо одного из убитых.

— Ба, да это — старый знакомый! — воскликнул он, опознав полковника. — Теперь мы квиты с тобой, господин полковник.

...Соколов с двумя товарищами уходил от шоссе на восток, навстречу грому артиллерийских залпов — вестнику возмездия и свободы.

В Горном Алтае. Верблюды на пастбище.

Фото Н. Калдина.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ПАСТУХ

Он сидит у костра.
И дымок самосада
Из обкурённой трубки
Плывёт в вышину.
Ночь спустилась в долину,
Спит колхозное стадо.
Где-то злятся Катунь,
Рвёт о камни волну.
Да бродячие ветры
Гуляют в ущельях,
Лижут сочные травы,
Ласкают цветы,
Гнут порой до земли
Непокорные ели
И летят до Китая
По вершинам крутым.
Он сидит у костра,
О былом вспоминая,
О нужде беспросветной
В аялах слепых,
Как батрачил бедняк
У проклятого бая,
Как мечтал он о счастье,
О днях золотых.
Всё здесь мило ему,
Пастуху Казахтаю.
Он — хозяин теперь
Обновлённой земли.
Ходит слава о нём
По родному Алтаю.
Коммунисты его
В светлый мир привели.

Поэзия алтайских партизан эпохи гражданской войны

Великая Октябрьская социалистическая революция прорвала фронт мирового империализма, низложила в России империалистическую буржуазию и установила в стране власть Советов.

Первые декреты Советской власти о земле, о мире были восторженно встречены трудящимися всего мира. Империалисты Антанты опасались, что успехи Советской власти могут послужить примером для рабочих и солдат Запада, недовольных затянувшейся войной и жаждавших мира, что эти успехи могут толкнуть их на то, чтобы повернуть штыки против своих господ и угнетателей.

Поэтому правительства Антанты решили «начать военную интервенцию (вмешательство) в России с тем, чтобы свергнуть Советскую власть и поставить буржуазную власть, которая восстановила бы в стране буржуазные порядки, отменила бы мирный договор с немцами и воссоздала бы военный фронт против Германии и Австрии»¹.

Империалисты Антанты в своей борьбе против Советской власти использовали контрреволюционные силы внутри страны — помещиков, капиталистов и их прихвостней, кадры белогвардейских генералов, офицеров, чиновников, кулачество. Антанта снабжала белогвардейцев оружием, обмундированием, средствами, правительства Антанты высадили на территории нашей страны свои войска.

Советский народ, под руководством партии большевиков, под водительством Ленина и Сталина, отстаивал свою государственную независимость. Все полчища белогвардейских генералов, помещиков, капиталистов, все армии иностранных интервентов были разгромлены и выброшены за пределы нашей Родины.

Огромную помощь Красной Армии в борьбе против белогвардейцев и интервентов оказало мощное партизанское движение, орга-

низованное и руководимое партией. Неувядаемой славой покрыли себя партизаны-сибиряки, боровшиеся вместе с Красной Армией против белогвардейского адмирала Колчака.

Характеризуя первый поход Антанты, товарищ Сталин указывал, что «центр тяжести похода лежал в районе Колчака». «Омский правитель» Колчак сформировал белогвардейскую армию в 150 тысяч штыков и сабель, которая должна была, по стратегическим замыслам командования Антанты, соединиться с войсками иностранных интервентов на севере.

«Колчак является наиболее серьёзным противником, ибо у него достаточно пространства для отступления, достаточно людского материала для армии, богатый хлебом тыл», — указывал товарищ Сталин в июне 1919 года¹.

Партия большевиков подняла советский народ на борьбу с колчаковщиной. В декабре 1918 года Центральный Комитет для руководства борьбой против колчаковщины создал Сибирское областное бюро партии. Одной из важных задач этого бюро являлись организация и руководство партизанским движением против Колчака.

Томский комитет партии выпустил в начале 1919 года воззвание «К товарищам рабочим, крестьянам и солдатам», в котором отмечалось:

«Во всех деревнях и городах Сибири нарастает буря народного возмущения... Все готовятся восстать против насильников, палачей, уничтожить белых паразитов, отомстить кровожадным псам и утвердить истинную свободу для рабочих и крестьян».

Уже к весне 1919 года партизанское движение распространилось на всю Сибирь и на Дальний Восток. Алтай был одним из главнейших центров массового партизанского движения. Отстаивая своё кровное и правое дело, свою советскую власть, независимость своей Родины, — партизаны Сибири проявили высокий героизм.

Героическая борьба красных партизан в эпоху гражданской войны (1918—1920 гг.) вызвала большой подъём народного поэтического творчества, выразившего боевые настроения и патриотизм народных масс. Поэтическое творчество партизан помогает изучению героической истории гражданской войны, оно имеет большое воспитательное значение.

* * *

На Алтае партизанское движение началось уже в 1918 году, вскоре после захвата власти белогвардейцами. Трудящееся крестьянство, которому Великая Октябрьская социалистическая революция открыла путь к свободной жизни, поднялось по призыву партии на борьбу против белогвардейцев, пытавшихся восстановить старые, ненавистные порядки.

Первое крестьянское восстание на Алтае произошло в августе 1918 года в с. Чёрный Дол (так называемое Чернодольское восста-

¹) И. Сталин, соч., т. IV, стр. 262.

ине). Восстание было жестоко подавлено карательным отрядом есаула Анненкова. Но эта неудача не остановила роста повстанческого движения.

К началу 1919 года движение приняло организованный характер — появились партизанские отряды, построенные на военный лад. В Славгородском уезде сформировался отряд Е. М. Мамонтова, в бывшем Каменском уезде действовал отряд И. В. Громова, в Усть-Мосихе — Куликово — отряд А. Данилова, в с. Зимино, быв. Барнаульского уезда, успешно развивал партизанскую борьбу отряд Ф. И. Архипова.

К осени 1919 года размах повстанческого движения принял такие масштабы, что Колчак вынужден был направить против партизан Алтая крупные силы с орудиями и пулемётами.

«Каратели, занимая села, действовали зверски. Вешали, расстреливали повстанцев, насиловали женщин. Ночами горизонт был освещён красными сполохами. Сёла в степи горели, как свечи», — пишет один из руководителей партизанского движения на Алтае, И. В. Громов.

Зверства карателей только усиливали партизанское движение, вовлекая в него всё большие массы крестьян. В. И. Ленин указывал, что сами действия Деникина и Колчака агитировали против них за советскую власть.

Партизанские отряды крепили в борьбе, нанося белым всё более чувствительные удары. В целях объединения повстанческих сил, 9 сентября 1919 года в д. Утичь, быв. Славгородского уезда, произошло слияние всех партизанских штабов. Был создан главный штаб партизан Алтайского округа, во главе с главкомом Е. М. Мамонтовым. Партизанская армия к этому времени насчитывала до 40000 штыков.

Колчак бросил против алтайских партизан пятнадцатитысячную армию под командованием генерала Матковского, полковника Окумёва, атамана Анненкова. Но в жестоком бою близ села Солонюки, быв. Славгородского уезда, в ноябре 1919 года белые были разбиты партизанами и бежали.

Вскоре партизаны заняли Славгород, Камень, Рубцовск, Шипуново, Барнаул, Семипалатинск. Одновременно героическая Красная Армия, победоносно наступая, заняла Омск — столицу Колчака. В декабре 1919 года произошло соединение алтайских партизан с Красной Армией.

Алтайские партизаны, оттягивая на себя военные силы Колчака, лишая его значительных людских резервов и богатой продовольственной базы, сыграли немалую роль в разгроме сибирской контрреволюции.

Поэтическое творчество алтайских партизан нашло своё выражение, прежде всего, в массовой боевой песне.

Песни создавались и рядовыми партизанами, и командирами. Отдельные песни были очень популярны, они исполнялись хором, на отдыхе и в походе. По словам И. В. Громова, у алтайских партизан был свой хор.

О любви партизан к песне и стиху ярко свидетельствуют факты использования стиха в партизанских воззваниях. В одном из воззваний партизанского штаба Мамонтова к населению приводятся следующие строки:

Песня свободная прослышится,
Песня, сменившая стон.
В Сибири народ заколышется.
Выбросит колчаковцев воя.
Вся у народа поправится,
Силён он будет тогда.

Стих делал воззвание более ярким, доходчивым, играл большую агитационную роль.

Партизанские песни проникнуты страстной ненавистью к врагу и уверенностью в близкой победе. Среди них имеются произведения художественно несовершенные, порой слабые, но имеется также немало образцов подлинно поэтических, полных глубоко искреннего чувства, ярко отразивших думы и настроения народных масс, их патриотизм. Наряду с оригинальными текстами, встречаются переработки известных народных и революционных песен, популярных романсов.

Партизаны пели о страшной дореволюционной жизни под властью помещиков, капиталистов, кулаков:

Как под страшным гнётом мы
Вечно только жила,
Не видали светлых дней,
Землю только рыли.

(«Добровольцы»)

Возврата нет к быдому времю,
Когда под гнётом жили мы.
Детей своих на бойню отдавали
И сами мы на бойню шли.
В рабстве мы рабами были,
За труд платили ям гроши,
А бары-гады нашей кровью жили,
А мы терпели «для души».

(Партизанская песня).

Многие партизанские песни рисуют картины белогвардейских бесчинств и зверских расправ против борющегося за свою свободу народа:

А здесь белы порят, рубят,
Добровольцы жгут дома,
Истребляют беспощадно
Всех родных большевика.

(Песня)

Три дня жгли, грабили, рубили.
Уничтожая всё и всех.
Гуляли, вино, водку пили,
Нагайкой били для потех.

(«Смерть партизана»)

Главная тема партизанских песен и стихов — призыв к восстанию против ненавистного врага, показ освободительного народного движения. Многие песни отображают любовь к родному Алтаю, стонущему под игом белогвардейских насильников.

Горы родного Алтая,
Теперь недалеко от вас.
Снова вас видеть желая,
Сердце изныло о вас.

Покивуты жёны и дети.
Снова увидим мы вас.
Разорваны варваров сети.
Близок решительный час.

Смерть пальцам-кровопийцам
От сильной крестьянской руки.
Отмстят мародёрам-убийцам,
Теперь казакам не уйти.

Не думали наши тираны,
Что отчёт им придётся отдать.
Забыли глубокие раны,
Победы начали справлять.

Нарисли тяжёлые тучи,
И вспыхнул огонь роковой. —
И всюду варваров кучи,
Разбитых крестьянской рукой.

Скоро к вам, милые семьи,
На отдых в Алтай мы придём.
Радость и всем избавленье
С собою мы вам принесём

Гордитесь, родные страдальцы.
Именем наших борцов.
Идут счастливые алтайцы
Под знаменем Красных Орлов.

Судя по содержанию, эта песня, повидимому, сложилась среди партизан-казаков горного Алтая, ушедших к Мамонтову, а затем в составе его полков наступавших на Алтай. Поэтому в песне говорится «Скоро к вам, милые семьи, на отдых в Алтай мы придём», «Теперь казакам не уйти» и т. д. Она ярко выразила патристические чувства всех алтайских партизан. Эта песня исполнялась на мотив, близкий к мотиву революционной песни «Смело, товарищи, в ногу». С ней партизаны входили в освобождаемые от белых селения.

О восстании говорит песня «Было дело на Алтае», исполнявшаяся на мотив старой солдатской песни «Было дело под Полтавой».

Было дело на Алтае,
Дело славное, друзья,
Как дрались мы за свободу,
Расскажу, друзья, вам я.

Август месяц в половине —
Встал сибирский весь народ.
Взяли в руки пика, ваяли
И начался переворот.

Восстанию посвящён ряд других песен.

Тут настало время нам
Туго, не под силу.
Все поднялись, как огонь,
Разогнули спину.

Ваяли в руки, кто что мог,
Кто топор, кто вилы.
Берегитесь, колчаковцы,
Будем рыть могилы.

(«Добровольцы»)

Довольно! Рабства мы терпеть не будем.
Расплата час настал для них.
Вперёд, ребята, славны партизаны.
За нашу кровь, за кровь детей своих!

(Партизанская песня)

Много партизанских песен рассказывают о наиболее значительных стычках с колчаковцами, а также об отдельных боевых эпизодах.

В песне «Добровольцы» рассказывается о крестьянском восстании в Усть-Пристани в августе 1919 года, о расправе повстанцев с богатеями и кулаками.

Мигом селя на коней
Наши зипунишки,
От проклятых буржуазов
Полетели шишки.

Вот в степи все они
В Пристань собираться,
И решили, наконец,
С вилунами драться...

Популярна была среди алтайских партизан песня. «Плещут холодные волны, бьются о берег Обской», посвящённая героической борьбе партизанского отряда И. В. Громова с белогвардейцами.

Плещут холодные волны,
Бьются о берег Обской.
Носятся белые банды,
Крича их поляны тоской.

Тем, среди широкого поля.
Бьётся народный наш флаг.
Бьётся со вражеской силой
Громовский красный отряд.

Сбиты уж белые банды.
В бегство пустились они.
Стойко дерутся крестьяне
В битве с врагами страны.

Песня эта составлена рядовым партизаном в августе 1919 года. Она исполнялась на мотив известной народной песни «Плещут холодные волны».

Известны многочисленные варианты этой песни в эпоху гражданской войны у партизан Забайкалья и Дальнего Востока. Среди алтайских партизан эта песня была, по воспоминаниям участников, тоже довольно распространённой.

Откликом на бой под селом Верзиловским явилась песня «Верзиловский бой», составленная партизаном Я. А. Пасынковым. Верзиловский бой происходил 2 сентября 1919 года. Сражение кончилось полным разгромом белогвардейцев, остатки которых обратились в бегство.

Был день только на восходе,
Когда лучи блеснули на хребтах.
Начался бой жестокий у Сосновки
И был закончен на Верзиловских полях...

Бой всё кипит и день уж на заката
Бойцы устали шашками рубать.
Бойцов ряды смешались с врагами.
Где партизан, где враг — не разобрать.

Чу.. среди лягга стали, стога, крика
Команда белых слышна «отступать»...
Труженики земли победили паразита,
Ему владыкой мира не бывать.

По словам автора, эту песню исполняли на мотив «Варяга».

О разгроме белых и победе партизан в бою с колчаковцами под с. Волчихой рассказывается в песне «Защитникам Волчихи», составленной неизвестным партизаном.

Полета уж проходит,
Как зуб Колчак грызёт,
Мечтая о победе,
Войска ведёт вперёд,

Повсюду неудачи
Встречал он на пути,
И хочет он опоры
В казачестве найти.

Сначала небольшие
Отряды послал,
Надеясь успокоить
Затеянный скандал.

Предвидя в них измену
И полный неуспех,
Решил послать волчища,
Разбить и выжечь всех.

Стянул свою ораву
Под Волчиху, к селу,
И грянул бой смертельный,
Смешалось всё в аду.

Под громы боевые
Лилась кровь рекой,
Товарищи — солдаты
Дрались за край родной.

Не выдержав напора,
Враг побежал иззад,
Погнал свою ораву,
Куда глаза глядят.

Особенно широкий отклик в песнях алтайских партизан нашёл Солоновский бой.

В с. Солоновке находился штаб партизанской армии. Здесь было сосредоточено до 15000 партизан. Придавая с. Солоновке большое военно-стратегическое значение, Колчак двинул сюда крупные силы белогвардейцев и интервентов под командованием генерала Матковского, полковника Окунева, атамана Анненкова, численностью свыше 15 тысяч, с 18 орудиями и 100 пулемётами.

Бой под Солоновкой был жестоким и тяжёлым. После трёхдневного сраженья белые были разбиты и бежали. Но победа дорого досталась партизанам. Они понесли значительные потери.

Огромным значением Солоновской победы и объясняется появление ряда песен в Солоновском бое. Широко распространённой, дошедшей до нас в нескольких вариантах, является песня «Солоновский бой», составленная рядовым партизаном.

Вблизи у села Солоновки,
Среди Космолинских боров,
Есть место, облитое кровью,
Героев, лихих молодцов.

На этом на месте кровавом,
Кипел ожесточённый бой,
Широкое поле покрыли
Лихие герои собой.

Все в этом бою пострадались,
Где множество было полков.
Там доблестный корпус сражался,
Стремясь охватить беляков.

И в этом великом сраженьи
Дралась партизанская рать.
Она своё красное знамя
Врагу не хотела отдать.

И твёрдо упёрлись алтайцы,
Чтоб враг им не мог овладеть.
Здесь пал наш лихой полководец
Бесстрашный герой Коледо.

А с ним же товарищ Стреляев,
Любимец, отважный герой...
Мы белых отважно разбили
Своей партизанской рукой.

Немало песен и стихов алтайских партизан посвящено героизму и мужеству партизанских борцов. В этом отношении интересны стихи и песни о пике — оружии партизан, которая символизирует во многих песнях храбрость, отвагу, мужество восставшего народа.

По воспоминаниям Ф. И. Архипова, «в начале восстания у партизан была одна винтовка на 50—60 человек».

«Отсутствие нарезного оружия привело к тому, — пишет И. В. Громов, — что во многих полках главным оружием была «грозная пика».

Тем не менее партизаны, вооружённые пиками, — «пикари» нанесли белым серьёзный урон. В Мельниково, как вспоминает И. Громов, Мамонтов с отрядом пикарей ринулся под пулемётным огнём на Егерский полк в 600 штыков, нанёс ему сокрушительный удар и захватил 200 винтовок и 6 пулемётов.

«Пики, вилы, топоры Колчака с ума свели», — поётся в частушке.

Гнев партизана — пикаря
Был сильнее пушки — автомата,
Английского мундира, японского штыка,
Нагайки белых и казака.

(Я Пасынков)

Белы думали нажитьсь
И панами дома жить,
И не ждали, что случится —
Пикаря их будут бить.

(Песня).

Идут войска, гремят фургомы,
Идёт за строем строй.
Пикари идут в окопы
Принять кровавый бой

(«За свободу, за народ»).

Пику, как прозное для белых оружие в руках отважных партизан, славит в специальном стихотворении, написанном 15 сентября 1919 года, один из партизан Мамонтовской армии.

О, грозная пика, сибирского люда
Не ты ли оковы сняла?
Радость и слава настолько велики,
Что пика свободно росла.

О, грозная пика, ты вместе с борцами,
Ты вместе со знамен в бою.
Навеки историк запишет на память
Храбрость и славу твою.

О, грозная пика... гордись своим знамен,
Гордись и победой своей!
Мозолисты руки тебя не забудут
И век будут помнить тебя.

О, грозная пика, в бою с деспотизмом
Ты многих от рабства спасла.
Ты нго даризма, могуча и грозна,
Как вихрем в пучину снесла.

Много песен и стихов посвящено памяти погибших в борьбе за свободу. К их числу относятся такие, как «Смерть партизана», «Памяти погибших от рук белогвардейцев», «Павшим героям», «Похоронный марш».

Неизвестный автор в стихотворении «Памяти погибших от рук белогвардейцев» пишет:

Когда в Орлеане пылали
Скирды и жилища людей.
Сражённые пулями пали
Борцы наших общих идей.

Их хладные трупы лежали
В различных местах по селу,
Потоками кровь лишь бежала,
Застыв на холодном снегу.

Всю ночь кровопийцы водили
Несчастных людей под арест,
А утром их всех расстреляли.
Тяжёлый достался им крест.

Партизаны слагали свои похоронные марши. Так, например, у ишимских партизан был похоронный марш, сложенный по образу революционного похоронного марша «Вы жертвою пали».

У алтайских партизан также был свой похоронный марш.

Вы жертвою пали в борьбе с Колчаком,
Геройство вы все оказали,
Вы первые грудью пошли на врагов,
Свободу труда защищали.

Вы жизнь положили в борьбе роковой,
Вы братство в народе искажи,
Вы красное знамя несли пред собой,
Свободе вы путь пролагали.

Вас много погибло в кровавом бою,
Геройски вы дрались с врагами,
Но вы добывали свободу свою,
И шли вы стальными рядами.

Вы спите спокойно в могиле сырой,
Мы вечно про вас не забудем,
За ваше мученье, геройскую смерть
Врагам беспощадно мстить будем.

Мечтал самозванец нас всех истребить,
Хотел надеяться над нами,
Чтоб вечно работали мы на него.

Но нет, не придётся ни нас истребить,
Над нами луч яркой свободы,
Мы красное знамя вперед вознесём,
За нами пойдут все народы.

Сотрём мы буржуйское знамя, согрём,
Растопчем его под ногами,
Чтоб не было нигде у нас никогда,
Тиранинства чтоб мы не видали.

Долой цепи рабства, буржуйский режим,
Нам нужно советское право.
За красное знамя погибли борцы,
Да будет им вечная слава!

Победоносное движение алтайских партизан, поддержанное могучими ударами Красной Армии, закончилось поражением белых. Многие партизанские песни говорят об ожидании прихода героической Красной Армии, своей надежды, защитницы и опоры.

Одна из песен запечатлела радостный момент встречи алтайских партизан с Красной Армией. В этой песне неизвестный партизанский поэт даёт клятву бороться с ненавистным врагом до полной победы.

Да здравствует красная рать!
Мы клянёмся тебе до победы
Колчака всё гнать и гнать!

Песни алтайских партизан запечатлели также моменты разгрома Колчака и бегство белогвардейцев из пределов Алтая.

О разгроме Колчака рассказывается в песнях «Коробочка», «Судьба Колчака», «Доля Колчака», «Горе Колчака». Все они носят пародийный, сатирический характер. В песне «Коробочка», являющейся подражанием некрасовской песне «Коробейники», рассказывается о бегстве Колчака на восток под могучим натиском Красной Армии.

Вот палач Колчак ругается
На сибирских зипунов,
Что не хотят подчиниться,
Не дают своих сынов...

Пойду, выйду я из Омска
Да к Иркутску погляжу,
Не увижу ль там японцев,
У них денег попрошу...

О паническом бегстве, о кошмарах, преследующих кровавого адмирала, окружённого со всех сторон восставшим народом, рассказывается в песне «Судьба Колчака», построенной в виде монолога «омского правителя».

Пики, вилы, топоры,
Они с ума меня свели.
Куда ни гляну: везде раб,
Хоть собакой теперь вой.

По Иркуту и Оби
Везде видны пикари.
Послал пики я карать, —
От пик стали удирать.

Страшна пика, как футас,
Про то думал я не раз.
Пулемёты все отбиты
Винюваты в этом пики.

Будь ты проклята, змея,
Что же буду делать я.
Лягу спать — вижу во сне:
Пика движется ко мне.

Нам не время теперь спать,
Скорей нужно удирать,
А бежать нам на восток,
Тоже всадят пику в бок.

Хотя речку теперь пой,
Пришлось платиться головой.

К циклу песен о разгроме и бегстве Колчака относится также песня «Доля Колчака».

Ах, ты, доля, доля злая,
Доля Колчака!
Тяжела ты, безотраднa.
Тяжела, горька!

Не твою ли, Колчак, склу
Левин покачнул,
Всё он войско твоё в поле
Разметал, раздул.

И не твой ли, Колчак, в Омске
Повалился троя,
И не твой ли солдат-воин
Ходит босиком?

Не твои ли командиры
Мчатся на восток,
И не ты ль, Колчак, в догонку
Мчишься без порток?

О широком распространении песни «Доля Колчака» среди сибирских партизан свидетельствует вариант, бытовавший среди шиткинских партизан.

После разгрома Колчака в Сибири была восстановлена советская власть. Но перед советской республикой выросла новая опасность: на страну напали белополяки. Многие алтайские партизаны пошли защищать Родину. Призыв на борьбу с польскими панами нашёл выражение в стихотворении «Песня о Соколе-Партизане», написанном партизаном Ф. И. Архиповым в апреле 1920 года.

Был Колчак, отнял свободу,
Рабством щедро наделил.
Будь ты проклят, изверг лютый!
Человек скучал о воле,
Ведь он видел дни свободы,
Дни, когда он, гражданин,
Был хозяин своей жизни.
Направляя свои мысли,
Ум и волю лишь на то,
Чтоб устроить жизнь народу,
Чтоб свободу закрепить.
Тот, кто видел день свободы,
Тот не может быть рабом.
И тогда он, полный веры,
Кликнул клич всем униженным.
Всем рабам и оскорбленным:
— Гей, кому нужна свобода,
Кто не хочет быть рабом,
Бери с собою пику
И в наш лагерь приходи...
Мы с врагами будем биться!
Верь, что наше дело право.
И опасней битв дотоле
Свет не видывал ещё!
Два врага непримиримых —
Капитал и труд — сошлись.
И дрались огнём, железом
В поле ратном два врага!
Их смиряла только смерть.
Но в мёртвые всё также
Бой в чертах лица хранили,
Словно там, за гранью жизни,
Свою битву продолжали!
Как дремучий ветер трещет скал громады
И не может сокрушить их,
И уходит прочь разбитый
Умирать в морские дали. —
Тихо о красные громады
Сила чёрная разбилась.
И на ратном поле тихо.
Снова радость, снова солнце,
Гей, товарищ! Снова враг перед тобой,
В бой последний,
В бой с панами — капиталом!

Стихотворение написано под несомненным влиянием «Песни о Буревестнике» М. Горького. Оттуда заимствован ритмичный склад, некоторые образы, сравнения. В центре — образ героя-партизана,

мужественно защищавшего свободу народа, храбро сражавшегося против врагов родной земли. К нему обращены заключительные призывные строчки стихотворения.

Таков неполный обзор содержания и характера поэзии алтайских партизан. Разнообразие её показывает, что песня и стих сопутствовали партизанам, что в них отразились мысли и чувства борющихся масс, их патриотизм, ненависть к врагу.

Поэзия алтайских партизан, воодушевлявшая их на героическую борьбу против белогвардейщины, отражает патриотизм трудящихся масс, их горячую любовь к партии Ленина-Сталина. Эта поэзия является яркой художественной страницей в боевой истории Алтая.

*

Исправленная ошибка

(Записки судьи)

Рокаев возвращался домой. Мысль о том, что сейчас он увидит жену, вызвала у него довольную улыбку. Он ускорил шаги. Пересекая городской сад, он по-новому ощутил весну. Запах цветущей сирени слегка кружил голову, приятно волновал.

Однако, дома Наташи не оказалось. Небрежно брошенный на диван халатик, незакрытый шкаф как бы говорили о том, что она куда-то спешила. На столе лежала записка.

«Николай, пообедай в столовой. Мне спешно надо сделать несколько покупок. Не забудь поговорить с Глушко».

Рокаев улыбнулся. С большой фотографией на него смотрело молодое, весёлое лицо.

«К Глушко надо обязательно пойти, сейчас же» — решил Рокаев.

...

Известный полтавский адвокат Глушко, отпустив посетительницу, посмотрел на стальные часы. Ему через полтора часа надо было выступать в облсуде по большому уголовному делу. Следовало ещё раз просмотреть материалы, подумать над речью. Глушко открыл уже ящик стола, чтобы достать дело, как в дверь постучали.

— Да, пожалуйста, — ответил адвокат и, захлопнув ящик, приготовился к приёму нового посетителя. О большом уголовном деле он, казалось, забыл.

Вошёл Рокаев. По его внешнему виду Глушко почувствовал, что перед ним человек с образованием, с большим жизненным опытом, и поэтому его просьба написать заявление о расторжении брака удивила адвоката. В то же время ему было приятно, что такой человек обратился к нему за советом. Он подробно разъяснил порядок расторжения браков, познакомил с законодательством по этому вопросу. Рокаев слушал внимательно, но всё же не мог понять — как может суд отказать ему в иске, раз он пять лет не

живёт с семьёй. Ему необходимо расторгнуть брак. Он считал, что нерасторгнутый первый брак омрачает его жизнь с Наташей.

— Сколько времени вы жили с женой?

— Двадцать лет, — ответил Рокаев.

Адвокат удивлённо посмотрел на него, побарабанил пальцами по столу.

— У вас есть дети от первого брака?

— Дочь, учится в институте.

— Почему же вы считаете невозможным совместную жизнь с семьёй?..

— У нас нет ничего общего.

— А дочь, её воспитание? Разве это вас не связывает?

— Дочь уже не нуждается во мне. Она обеспечена, я помогаю ей. В этом отношении моя совесть чиста. К тому же, смешно говорить о воспитании взрослого человека. Наконец, надо понять, что нельзя вычеркнуть пять лет жизни со второй женой. Мне с ней легко и спокойно, я счастлив. Этого счастья не было с первой женой, — сухо, с некоторым раздражением сказал Рокаев, искоса поглядывая на Глушко.

— Мне непонятна причина расторжения брака. Кто из вас первый ушёл из семьи? — спросил Глушко после некоторого раздумья.

— Никто не уходил. Я служил на западной границе. С началом войны жена и дочь выехали в Алтайский край. В конце войны я был ранен и оказался в госпитале в Полтаве. По выздоровлении меня оставили работать здесь.

— Во время болезни жена приезжала к вам? — перебил Глушко.

— Да, но переезжать ко мне совсем я ей не советовал. Я не хотел прерывать учёбу дочери. Мы условились, что будем жить в Барнауле.

— Потом вы встретили другую? — улыбаясь, спросил Глушко.

— Вы угадали, — ответил Рокаев.

— Всё-таки мне остаётся непонятным, что вы считаете причиной для расторжения брака? Суду нужны веские основания. Рокаев поморщился.

— Я всё рассказал. Впрочем, вы можете указать, что жена неосновательно ревновала меня, устраивала неприятные сцены.

— Вы докажете это?

Рокаев покраснел. Он понял, что адвокат не верит ему.

— А если жена даст согласие на развод? — спросил Рокаев, умышленно не отвечая на поставленный вопрос.

— А даст ли?

Рокаев задумался, неторопливо вытер платком лицо.

— Не знаю. После того, как я сообщил ей о своей женитьбе, она возвращает мои письма нераспечатанными.

— Значит, первый брак не принёс вам ничего хорошего?

— Почему же? Я объективен. Жена была неплохой хозяйкой, хорошей матерью, образованным, знающим делом библиографом.

Были и хорошие времена в нашей жизни. Однако, всё таки счастье принесла мне вторая жена, и это счастье я решил отстоять.

— Как фамилия вашей второй жены, если не секрет? Я местный, и многих в городе знаю.

— Извольте, — Белокопытова.

Глушко изумился — так вот кто вторая жена Рокаева. Дочь его давнишнего приятеля. Она, конечно, она. Ведь недавно мать этой 25-летней избалованной девушки хвалилась удачным замужеством своей Наташи. Всплыло в памяти и другое — нехорошая история с девушкой, вызвавшая её исключение из института.

Глушко стало тяжело продолжать разговор с Рокаевым. Как советский юрист, он испытывал глубокое уважение к закону, и заявление о расторжении брака хотел обосновать достаточно вескими и убедительными мотивами. Но беседа с Рокаевым показала, что таких доводов не найти. Хорошо зная Белокопытову, адвокат невольно почувствовал уважение к первой жене клиента.

— Знаете, товарищ Рокаев, вряд ли вам нужна моя помощь. Напишите заявление сами. От вас не потребуют ссылок на закон и вы лучше меня обоснуете свою просьбу.

— Простите за беспокойство, — поднимаясь, сухо сказал Рокаев.

•••

Из разговора с адвокатом Рокаев заключил, что для благоприятного исхода своего иска ему необходимо добиться от жены согласия на развод. Поэтому, получив отпуск, Рокаев приехал в Барнаул.

Квартиру жены он нашёл без труда. На его стук ответил чистый, молодой голос. Рокаев узнал голос жены, и тёплые яркие воспоминания охватили его. Он переступил порог с чувством вины перед женой.

Хотя Рокаев предупредил жену о своём приезде, всё же ей тяжело было встретиться с ним. Усилием воли она подавила в себе боль, обиду, и заставила себя быть только вежливой хозяйкой, принимающей гостя. Она сухо поздоровалась с Рокаевым.

Раздеваясь он скрипел ремнями, звенел орденами. Рокаева отметила, что он выглядит молодо, совсем неплохо для своих лет. Рокаев, в свою очередь, с удовлетворением заметил новые морщинки на её лице, бледность, седину на висках. Только фигура её по-прежнему оставалась молодой и стройной.

— Ты разреши мне быть гостеприимной. Я напою тебя чаем.

— Не откажусь, — согласился Рокаев. — А где же Надя?

— Она в институте.

Пока Елена Васильевна готовила чай, Рокаев начал разговор, к которому давно готовился.

— Знаешь, Лена, я поступил по отношению к тебе так, как требовала моя совесть. Я пришёл к убеждению, что нам нельзя жить вместе. Мы не могли разойтись раньше потому, что у нас была маленькая дочь. Теперь у нас нет никаких препятствий... В 1943 году я известил тебя о том, что связал свою жизнь с другой женщиной. Я не скрывал от тебя ничего. Теперь я прошу тебя дать мне развод... Знаешь...

— Нет... Нет... — перебила Елена Васильевна, — не беспокоюсь, я возражать не стану. Прошло столько времени, и ты давно для меня стал безразличен.

Слова жены неприятно поразили Рокаева. Он приготовился к упрекам, к возражениям, а она так легко согласилась на развод и, больше того, даже сказала, что он для неё безразличен.

— Но почему ты раньше возражала? — не удержался Рокаев.

— До потому, что тогда я ещё уважала тебя, у меня не было к тебе... — она перевела дух... — брезгливости.

— Оставим это, Лена. Я пришёл к тебе, чтобы поговорить с дочерью и мирно договориться о разводе.

Рокаев поднялся с места и зашагал по комнате.

В коридоре часто застучали каблучки.

— Надя идёт, — словно про себя, сказала Елена Васильевна.

Девушка вошла шумно и быстро. Её лицо как будто ещё не остыло от солнечных лучей, даже в глазах, казалось, играли солнечные зайчики. При виде отца Надя растерялась. Портфель вылетел из рук, книги посыпались на пол...

— Папа

В её голосе было столько искренней радости, что Рокаев почувствовал, как на его глазах выступили слёзы. Он долго целовал дочь, он не мог оторваться от её лица. Елена Васильевна, видя это, до боли закусил нижнюю губу. Она была готова простить мужа и умолять его о возвращении к семье. С трудом она овладела собой и сухо спросила:

— Ты когда думаешь уезжать?

— Ах, вот ты о чём, — словно проснувшись, ответил Рокаев. — Как закончу дела, тотчас же уеду.

— Разве ты не совсем к нам, папа? — удивлённо спросила Надя, не выпуская из рук локоть отца.

— Нет, я в отпуск приехал, — смущённо сказал Рокаев.

Впервые после войны они оказались за семейным столом. Рокаева счастливо улыбалась. Ведь так могло быть всю жизнь. Но тут же она подумала о том, что муж приехал на время, для того, чтобы навсегда порвать с ними.

Надя внесла непринуждённость, объединила семью. Расспросила о том, как отец воевал, за что получил награды. Слушая голос дочери и отвечая на её вопросы, Рокаев вспомнил долгие годы совместной жизни с Еленой Васильевной, жизни, полной лишений, тревог, разлук и счастливых встреч. Вспомнил Лену у изголовья дочери, а затем и у своего собственного, когда он был тяжело болен.

— Папа, значит ты не будешь с нами жить? Ты совсем ушёл от нас? — спросила Надя. Её синие глаза смотрели укоряюще и грустно.

Рокаев растерялся и ответил невпопад:

— Наденька, я приехал устроить кое-какие дела с матерью и повидаться с тобой.

— А... — разочарованно протянула Надя.

Жгучий стыд бросился в лицо Рокаеву.

— Я ещё приду сегодня, — зашпешил он. — Мне надо поспеть во многие места.

— Ты напрасно волнуешься, Николай, — Елена Васильевна впервые назвала мужа по имени, — можешь свободно распоряжаться своим временем.

От этих слов Рокаеву стало больно. Он понял, что его чувства к семье не остыли, что только нелепые обстоятельства толкают его на развод. Нестерпимо хотелось, чтобы жена удержала его. Он ждал этого и от дочери. Рокаев нарочно задержался у вешалки, но Надя помогла ему одеться. Он медлил уходить.

— Выросла ты, Надя, похорошела, — похвалил дочь Рокаев. — Как ни храбрись, а старики мы с тобой, Лена.

У двери Рокаев остановился. Ему не хотелось уходить из этой уютной комнаты, где хозяйничает умная женщина, где находится его дочь. Он не нужен им, они молчат. Он нарушил тягостное молчание:

— А знаешь, Лена, как неприятно, что чужие, совершенно чужие люди будут копаться в нашей личной жизни, в наших душах.

— Значит полезно в этих душах копаться, если государство позволило суду вмешиваться в семейные дела. Государство вправе спросить у нас отчёта, как мы прожили жизнь.

Лицо Рокаева выражало усталость, напряжение.

— Я приду обязательно, — Рокаев взялся за ручку двери. В нём уже не было той молодцеватости, с какой он вошёл. Казалось, мысли, которые он уносил отсюда, тяжёлым грузом легли на плечи.

Когда захлопнулась дверь, Елена Васильевна бессильно опустилась на стул, положив голову на руки. Подошла Надя и бережно коснулась головы матери...

* * *

Народный суд не примирил Рокаевых. Окончательное рассмотрение дела было перенесено в краевой суд.

...Зал краевого суда был полон. От волнения у Рокаева перехватило горло, и когда председательствующий спросил, понятны ли ему его права, он с трудом нашёл силы для ответа.

Суд огласил заявление Рокаева. Он писал, что жена на протяжении всей их совместной жизни неосновательно ревновала его, публично устраивала ему скандалы, создавала невозможные условия для работы.

Елену Васильевну, так же, как и в народном суде, где их пытались примирить, возмутила эта ложь. Ей хотелось крикнуть, что это неправда, но она сдержалась, сжала от волнения руки, с презрением посмотрела на мужа. Он почувствовал этот взгляд и, краснея, опустил голову.

Рокаев решил добиться развода любой ценой. Когда его спросили, поддерживает ли он иск, он ответил утвердительно. Рокаев подтвердил доводы, изложенные в заявлении, тоном человека, уверенного в своей правоте.

Председательствующий обратился к Елене Васильевне:

— Ответица Рокаева, вы попрежнему даёте согласие на развод?

— Да, — ответила она.

Рокаев облегчённо вздохнул. Теперь он не сомневался в том, что его просьба будет удовлетворена. Не может же суд отказать в иске, когда об этом просят оба супруга. Но оказалось, что суду надо было доказать не только «правоту» Рокаева, но и необходимость расторжения брака.

Вопросы суда были похожи на вопросы адвоката, с которым он советовался в Полтаве, но ставились они резче, прямее, убедительнее. Вопросы членов суда и прокурора заводили Рокаева в тупик, и ему снова приходилось прибегать ко лжи или отмалчиваться.

Когда суд приступил к допросу Елены Васильевны, Рокаев насторожился. На вопросы суда о её возрасте, девичьей фамилии, имущественном положении. Елена Васильевна отвечала ясно и спокойно.

Председательствующий снова спросил, — даёт ли она согласие на развод или считает возможной совместную жизнь.

Рокаева задумалась. Она вспомнила годы хорошо прожитой совместной жизни.

— С иском я согласна и настаиваю на расторжении брака, — твёрдо, не выдавая своего волнения, сказала Елена Васильевна. — Но, вместе с тем, утверждаю, что мотивы, которые Рокаев положил в основу своего заявления, являются ложью. В этом вы можете убедиться по нашей переписке, которую я приобщила к делу. В письмах отражена вся наша жизнь, отношения Рокаева к семье. Основная причина разрыва наших отношений — уход Рокаева к другой женщине. Почему я даю согласие на развод? Рокаев опорочил нашу хорошо прожитую жизнь. Если бы он не солгал, не оклеветал меня, я поступила бы иначе и настаивала бы на отказе Рокаеву в расторжении брака.

От слов жены Рокаеву стало не по себе. Во время речи прокурора он думал о том, что жена права. Он оклеветал её — жену, мать. Это нехорошо, подло. «Что подумает обо мне Надя, когда узнает об этом?»

...Прокурор заканчивал своё выступление.

— У Рокаева хорошая семья. Жена и муж раньше понимали друг друга. Жена не мирилась с недостатками мужа, он соглашался с ней, старался исправиться.

Случайная встреча нарушила слаженную жизнь семьи и грозит разбить её. Практика Верховного Суда показала, что случайная связь не может служить основанием для расторжения брака...

После совещания суд вынес решение. Оно было неожиданным для Рокаева. В иске о расторжении брака ему отказали.

Супруги не обжаловали решения суда, и оно вступило в законную силу.

С чувством душевной неуравновешенности покидал Рокаев город. К жене и дочери он не зашёл. Ему казалось, что он навсегда лишился своих самых близких и дорогих людей.

* * *

Почтальон вручил Рокаевой заказное письмо от мужа. После некоторых колебаний Елена Васильевна вскрыла конверт.

«Дорогая Алёнушка! — писал Рокаев. — Я знаю, что не имею права называть тебя так, как называл в дни нашей счастливой молодости. Прости меня за это.

Ты, как всегда, оказалась права. После мучительных раздумий я понял свою вину. Моя жизнь с Белокопытовой оказалась ошибкой. Два месяца назад она покинула меня.

В течение двух месяцев я думал о тебе, о дочери, о наших отношениях. Мне стыдно перед вами, мои дорогие!

Хорошо, что судебные органы отказали мне в иске, и я не связал себя записью в ЗАГС'е с этой женщиной. Не думай, что я пишу это с тем, чтобы пробудить в тебе жалость. Нет, сегодня я понял, что не переставал тебя любить. Когда я приезжал к вам, то хотел просить у тебя прощения, но мне помешала трусость. Мне страшно подумать, что ты перенесла за эти годы, моя родная Лена.

Я знаю, моя славная дочурка любит меня попрежнему. Алёнушка, если Надя замолвит за меня словечко, не сердись на неё. Она вправе это сделать, так как она моя дочь.

Когда-то твой Николай».

— Мамочка...

Елена Васильевна вздрогнула. За её спиной стояла дочь.

— Мамочка, извини меня, я прочитала... Значит, папа вернётся к нам?

Елена Васильевна молчала. Опустив руку с письмом, она глубоко задумалась. Потом медленно повернулась к дочери и нежно коснулась пальцами её волос.

— Я думаю, что вернётся.

Надя радостно засмеялась. Улыбнулась и Елена Васильевна.

В одном районе

(Из блокнота корреспондента)

1. ГЛУБИНКА

Глубинный сибирский район...

Уже запорошены первым снегом поля и степные просёлки, укутались в белые пуховые одежды горные увалы, зубчатой стеной тянется вечно-зелёный хвойный лес. Ясными ночами, когда утихает позёмка, тонко потрескивает ледяная гладь речек и родниковых ручьёв. Родной, милый сердцу, русский пейзаж.

Прежде в глухую зимнюю пору жизнь в предгорных сёлах замирала. Кончался сельскохозяйственный сезон, и крестьянин в нужде коротал долгие зимние месяцы, перебиваясь «с хлеба на квас».

Дореволюционное глубинное село зимою являло собой образец скуки и одичания: вровень с крышами засыпаны снегом подслеповатые избёнки; жалобно стонут на ветру колодезные журавли, непролазные сугробы замели кривые улицы и переулки. Весь вечер не блеснёт в расписанном узорами окне яркий приветливый огонёк. Тоска. Бедность. Глухомань.

О сибирской тёмной стороне, о её страждущем жителе писал Чехов в путевых очерках «Из Сибири».

«...9 месяцев не снимает... рукавиц и не распрямляет пальцев: то мороз в 40 градусов, то луга на 20 вёрст затопило, а придёт короткое лето — спина болит от работы и тянутся жилы. Когда уже тут рисовать? От того, что круглый год ведёт он жестокую борьбу с природой, он не живописец, не музыкант, не певец. По деревне вы редко услышите гармонику и не ждите, чтобы ямщик затянул песню».

Чудесные перемены принесло с собой Советское время! Посмотришь на карту района, исполненную несмелой рукой местного чертёжника: от центрального села Алтайского, которое через несколько месяцев отметит своё столетие, — на юг и восток пролегли жирные линии грейдера. По зимнему ненаторённому первопутью — в город и обратно — движутся грузовики, подводы с хлебом, мануфактурой, культурными товарами, машинами...

Сталинская идея районирования советского государства нашла здесь своё живое воплощение. За двадцать пять лет глубинный район окреп, открыл широкую дорогу для быстрого роста производительных сил. На его обширной территории — в степях западной полосы, в предгорных долинах севера, в горах юга, на берегах тридцати двух речек и ключей — расселились семьдесят восемь деревень и посёлков. Возникли новые отрасли производства. Карту испещрили кружки, звёздочки, кубики разнообразных расцветок — это рудники, лесные участки, сельские гидростанции, радиозлы, машинно-тракторные станции, мастерские.

Тончайшие пунктиры лесозащитных полос обозначили границы клеток севооборотов. Флажки деревенских новостроек виднеются то здесь, то там. И всматриваясь в условные знаки экономической карты, начинаешь понимать, сколь богато, сколь разнообразно хозяйство района.

Когда-то эти далёкие места посетили разведчики иностранных компаний. Хищники английского и французского капитала здесь, в Сибири, искали новую «Голконду». Даровыми руками они хотели набить свои сундуки редкими металлами. Но земля для иностранных хищников оказалась скупой, неподатливой.

— Ту чудесную землю открыли советские люди! — посмотрел на карту председатель Алтайского райисполкома Анфилофий Иванович Казаков.

Он подошёл к широкому окну: взору открывалась заснеженная гряда валунов. Вправо, за каменным горным выступом, белела равнина Казаков, уже седой, испытанный жизнью человек, молчаливо наблюдал зимнюю картину.

— Под глубоким покровом лежат невиданные по силе чернозёмы предгорий, — указал Казаков в окно. — Что они родили прежде? Пшеницу, овёс, коноплю. Настала колхозная пора. Десятосто сельхозартелей и четыре тракторных станции района, вооружённые новейшими машинами и орудиями труда, глубоко взрыхлили девственную целину. Мичуринская наука осветила путь земледельческой практике. Ныне глубинка даёт не только яровое, но и озимое зерно, масличные культуры, семена трав, махорку, фрукты.

Анфилофий Иванович пригласил нас в районный агрономический кабинет — он разместился этажом ниже. В просторной комнате, заново оборудованной, стояли тугие снопы пшеницы — экспонаты двадцати передовых звеньев. Этикетки на снопах говорили сами за себя: урожай, выращенный звеньями, превышал 150—170 пудов.

На низеньких столиках аккуратно лежали пучки вики, льна, горки кукурузы, корнеплодов. Одну сторону кабинета целиком занимали стенды колхоза имени Мичурина — рассадника новых сортов ягод и фруктов. В горшочках с землёй были высажены саженцы яблонь, груш, крыжовника. И этот рядок живых растений придавал агрокабинету домашний, уютный вид.

— Наши сёла мало ещё имеют таких кабинетов. А они нужны, ой как нужны! — пожаловался председатель райисполкома. — Хотелось бы в каждом колхозе иметь научную базу.

— И это будет, Анфилофий Иванович! — подхватил агроном Гринь. — Давно ли мы и не помышляли даже об агрономических кабинетах. Сказали бы вы тогда иному председателю артели о севе яровой пшеницы под зиму, вас сочли бы за неисправимого чудака. О фруктах слушали с недоверием: «Яблоки у нас, в предгорьях? Занимайтесь, батенька, лучше исконным картофельным делом!» Жизнь посмеялась над скептиками. Наука вторглась в колхозную практику, оплодотворила её.

Гринь говорил это просто, деловито, но с огромным внутренним убеждением. Он осведомился у агронома-консультанта, сколько уже скомплектовано сельскохозяйственных библиотечек, и с удовлетворением добавил:

— Тридцать библиотечек уже послали в район, а заявки идут и идут. Народ хочет познакомиться с трудами передовых русских учёных, он тянется к книге, идёт на лекции, слушает радио. Всенародное движение за науку! — сделал вывод Гринь.

Неудержимо хлынула в глубинку советская новь. Вещественное тому доказательство — десятки гидростанций, сельских культурных очагов, созданных совсем недавно. На пустырях выросли новые посёлки, в старых селениях появились архитектурно-оформленные, обсаженные зеленью улицы, кварталы. Колхозным посёлкам присваиваются радостные имена: имени Сталина, Мичуринское, «Красная Горка», «Заря Востока»...

В некогда тёмной, придавленной нуждой, деревне вспыхнул яркий электрический свет. На быстрых горных речках района сооружено тридцать колхозных гидростанций. Электричество осветило более 1700 квартир колхозников и служащих. Тридцать станков тракторных мастерских, десятки молотильных и зерноочистительных агрегатов, мельниц, крупорушек приводит в движение электричество.

И здесь нужно сказать о деревенском энтузиасте, радеющем о благе своего района. На одном из пленумов райкома партии всеобщее внимание привлёк невысокий человек. Это был местный плановик Павел Андреевич Мичков. Несколько лет Мичков рылся в архивах, выезжал с краеведами к речкам и родникам, беседовал со старожилками и выносил идею сплошной электрификации района. Свой план Мичков назвал «мероприятием первой очереди».

У него были смелые расчёты и заманчивая мечта: обуздать строптивые горные реки — Катунь, Песчаную, Каменку, Сарасу и, умело используя их гидроресурсы, через пятнадцать лет создать мощную энергетическую базу. Густая сеть предприятий, электрифицированных мастерских, бытовых учреждений покроет предгорную полосу. И потому, что расчёты Мичкова имели под собой реальную почву, а замысел был увлекателен и смел, — коммунисты поверили Павлу Мичкову.

Прошло совсем немного времени, и мечта энтузиаста стала воплощаться в жизнь. В строй уже вступили объекты «первой очереди».

Созидательная энергия глубинки аккумулируется в районном центре. Сюда, в районный Совет, избранный два года назад, тянутся нити государственного управления. Руководимые партийной организацией, депутаты, служащие учреждений самоотверженно проводят в жизнь государственную политику.

Время подвергло суровой проверке формы и методы работы Советов. Всё старое, негодное отброшено с пути. Народилось новое, непрерывно прогрессирующее. Недавно исполком районного Совета, желая подвести итоги двухлетней деятельности, распространит среди партийных, советских и колхозных работников района короткую анкету. Она состояла из двух вопросов: что нового подмечено в практике местных Советов, и что ещё мешает плодотворной работе советского аппарата?

На призыв исполкома охотно откликнулись семьдесят активистов. Выражая мнение трудящихся, они отмечали положительные стороны в хозяйственном и культурном строительстве, бичевали бюрократизм и рутину, указывали на лишние звенья аппарата, вносили ценные предложения. Во всём этом проявилось высокое чувство гражданского долга.

Учитель Виктор Георгиевич Неживых ответил на анкету:

— На мой взгляд, районный Совет и его исполком укрепили связь с народом. Я часто вижу депутатов среди избирателей. Просьбы учителей и школьных работников, направленные в советский орган, не оставались без внимания. Так и должно быть! Сила нашей власти — в поддержке масс, высокое предназначение депутата — в ревностном служении обществу.

Выполняя волю двадцати двух тысяч избирателей, районный Совет и его исполком нашли гибкие формы общения с трудящимися. В учреждениях появились справочные столы, чаще стали собираться сельские сходы граждан, практикуются выезды депутатов в избирательные округа.

Массовая работа среди населения особенно оживилась теперь, когда деревня подводит итоги напряжённого сельскохозяйственного года. Глубинка потрудилась в полную меру своих сил. Миллионы пудов зерна отравлены на государственные склады, засыпаны семенные и фуражные фонды. Натуральный заработок колхозников превысит двести сорок тысяч пудов хлеба; такого достатка давно не знала предгорная деревня.

После завершения сельскохозяйственных работ, во всех тридцати трёх избирательных округах проходили депутатские отчёты. Мы были в Заречье, Тоураке и Макарьевке, где перед своим избирателями выступали депутаты Иван Григорьевич Табакаев, Филимон Фёдоров и Клавдия Шарыкина. Исполком наметил конкретную тему депутатских отчётов: как в районе реализуется план культурно-бытового строительства.

И вот рядовой сельский человек, слушая своего избранника, радовался цифрам, впервые им услышанным: за год открыто пятьдесят клубов, изб-читален, медицинских пунктов, спортивных площадок, двести пятьдесят семей вселились в новые дома. Расходы на культурные нужды превысили двести тысяч рублей. Человек из глубинки, затерянной в сибирских снегах, своими глазами видел, как преображалась родная сторона. Перед ним раскрывался светлый советский мир.

В повседневный обиход районного учреждения вошёл строго регламентированный план. Его обязательные элементы: точное время личная ответственность, контроль за исполнением. Секретарь райисполкома, бывший учитель Владимир Васильевич Молодых настойчиво прививает аппарату навыки планирования, культуры труда.

— Продуманный план — это цемент, который скрепляет в единую цепь все звенья советского аппарата, — образно заметил Молодых.

Сотни людей — служащих, специалистов, практиков, депутатов вовлечены в творческий процесс планирования. Месячный план исполкома обсуждается в отделах, в его составлении участвует большинство постоянных комиссий. В сентябре и октябре депутаты внесли на исполком двадцать новых злободневных вопросов. Многие из них были подсказаны письмами трудящихся.

Чётко продуманное планирование позволило исполкому и его отделам охватывать наиболее актуальные практические темы, освобождая повестку от мелких второстепенных дел. При отделах райисполкома теперь действуют постоянные совещания. Они помогают руководителю оперативно решать назревшие вопросы. План освободил районных работников от ненужной заседательской суетни.

В исполкоме подсчитали: обстоятельнее подготавливая материалы, установив жёсткий регламент, члены исполкома и докладчики только за десять заседаний сэкономили более восьмисот часов рабочего времени. Вот резерв для учебы, совершенствования, культурного отдыха!

Новое в работе районного исполкома — его прочная, постоянная крепнущая связь с местными Советами, колхозами, производственными артелями. Ещё недавно сотни уполномоченных района наводняли глубинку. Были среди них ответственные товарищи, которых райисполком отрывал от своего, в высшей степени важного дела. Были люди нерадивые — им бы только «в пень колотить». Посылая в деревню уполномоченных, райисполком преследовал благую цель, а в сущности лишал низовых работников самостоятельности, сковывал их инициативу. Работник сельского Совета, местный хозяйственник привыкал к тому, что район его опекал, подхлестывал.

Эта мнимая «оперативность» стоила государству больших средств и сил, но результаты от неё получались ничтожные. Свыше десяти лет район не выполнял обязательств перед страной. Эконо-

мика двенадцати маломощных горных колхозов не укреплялась, а хирела, советские и хозяйственные кадры района часто менялись.

Следуя указаниям партии, районный исполком решительно изменил стиль своего руководства. Ныне работники советского и партийного аппарата посещают деревню не наскоком, а с определённой задачей, основательно продуманной и осмысленной.

За минувший год райисполком изучил работу восьми сельсоветов из семнадцати. Обследования проводили инструкторы исполкома, финансисты, агрономы, инспектора народного образования, врачи. 60 депутатов и членов постоянных комиссий помогли бригадам. Всесторонний анализ практической деятельности местных Советов помог глубоко вскрыть недостатки в их работе, своевременно устранить их, предупредить ошибки.

Забрала ключом хозяйственная инициатива «низов». И то, что предгорный район успешно справился с государственным планом хлебозаготовок, укрепил свой бюджет, развернул большое культурное строительство и подготовил добрую встречу новому хозяйственному году, — в этом видны первые, уже ощутимые результаты перестройки.

Люди сибирской глубинки своими мыслями и творческими делами устремились вперёд, в светлое будущее.

II. СЛУЖАЩИЕ

В девятом часу утра широко распахиваются двери Дома Советов.

Группами и в одиночку, пожилые и ещё совсем юные, входят под своды деревянного двухэтажного особняка сто пятьдесят сельских служащих. Плановики, агрономы, налоговые агенты, счетоводы, врачи, инспектора, машинистки... Входят как полноправные хозяева и доверенные лица народа, строители счастливых судеб своего района.

И с того раннего часа жизнь советского учреждения принимает размеренный трудовой ритм. Идёт деловой приём, даются справки и консультации, слушаются отчёты низовых работников. Прибывшие из далёких сёл люди — в тёплых сибирских борчатках, тулупах, дохах — выскакивают из кошюков и розвальней, хлопают в рукавицы, приплясывают на морозе, а затем шумно расходятся по отделам исполкома. У дверей парадного входа постоянно клубится холодный пар, оседая пушистым куржаком на окнах и косяках.

Посетитель, переступив порог советского учреждения, чувствует радушие и сердечную отзывчивость. Не надменный чиновник

с холодным, рыбьим взглядом встречает его, а участливый советник, государственный деятель. Рухнула стена отчуждённости, которая до революции разъединяла простого крестьянина и чиновника. Общность интересов, высокая идейность, коллективизм сплотили все слои населения и явились основой их активного трудового сотрудничества.

Пристально наблюдая будни районного исполкома, видишь подлинно народный, демократический характер нашей власти. Люди самых различных профессий, склонностей, жизненного уклада по разным причинам обращаются за помощью и поддержкой к советскому служащему. Среди посетителей Дома Советов встретишь престарелую мать и заслуженного инвалида войны, застенчивую деревенскую девушку, пожелавшую учиться, переселенца из средней полосы России, колхозного изобретателя.

О ежедневном труде советского служащего, о круге посетителей, с которыми он общается, даёт некоторое представление статистика выданных справок, разобранных заявлений, удовлетворённых просьб. За 10 месяцев в двенадцати отделах райисполкома побывало более тринадцати тысяч сельских жителей. И каждый находил здесь ободряющее слово, деловой совет, доброе наставление. За это время аппаратом получено 2360 жалоб; большинство из них быстро и правильно разрешены. Около 9000 посетителей получили консультации по самым разнообразным вопросам.

Всей силой своего авторитета советский орган охраняет права трудящихся. На одном из заседаний исполкома разбирался вопрос о работниках районного отдела социального обеспечения. Депутаты заявили, что жалобы пенсионеров Бедарева и Зенкова пролежали в столах работников тринадцать дней. Строгое взыскание от исполкома получил руководитель отдела товарищ Собянин. А сам факт задержки двух жалоб послужил сигналом для кропотливой проверки всех звеньев районного аппарата.

Заботы о колхознике, ветеране войны, студенте, многосемейной матери занимают видное место в работе райисполкома и его отделов. Всё увеличивается государственная помощь сельскому населению. За минувший год индивидуальные застройщики получили срок пять тысяч рублей долгосрочных ссуд. Пособия инвалидам войны и труда, а также многодетным семьям составили два миллиона четыреста шестьдесят тысяч; колхозными кассами взаимопомощи выдано одиннадцать тысяч рублей единовременных пособий, нетрудоспособным колхозникам и сиротам из артельных фондов выделены одна тысяча четыреста центнеров хлеба и двести шестьдесят центнеров продуктов.

Но есть ещё другой вид помощи человеку, обратившемуся к своей власти, — близкое участие в его судьбе, моральная поддержка в трудную минуту. Нет меры этой помощи, она проявляется постоянно. Вот мы видим в комнате судьи седого колхозника Дянова. Он приехал из горного села Куяган не по судебному делу. Старику надо внутренне утвердиться в своей правоте.

— С самого начала войны я взял под опеку внука, Володю, — рассказывает Алексей Филиппович Дианов. — Мальчик — надежда престарелых людей. Резвый, смыслённый, ласковый. И в школе он первейший ученик. — Нотка гордости проскользнула в голосе старика. — Родители Володи живут недалеко и не заботятся о сыне. У меня, товарищ судья, беспокойная думка: могут они нас со старухой лишить утешения? Что об этом говорит закон?

— Опека и попечительство предусмотрены советским законодательством, — разъясняет судья Алексеев. — Да настаивают ли родители взять к себе Володю?

— Может и не настаивают, а только меня, старого человека, зыб та берёт. Вот и поехал в такую даль, чтобы успокоиться...

Когда старик Дианов оставил комнату, Алексеев заметил:

— Если бы возникло дело об усыновлении Володи, я уверен, суд склонился бы на сторону престарелого колхозника. Он открыл перед внуком двери жизни, материально обеспечил его. Но меня взволновало другое: беспокойный старик семьдесят километров тащился по тяжёлой дороге, чтобы рассеять свои сомнения. Каким же высоким авторитетом пользуемся мы, представители власти, в глазах простого труженика!

Судья с особой силой подчеркнул последние слова.

* * *

Как отдельные звенья образуют единую цепь, так и различные отделы, ведомства составляют живой организм районного исполкома. В цепи имеются главные звенья. И в районном советском аппарате есть отделы, занимающие ключевые позиции.

Колхозное строительство выдвинуло на передний край районный отдел сельского хозяйства. Это штаб колхозов, разбросанных в различных концах предгорной полосы. Аппарат ведущего отдела наиболее многочисленный и квалифицированный. Семнадцать служащих имеют высшее и среднее образование, остальные учатся заочно и в вечерних школах. Время потребовало от советского работника более высокой квалификации, всесторонней деловой подготовки, больших культурных и политических знаний. Работник районного сельскохозяйственного отдела близко принимает к сердцу вступление нового дня.

Уже несколько лет подряд район уверенно идёт в гору. В десятках сельхозартелей внедрены паро-травопольные севообороты, ценнейшие зерновые культуры размещаются в земельном массиве по парам и осенним заготовкам. Валовые сборы хлебов в районе всё возрастают. Семьдесят колхозов нынче превзошли плановую урожайность, а такие сельхозартели, как «Советская Сибирь», имени Мичурина, «Коммунизм», «Красная нива», сняли ярового и озимого зерна по сто двадцать и выше пудов с гектара на круг.

Теперь выдвигается новая, невиданная по значимости, задача: довести в будущем году средние урожаи зерновых до 150 пудов.

Этим район намеревается увеличить товарность гектара пашни более чем в полтора раза. С началом зимы развернулась упорная подготовка к весеннему бою. В агрокабинетах, сельских лекториях, в мичуринских школах три тысячи двести колхозников изучают законы плодородия почвы. Ежедневно к главному агроному отдела Андрею Михайловичу Гринь приезжают десятки колхозников на консультацию, за советом, просят плакаты, книги, учебные программы. В определённые дни собираются на семинары и совещания участковые агрономы, зоотехники, садоводы. Слушают лекции о передовом учении Мичурина, Вильямса, Докучаева, Лысенко, знакомятся с насущными проблемами земледелия района. На таких семинарах выступают пропагандисты, географы, историки, Герои Социалистического Труда.

— Начинается большое наступление за щедрость земли! — так определил смысл кропотливой зимней работы депутат Яков Григорьевич Шульдяков.

Шульдяков — старейший советский работник района. Коммунист, знаток здешней округи. Более двенадцати лет он беспрерывно работает в земельных органах. Седина посеребрила волосы, кустики морщинок разбежались по открытому лицу.

Слушая Шульдякова и его помощников, убеждаешься в зрелости, идейной убеждённости кадров ведущего советского отдела. Как всё это не похоже на прежнюю волость, где центральной фигурой был писарь — взяточник, зависящий от местных богатеев.

...Бой за щедрость предгорной земли.

Он всё шире разгорается, в него вовлекается ещё больше людей. Не только рядовые полевого дела, но и лесомелиораторы, садоводы, зоотехники ферм, строители артезианских колодцев, гидростанций — люди различных профессий охвачены единым творческим порывом. И не предъявит ли этот, всё нарастающий бой заневиданную производительность земли новые требования к районному штабу сельского хозяйства?

В анкетах, о которых мы упоминали выше, высказано много резких упрёков в адрес сельскохозяйственного отдела райисполкома. Отмечая энергию работников отдела, их повседневную заботу об артельном хозяйстве, депутаты, советские активисты подчеркивают возросшую ответственность государственного аппарата.

— Нужно разгрузить агрономический персонал отдела от канцелярской работы и приблизить его к колхозу, — пишет депутат В. Г. Барабанов. Свой вывод он подкрепляет убедительной справкой. Только в октябре главный агроном должен был исполнить восемнадцать приказов, изданных краевым управлением, сделать двадцать семь письменных запросов, составить три отчёта, тринадцать ответов, пять информаций, дать тридцать восемь письменных указаний.

— Нужно ещё добавить к этому, — продолжает депутат, — что агрономы участвуют в составлении решений исполкома, проводят

обследования. Сколько же времени остаётся для практической работы? Очень и очень мало!

Товарищ Барабанов предлагает укрепить в отделе плано-экономическую группу, поднять авторитет инструктора-ревизора. Он высказывается за полное производственное подчинение машинно-тракторных станций районному отделу сельского хозяйства и ликвидацию института участковых агрономов.

— Эти кадры следует передать колхозам. Тогда мы будем иметь не агронома-регистратора, но агронома-организатора. Осуществив перестановку агрономических сил, только по четырём МТС своего района мы высвободим шестнадцать специалистов и сэкономим государству 96 тысяч рублей, — пишет депутат Барабанов.

Многие замечания касаются зоотехнического персонала, практики планирования, организации семеноводства, сокращения штатов.

Депутат И. С. Казанцев сообщает о низкой культуре животноводческих хозяйств.

— Загляните в годовой бюджет колхозов, — пишет он. — Доходные статьи от товарных ферм незначительны. Причина ясна: продуктивность стада низкая, кормовой рацион отсутствует, племенная работа ведётся непостоянно. А ведь какой богатейшей базой для продуктивного животноводства располагают предгорные села.

Да и сами специалисты отдела понимают, сколь возросла их организаторская роль. Новое время, новые повышенные требования деревни.

Взять хотя бы колхозную экономику. Ещё недавно источники общественных накоплений были бедны. Продажа хлеба, фуража, некоторые денежные поступления от ферм, от рынка. Самые высокие доходы сельхозартелей не превышали пятисот тысяч рублей. В то же время в районе насчитывалось до тридцати колхозов с бюджетом менее чем в сто тысяч рублей. И было так: пополнения счетов в банке не производились, неделимые фонды и капиталовложения ежегодно хирели.

Теперь уже десятки хозяйств пошли по другому, рентабельному пути. В двенадцать миллионов рублей запланированного годового дохода нынче войдут денежные прибыли, полученные колхозами от травосеяния, маслоделия, подсобных предприятий, ремёсел. Впервые, например, продано на сторону сто тридцать тысяч штук кирпича и шестьдесят тонн извести. Факт отрядный и многообещающий.

Назрели вопросы рентабельной работы. Движение за культуру труда, за экономию средств и материалов, так широко развернувшееся в городе, находит сторонников и в глубинке. Деревня живёт большим волнующим днём советской страны.

Чтобы полнее удовлетворить требования колхозов, работник ведущего отдела обязан овладеть экономическими знаниями, все-сторонне изучить многоотраслевое хозяйство. Вот этих-то знаний

им часто и нехватает. На одном из совещаний работников аппарата заведующий отделом Шульдяков с пристрастием расспрашивал:

— Кто может подробно объяснить: из каких элементов складывается себестоимость гектара пашни?

На этот вопрос ответа не последовало. Молчали агрономы, экономисты, руководящие работники. Райком партии теперь организует экономические семинары служащих и колхозных практиков. В двадцати пяти агрокружках, в восемнадцати школах введены беседы по советской экономике. Жаль только, что они нередко носят отвлечённый характер.

Советскому работнику постоянно приходится иметь дело с новейшей техникой, с кадрами механизаторов. Быстро возрастает техническое оснащение животноводческих ферм. Электродоение и электрострижка, механизация водоснабжения и кормодобывания, более совершенные способы переработки животноводческих продуктов — всё это входит в повседневный обиход колхозов. А многие колхозники в глаза не видели новейших механизмов. Им в диковинку кажется электроаппарат и бромсберг. Ознакомить специалистов с достижениями передовой сельскохозяйственной техники — вот о чём следует подумать сегодня же.

Труд советского служащего почётен и славен. Что может быть превыше служения своему народу? И советские работники не щадят энергии ради общего дела. Они жадно тянутся к культуре, к знаниям.

— Мы небольшие винтики, но каждый такой винтик нужен стране, без него не обойдётся, — говорит рядовая работница сельхозотдела Валентина Фёдоровна Сорокина.

Небольшие, но важные винтики, крепящие механизм родного государства.

III. ТЁПЛЫЕ КЛЮЧИ

В районе слушали отчёт Сарасинского сельского Совета. Высокий, со щербинкой на лице, с густой охалкой русых волос, Иван Гаврилович Казанцев неторопливо повествовал о сельской жизни. Участники заседания районного исполкома хвалили коммуниста Ивана Казанцева за его знание нужд народа, за готовность всегда прийти на помощь колхозникам. Молодой советский работник, возглавивший сельский Совет в годы войны, Казанцев беззаветно отдался новому, поглотившему его, делу.

Уже перед самым концом заседания, из задних рядов поднялся худой, в старенькой шинели, техник-строитель и громко обратился к председателю сельсовета:

— Ваше село разделяют тёплые ключи. Да и само название «Сараса» означает «тёплая вода». Интересно услышать о планах использования этой незамерзающей воды.

Этот неожиданный вопрос вызвал всеобщее возбуждение. Спокойный тон заседания был нарушен. Припомнили, что на водах речки Сараса должны соорудить гидростанцию, что об истории села местные педагоги составили книгу, что Сарасинские колхозы — самые высокогорные и вполне могут размножать ангорских коз с шелковистым пухом.

Казанцев не ответил на вопрос техника. Он слушал выступающих, что-то записывал в свою книжечку, никому не возражал. Всё это было для него неожиданным, новым и манящим.

...Поутру с районным работником Иваном Коняйкиным, человеком по-военному подтянутым, мы едем на тёплые ключи. Путь к сарасинским посёлкам лежит между пологих взгорий — по заснеженной ложбине. Давно здесь лютуют морозы. Воздух прозрачен, ломаные линии гор чётко обозначились на бледноглубом зимнем небе. По днищу ложбины струятся незамерзающие родники; их прикрыло золотистое облако пара.

Коняйкин почти с головой укутался в тулуп. Иногда он отворачивает мохнатый воротник, машет вдоль ложбины.

— Куда ни взглянешь — кругом тёплые ключи. Будто пекло гор разверзлось и выпустило кипяток.

Помолчали немного. Коняйкин снова говорит:

— История села очень примечательная — мне рассказывал знакомый учитель. Где-то под Смоленском, на Катунь был казачий форпост. В горы казаки ездили на охоту, в долину — за сеном. Отставному казаку Матвееву очень понравились сарасинские земли: на них тогда жили алтайцы — скотоводы. Места здесь благодатные: воткнёшь палку — дерево вырастет; тёплые воды зимой не замерзают; несметные угодья — знай себе хозяйствуй! Матвеев решил поселиться в Сарасе. Родню к себе вывез из России, соседей позвал.

Алтайцы вскоре ушли на другие богатые пастбища и вот там — указал Коняйкин на речку, покрытую прозрачным паром, — стали строить избы переселенцы. --

Село на тёплых ключах лежало в овраге. Улицы разбежались во все стороны, словно хотели упрятаться в горных ущельях. Утро только занялось, а в селе уже кипела повседневная трудовая жизнь. Взметая снежный вихрь, пронесся к водопою табун коней; гурьба ребятишек торопилась в школу; ударил молотом кузнец, и металлические звуки долго дрожали над селом. Повсюду желтели новостройки, на высоких лесах работали строители. Звонко стучали топоры.

— Клуб строят, — пояснил Коняйкин.

Особняк сельсовета стоял у росстани дорог. Несмотря на ранний час, к крыльцу подъезжали подводы, подскочил грузовик. В тёплых комнатах толпились посетители. Коняйкин, ранее бывавший здесь, прошёл прямо в кабинет председателя. За широким, покрытым красным сукном, столом сидели трое и громко читали, спорили, снова читали. Увлечённые своим делом, они не обратили внимания на нас.

— Правильно здесь написано, — говорил Казанцев. — Всё есть: и отставной казак Матвеев, и первый учитель, и свойство сарасинской воды — всё истина, всё правда. И район об этом знает.

Заметив нас, Казанцев немного смутился, прикрыл рукой тетрадь.

— За историю тёплых ключей взялись... Район хорошую задачу нам задал.

Двое из сидевших — депутат Пиккуль и учитель, автор истории Сарасы, Афанасий Степанович Кавалёв — согласно закивали головами.

Сельские историки показали нам свои первый литературный опыт. Это были беглые, ещё не отработанные, записи воспоминаний, отрывки из дневников. Авторы не столько заботились о литературной отделке своего труда, сколько об исторической достоверности фактов, о правильном освещении дат, людей, событий. С большой теплотой они рассказывали о подвиге своих предков, вступивших на сарасинскую землю в поисках счастья.

— Пока мы успели написать главу о прошлом, — сказал Пиккуль, — настоящее отобразить куда сложнее. Сколько новых событий, лиц, явлений. Большая, кипучая жизнь!

* * *

Тёплые ключи...

Знакомясь с сельскими буднями, мы поняли символическое значение этих коротких слов. «Тёплые ключи» — это не только физическое свойство воды, бьющей из каменных горных ущелий. Это — свойство самой колхозной жизни, постоянно согреваемой коммунистами, депутатами — вожаками села.

В многочисленные сельские учреждения — сельсовет, медицинский пункт, правления четырёх сельхозартелей, почту, Дом культуры идут сотни жителей, по разным большим и малым делам.

Вот низенький домик почтового отделения. Из района только что доставили письма, газеты, журналы, посылки. Связист ведёт сортировку. В желтоватых обложках — тома новых изданий трудов Мичурина, Докучаева, Тимирязева, Вильямса; большая стопка газет и журналов — общеполитических, специальных, литературных; пакетики с семенами — это опытникам колхозов; скомплектованные библиотечки — пополнение к тем трём тысячам книг, что составляют библиотечный фонд села; восемьдесят писем со штампами разных почтовых отделений страны.

— Кузьминным и Петровым сыны пишут, — доверительно сообщает почтальон. — Скоро выучатся на агрономов, этим летом на практику в колхозы приезжали.

Ещё письмо в синеватом конверте. Связист обрадован:

— Владимир Иванович, наш сосед, написал. Он на художника учится. Видели картину — для школы нарисовал?

И в этом вопросе звучит гордость за сельского человека, который теперь учится в Ленинграде.

Вот Дом культуры, здесь же изба-читальня. Помещение довольно просторное, но им уже недовольны колхозники. Вечерами здесь работает экономический семинар, лекторы выступают перед населением, в библиотеку приходят читатели, занимаются музыканты и танцоры — становится шумно, тесно. Население обратилось в сельский совет с ходатайством — построить новый, просторный, светлый Дом культуры. Выписали типовой проект, нашли техника-строителя, своими силами отрыли котлованы, возвели стены красивого особняка.

А пока в старом доме не утихает большая культурно-политическая работа. Лекторская группа — в неё входят Иван Гаврилович Казанцев, фельдшер Вагина, учитель Зырянов, — прочитала по заявкам колхозников восемьдесят лекций. Сто девяносто читателей библиотеки участвовали в обсуждении новых книг советских писателей. Кинопередвижка обслужила за год по восемь раз каждого жителя. Свои культурники, физруки, пропагандисты, историки, люди различных интеллигентных профессий возглавляют культурную жизнь предгорной глубинки.

Центром движения за рост хозяйства, за расцвет культуры является сельский Совет, направляемый партийной организацией. Коммунисты — животворная сила местного органа власти.

Многогранна и хлопотлива повседневная деятельность депутатов и работников Совета.

К Казанцеву пришёл техник-строитель Воробьёв. Он озабочен тем, что два председателя колхозов не выполняют решений общих собраний: им следовало выделить плотников — не выделили, они должны были подвезти лес и камень — не сдвинули.

— А вы сами к ним обращались? — спросил Казанцев.

— Гщё бы, по нескольку раз в день.

Через час Казанцев вёл беседу с неисправными председателями. Не забыли ли они о наказе колхозников, о труде, который вложен всем сельским обществом в стройку Дома культуры?

— Забыть не забыли. Текучка нас заела, Иван Гаврилович.

— Текучка, товарищ Балахнин? А где ваш ежедневный план, о котором на семинаре говорили? — допытывался председатель.

— Да мы же выполним! Завтра вам техник доложит, — примирительно вмешался второй собеседник.

— Не техник, а депутат мне скажет. Депутатский контроль построже — он народный, государственный. — пояснил Казанцев.

Проходит больше часа. Теперь уж идёт мирная беседа о текущих делах. Подводятся итоги хозяйственного года. Скоро начнутся отчёты и выборы правлений колхозов. Сельский совет, коммунисты отвечают за успех этой важнейшей кампании. Не подменяя прав артельных хозяйственников, не нарушая принципов демократии, сельский Совет умело направляет деятельность колхозных правлений и ревизионных комиссий. Основное внимание уделяется кадрам, их деловой и политической подготовке, их правильной расстановке.

Давно ли колхоз «Горный пахарь» считался отстающим в округе? Бюджет — неустойчивый, бедный; урожай — низкие. А рядом, у соседей — густые, чистые хлеба, пасеки, стада племенных животных.

Колхозники «Горного пахаря» заменили нерадивых членов правления, сняли животноводов. Партийная организация, сельский совет порекомендовали на должности бригадиров, звеньевых, животноводов старательных, честных тружеников. Демобилизованные войны — коммунисты Коровниковы возглавили товарные фермы. Теперь сельхозартель быстро пошла в рост.

Фёдор Артемьевич Балахнин, председатель растущего колхоза, беседует с Казанцевым:

— Заботу о нас сельсовет проявил немалую. И звеньевые у нас на своём месте, и кузнец, и командиры животноводства. Только бригадир тяжеловат, с народом не работает.

— Черепанов груб, — нахмурился Иван Гаврилович, — колхозница мне заявление подала: транспорта не даёт, бранится. Поговори с ним, не подействует — пусть на себя пеняет!

В соседней комнате идёт депутатский приём. Сегодня разбирает жалобы кузнец Николай Логинов. К депутату обращаются и по общественным, и по личным делам. Не поладили в семье инвалида Ерышева, обратились к авторитету депутата. Логинов долго и проникновенно убеждает жалобщиков. Затем уходит в дом Ерышевых и возвращается только через час.

— Мир в семье достигнут, — радуется Николай Логинов. — Очень хорошо получится, если они меня послушают.

Секретарь партийной организации сельсовета, она же секретарь исполкома, — молодая женщина Мария Рыблева. В эти дни по всех шестнадцати сельских округах проходят отчёты депутатов перед избирателями. Начался новый год, надо подвести итоги проделанного, наметить вехи на будущее.

Рыблева помогает сельским депутатам составить отчёт. Цифры, о которых расскажут депутаты своим избирателям, говорят о большой, плодотворной работе. Село сдало своему государству тридцать три тысячи пудов хлеба, две тысячи четыреста пудов мяса, тысячу пятьдесят пудов масла, сто пятьдесят пудов шерсти. Ни один колхоз, ни один колхозник не остался должником перед государством. Сверх поставок колхозники направили в городскую торговую сеть много липового мёда — им богата здешняя сторона.

Депутаты расскажут о бюджете села и доходах артельных хозяйств — они уже становятся миллионерами. Все статьи сельского бюджета точно выполнены, приходо-расходные сметы колхозов пополнились новыми источниками. Созданы пасеки в тысячу ульев, совхозы помогли обзавестись племенными гнёздами симменталов, улучшилось благосостояние колхозников. Депутаты расскажут о школе и кропотливом труде двенадцати педагогов —

воспитателем достойной смены, о труде медицинских работников, агрономов и зоотехников.

А в заключение, наверное, порадуют сельчан:

— Партийная организация, сельский Совет разрабатывают план правильного использования энергии тёплой воды...

Всем представится электрическая станция, мост через реку, плотина, мельницы, которые будут работать всю зиму — вода здесь неукротима, её в избытке.

Так ткётся живая ткань сельского рабочего дня.

* * *

В колхозе «Горный пахарь» недавно закончился киносеанс: жители смотрели картину о мужественном советском лётчике. Взволнованные правдивой повестью, люди расходились по улицам и переулкам, спешили в своё уютное, тёплое жильё. Последним вышел из кинозала высокий, плотный человек, и напрямик, по незаатвердевшим сугробам, направился к пожарному сараю.

— Эй, дежурные, куда вы там делись?! — баском крикнул человек.

Тусклый фонарь метнулся на ветру. Из сторожевой будки вышли дежурные.

— Потревожил я вас, ребята, уж не обижайтесь, — слышался всё тот же простуженный басок, — механиков надо отвезти, топорятся в район.

— Без хлопот и жить скучно, Фёдор Артемьевич — донёс ветер.

— А погода — просто любота! — пошутил кто-то у дежурки.

Погодка покусывает, — согласились с ним, — не застряли бы наши сеновозы.

Вскоре на сани погрузили железные ящики, и пара добрых коней, пофыркивая, тронулась в путь. Фёдор Артемьевич Балахнин постоял, посмотрел вслед уехавшим, и пошел на огонёк в правление колхоза.

В правлении составлялся отчёт, и председателя ожидали бригадиры, животноводы, пасечники, колхозные ревизоры. Фёдор Артемьевич снял шапку, прошёл в передний угол.

И как-то сама собой завязалась между собравшимися непринуждённая беседа, такая беседа, что согревает душу. В центре людского круга стоял Иван Казанцев. Много больших и малых перемен за последнее время произошло в «Горном пахаре». Были неурожайные годы, были неудачи в хозяйствовании. И всегда на выручку проходила местная власть, партийцы.

С чего мы начали после войны? — спросил Иван Казанцев. — С людей, с плана! — ответил себе.

К пятилетнему планированию звала партия: из отдельных цифр, показателей заводов, колхозов, совхозов, городов и сёл составлялось великое здание сталинской пятилетки. И по совету сельских вожakov сельхозартель «Горный пахарь» составила свой

пятилетний план — маленькое звено в большой государственной цепи.

За пять лет надо было внедрить травополье, превзойти довоенный уровень по производству зерна; укомплектовать товарные фермы и сделать их доходными; значительно увеличить товарность пасек — важной отрасли предгорных колхозов; механизировать многие процессы труда. Первые годы колхоз не справлялся с планом, и тогда ему на помощь пришли сельский Совет, партийная организация.

— Теперь свой план мы раньше срока превзойдём, — порадовался Балахнин. — Какие у нас вырисовываются доходы, товарищ Логинова? — наклонился он к счетоводу. И получив нужную справку, огласил: — К полумиллиону пододвигаемся!

И снова пошла своим чередом беседа — лёгкая, свободная. Это было продолжение истории села, которую ещё не завершили местные педагоги.

В 1949 году колхоз стал расширять сортовые посевы, чтобы как можно быстрее увеличить зерновое производство. Свою несортную пшеницу обменяли на семена лучшего районированного высокоурожайного сорта; расширили площади озимых культур. Большевики возглавили борьбу за внедрение передовой агротехники, за то, чтобы каждый колхозник овладел основами мичуринской агробиологической науки.

— Когда начинали культурное семеноводство, мы сильно почувствовали нужду в знаниях, — говорит Балахнин. — Около двухсот лет в наших местах сеяли пшеницу, почти два десятилетия прожили при колхозном строе, но об элите, о высоком классе зерна мы имели смутное представление. Мы зовём в агрономический кружок, а другой бородатый хлебороб ворчит: «Чего мне там делать? Издавна знаем, что хлеб надо сеять».

— Убедить человека потруднее, чем овсюг с поля вывести. — раздумчиво, словно про себя, рассуждал Балахнин. — Только большевики — кремневый народ, они не отступают! Дело мы всё же с мёртвой точки сдвинули. Теперь в агрокружках занимаются Василий Коровников, Анна Старикова, Доровских и многие другие. Готовимся к весне, познаём законы науки!

Во всём ходе вечерней беседы, в том, как чутко прислушивались колхозники к деловым, обстоятельным советам и метким репликам Казанцева, можно было наблюдать, насколько велик авторитет руководителя местной власти — сельского государственного деятеля.

...Ночью мы идём с Иваном Казанцевым по заснеженной ложине, вдоль парных, тёплых родников. Из ущелий доносит свежим ветром. Горы так же чётко видны, как и в утреннюю пору.

— Думаем здесь новое строительство начать, — говорит Казанцев. — Народ к бою готовим. Тёплая вода будет использована в интересах пятилетки.

И было это сказано твёрдо, как репёнье, вышешное и принятое тружениками Сарая.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении товарища Иосифа Виссарионовича Сталина орденом Ленина	3
Товарищу Сталину — великому вождю и учителю, продолжателю бессмертного дела Ленина.	4
Указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами»	10
А. СОТНИКОВ. Песня о сталинском Алтае. Стихи.	11
А. САРУЕВА. Дума о вождах. Стихи.	12
Селед. КУДЕРМАКОВ. Моё время. Стихи.	14
И. ФРОЛОВ. Комсомольский значок. Поэма.	15
Ф. ГРИНЬКО. По пути к коммунизму. Рассказ.	26
Д. РУСАНОВ. Машинист. Стихи.	41
Н. ПАВЛОВ. Творчество. Рассказ.	42
М. ЮДАЛЕВИЧ. Обязательно к нам приезжай. Стихи.	80
А. ДЕМЧЕНКО. Элита. Рассказ.	82
И ЗАЙЦЕВ. Гаврик Бубенцов. Рассказ.	92
Я. ШИЛИН. В поле. Стихи.	103
П. БУТУРЛАКИН. Рассказы о сержанте Смирнове.	104
М. ДЛУГОВСКОЙ. Пастух. Стихи.	125
Доцент И. ПАРИЛОВ. Поэзия алтайских партизан эпохи гражданской войны	126
И. ЛОБАНОВА. Исправленная ошибка. Записки судьи.	141
В. БИРЮКОВ. В одном районе. Из блокнота корреспондента	148

Главный редактор С. А. Романенко.

Редакционная коллегия: Б. Е. Аверченко, Б. А. Баринев, С. Т. Гусев, Л. Ф. Кирилук, А. А. Розин, П. М. Старожилов, В. И. Трушин, М. И. Юдалевич.

Тех. редактор С. Каплан.

АГ 00057.

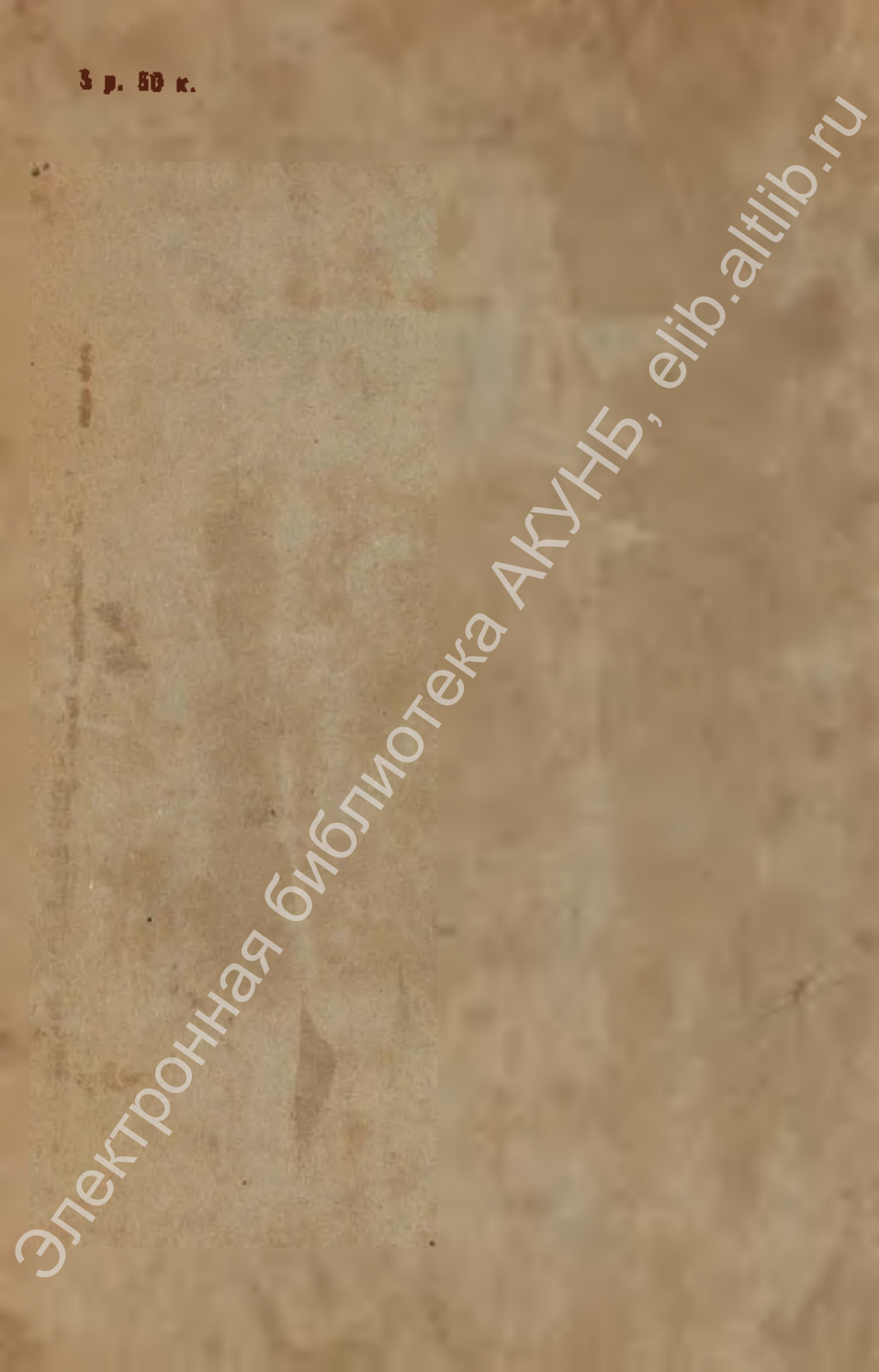
Подписано к печати 7. 1. 1950 года.

Объем 10¹/₄ п. л. и 4 вкладки.

Тираж 7000 экз. Забаз № 1032.

г. Барнаул. Тип. Алтайиздата.

3 р. 50 к.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru